№ 4 Годъ XXIII

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

АПРѢЛЬ

1891

ТОМЪ VII

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К.°, Леонтьевскій пер., № 5
1891

Содержаніе апрѣльской книги.

Стран.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1891

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

ТОМЪ VII

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(Апрѣль)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер. № 5.
1891

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ РЕФОРМА ГРАФА Е. Ф. КАНКРИНА (1839—1843 Г.) *).

X.

Съ 1 января 1840 г. была введена и другая мѣра, предложенная министромъ финансовъ, депозитная касса. Цѣль учрежденія послѣдней заключалась въ стремленіи создать легко подвижные знаки, размѣнные на металлъ, которые бы ходили на равнѣ съ узаконенною серебряною единицею. Для упроченія довѣрія въ обществѣ къ денежнымъ билетамъ, выпускаемымъ изъ депозитной кассы, имъ было придано качество быть принимаемыми во всѣхъ платежахъ на равнѣ съ серебромъ; кромѣ того для обезпеченія вкладчиковъ было узаконено: поступающую въ депозитную кассу монету хранить неприкосновенно и отдѣльно отъ суммъ коммерческаго банка подъ отвѣтственностію сего банка и наблюденіемъ особыхъ директоровъ изъ членовъ совѣта государственныхъ кред. уст. и ни въ какой расходъ, какъ только для обратнаго промѣна билетовъ на серебро не употреблять. Вводя указанную мѣру, министръ финансовъ ревностно слѣдилъ за ходомъ ея операцій, и ему ежедневно доносили о вкладчикахъ, берущихъ вклады обратно. Оказывается, что касса встрѣтила крупный успѣхъ въ обществѣ. Этому содѣйствовало слѣдующее обстоятельство—серебро слишкомъ громоздко для перевозокъ, пересылокъ, такъ какъ въ тысячѣ рубляхъ его находилось 1 п. 19 ф. 59 зол. Разумѣется, уже въ виду этого каждое лицо предпочитало взамѣнъ его имѣть размѣнные на серебро депозитные билеты, принимавшіеся во всѣхъ платежахъ. Для дальнѣйшаго распространенія ихъ въ обществѣ билеты депозитной кассы были разосланы по разнымъ городамъ, какъ-то: въ

*) См. „Юрид. Вѣстникъ“ 1891 г., № 3.

Москву, Ригу, Одессу и т. д. Наиболѣе ходкій оборотъ билеты получили въ Одессѣ. Вообще же, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ управляющими казенными палатами, оказывается, что билеты шли хорошо между помѣщиками и купцами, тогда какъ между крестьянами мало. Такимъ образомъ, они были признаны деньгами, и только въ Москвѣ по поводу ихъ возникли толки, что это не государственныя облигаціи, а векселя коммерческаго банка.

Крупное значеніе двухъ указанныхъ мѣръ заключалось въ томъ, что благодаря имъ, была узаконена и опредѣлена денежная единица, на которую было предписано совершеніе всѣхъ казенныхъ сдѣлокъ съ уплатою серебромъ или же ассигнаціями по разъ навсегда установленному курсу. Для облегченія хода серебряной монеты были введены въ народное обращеніе легко подвижные денежные знаки выдаваемые изъ депозитной кассы—депозитные билеты. Благодаря принятымъ мѣрамъ, былъ прекращенъ простонародный лажъ и курсы на серебро стали принаровляться къ одной мѣрѣ 3 руб. 50 к. Что именно такія слѣдствія повлекли принятыя мѣры, на это указываютъ донесенія изъ разныхъ мѣстъ Россіи; для примѣра приведемъ рапортъ таганрогскаго градоначальника, который доносилъ Государю, что простонародный лажъ прекратилъ свое дѣйствіе; торговцы понизили цѣну на предметы соотвѣтственно лажу въ 3 р. 50 к.; не понижена цѣна на желѣзо, строевой лѣсъ, «на хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ по скудному урожаю». Точно также былъ прекращенъ лажъ въ оренбургскомъ краѣ и въ другихъ мѣстахъ россійской имперіи [59]).

XI.

Приведенные факты воочію доказываютъ, съ какимъ трудомъ было сопряжено возстановленіе металлическаго обращенія, потребовавшее предварительнаго принятія мѣръ по изъятію значительной части ассигнацій изъ оборота, а также проведенія законодательныхъ мѣръ къ водворенію обращенія въ народномъ хозяйствѣ металлическихъ денегъ. Въ мѣрахъ 1 іюля 1839 г. заключается суть реформы. Послѣдовавшія затѣмъ измѣненія, именно: введеніе кредитныхъ билетовъ и замѣна всѣхъ денежныхъ знаковъ государственными кредитными билетами, представляютъ второстепенный интересъ. Поэтому, не касаясь болѣе фактической стороны реформы, мы обратимъ главнѣйшее вниманіе на разборъ вопроса: въ какой мѣрѣ принятыя мѣры содѣйствовали упроченію металлическаго обращенія и характеризовали его продолжи-

тельность. Но прежде, чѣмъ коснуться этого вопроса, мы посмотримъ, какое впечатлѣніе и вліяніе произвели разсмотрѣнныя мѣры на современное общество? Въ этомъ случаѣ надо различать западно-европейское общество и наше. Что касается до перваго, то, если судить по оффиціальнымъ сообщеніямъ нашихъ должностныхъ лицъ, тамъ мѣры по возстановленію металлическаго обращенія были приняты весьма сочувственно [60]). Такъ, напримѣръ, нашъ генеральный консулъ въ Бразиліи, между прочимъ, упоминаетъ, что по полученіи манифеста отъ 1 іюля 1839 г. о денежной нашей системѣ «министры бразильскіе прочитали оный съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ, если не съ завистью, изъявляя, что и они охотно бы послѣдовали такимъ прекраснымъ примѣрамъ высокой мудрости и патріотической ревности». Изложенные въ подобномъ видѣ отзывы едва ли представляютъ дѣйствительное отношеніе къ этому вопросу, да для насъ и не такъ важно знать, какъ думали бразильскіе и иные министры о нашей денежно-кредитной реформѣ. Такъ какъ указанная мѣра наиболѣе касалась русскихъ людей, поэтому интереснѣе знать, какое впечатлѣніе произвели эти мѣры—у насъ. Всякое нововведеніе, захватывающее обширный кругъ лицъ и притомъ подготовляемое въ тиши, какъ, напримѣръ, реформа возстановленія металлическаго обращенія, должно изумить массу, находящуюся въ полномъ невѣдѣніи относительно происходящихъ на ея глазахъ фактовъ первостепенной важности. Несомнѣнно, для темной массы населенія принятая мѣра была малопонятна. Она даже приводила въ смущеніе людей интеллигентныхъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывается о ней въ своемъ дневникѣ проф. Никитенко: «новая денежная система сводитъ всѣхъ съ ума. *Никто не понимаетъ этихъ сложныхъ разсчетовъ.* Неоспоримо только то, что всѣ сословія болѣе или менѣе теряютъ, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ кризисѣ и потому всѣ недовольны, всѣ ропщутъ... *между тѣмъ какъ курсъ на монету понизился, съѣстные припасы остаются въ прежней цѣнѣ»* [61]).

Несомнѣнно, какъ и всякое нововведеніе въ области экономической жизни, реформа денежной системы должна была найти порицателей. Это общее явленіе. Какъ оказывается, она вводила сложные разсчеты благодаря введенію новаго счета на серебро, а это дѣйствительно причиняло осложненія при ежедневныхъ сдѣлкахъ. Но главнѣйшее вліяніе могло проявиться въ измѣненіи цѣнъ товаровъ; едва ли, однако, это могло имѣть мѣсто потому, что путемъ давнишняго водворенія металлическихъ денегъ въ обращеніи, цѣны уже болѣе или менѣе приспособились къ ней. Въ виду чего объявленіе денежной единицею—

серебрянаго рубля не могло внести рѣзкихъ измѣненій въ повседневныя сдѣлки.

Что касается до экономической литературы, то при тогдашнихъ условіяхъ общественной жизни, очевидно, въ ней не могли высказывать мнѣніе о тѣхъ или иныхъ правительствомъ принятыхъ мѣрахъ. Въ то время обсуждать ихъ могли въ государственномъ совѣтѣ или заграницей. Что касается до государственнаго совѣта, то мы уже упоминали, какъ тамъ отнеслись къ означенной мѣрѣ при ея разработкѣ, хотя при этомъ необходимо упомянуть, что и тамъ выставляли произвольный характеръ указанной мѣры, которая фиктивно уменьшала цѣну имущества.

Основательную критику встрѣтила денежно-кредитная реформа графа Канкрина не у насъ — по тогдашнимъ условіямъ общественно-государственной жизни критически относиться къ мѣрамъ правительства было нельзя, а заграницей, гдѣ противъ нея сдѣлалъ серьезныя возраженія авторъ «Опыта теоріи налоговъ» Н. И. Тургеневъ [62]), проживавшій въ Парижѣ. Сдѣланныя имъ возраженія двоякаго рода: одни касаются способа возстановленія металлическаго обращенія, другіе же направлены противъ главныхъ основаній реформы. По мнѣнію Тургенева, тотъ же результатъ, который достигъ гр. Канкринъ путемъ перемѣны названій, могъ бы быть полученъ безъ всякихъ измѣненій, спутывающихъ понятія народа. Вообще всякой перемѣны названій надо избѣгать—они вносятъ въ жизнь затрудненія, какъ это было во Франціи съ введеніемъ новыхъ мѣръ и вѣсовъ. Что же касается до металлическаго обращенія, то оно было бы возстановлено съ уничтоженіемъ ассигнацій мелкихъ достоинствъ (Sur lés Russes et la Russie 2 т. 539 ст.). Отчасти подобную мысль приводилъ въ свое время и кн. Друцкой-Любецкій, хотя она не была у него такъ рельефно и понятно выражена. При сдѣланномъ же рѣшеніи вопроса гр. Канкринымъ указанная мѣра, по словамъ Тургенева, не можетъ принести значительной пользы, а вредъ отъ нея большой (ibid, 540 стр.). Вообще, авторъ, живя долгое время заграницею, съумѣлъ хорошо ознакомиться съ достоинствами существовавшей тамъ денежно-кредитной системы и оцѣнить неудачныя стороны въ реформѣ гр. Канкрина. Онъ совершенно справедливо указываетъ на вредъ выпуска депозитныхъ билетовъ мелкихъ достоинствъ и ссылается на примѣръ Франціи, гдѣ банковыя ноты выпускаются достоинствомъ въ 250 и 500 франковъ и кромѣ того указываетъ, что было бы лучше перейти къ мелкой денежной единицѣ.

XII.

Въ составленномъ планѣ было рѣшено, какъ только проектируемыя мѣры привьются, перейти къ дальнѣйшему преобразованію денежной системы въ 1842 или 1843 г., но сдѣлали это раньше. Въ 1841 г. былъ изданъ манифестъ, коимъ былъ разрѣшенъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Мотивы и суть указанной мѣры хорошо выяснены въ манифестѣ 1 іюля 1841 года. Тамъ значилось слѣдующее: для обезпеченія и оборотовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и увеличенія легко подвижныхъ знаковъ было рѣшено выдавать ссуды кредитными билетами, коихъ было разрѣшено выпустить на 30 милл. р. (§ III м.). «Кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ состояніемъ государства и безостановочнымъ во всякое время размѣномъ оныхъ на звонкую монету изъ особаго фонда; *вслѣдствіе чего кредитнымъ билетамъ присвояется хожденіе по всей имперіи на равнѣ съ серебряною монетою*". Въ дѣйствительности первоначально было выпущено 10 милл. р. Канкринъ по поводу этой мѣры говоритъ слѣдующее въ обзорѣ своего двадцатилѣтняго управленія министерствомъ финансовъ: «въ 1841 году для умноженія въ нужныхъ случаяхъ способовъ банковъ (очевидно, благодаря кризису 1840 г.) къ усиленію ссудъ, по предложенію, въ особомъ совѣщаніи въ присутствіи Его Императорскаго Величества разсмотрѣнному, учрежденъ выпускъ до 30 милл. руб., а фондъ въ $1/_6$ часть выпущенной массы, и съ обезпеченіемъ ихъ всѣмъ состояніемъ банковъ». Фондъ сей, однако, для осторожности, въ началѣ операціи назначенъ былъ гораздо болѣе шестой части.

На это обстоятельство обыкновенно не обращаютъ вниманія, между тѣмъ, очевидно, къ выпуску кредитныхъ билетовъ, прибѣгли подъ вліяніемъ кризиса 1840 г., когда вкладчики подъ давленіемъ неурожая ринулись на казенныя кредитныя учрежденія, въ кассахъ же послѣднихъ денегъ не было. Такимъ образомъ, подъ самый конецъ управленія министромъ финансовъ гр. Канкрина обнаружилось, что система казенныхъ банковъ построена на ложныхъ началахъ и достаточно небольшого толчка, чтобы все рухнуло. При такихъ то обстоятельствахъ «для умноженія въ нужныхъ случаяхъ *способовъ* банковъ» состоялся выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Такимъ образомъ, въ народномъ обращеніи одновременно появилась серебряная монета, депозитные билеты и кредитные рубли. Несомнѣнно, подобный порядокъ нарушилъ стройность денежной системы. Съ цѣлью сгладить эти неравенства, было рѣшено ввести однообразіе

въ денежную систему, для чего манифестомъ 1 іюля 1843 г. было рѣшено замѣнить всѣ разнообразные денежные знаки однимъ—государственными кредитными билетами. Поэтому находившіяся въ обращеніи ассигнаціи въ числѣ 595,776,310 р., составляющія по установленному на нихъ курсу 170,221,802 р., были замѣнены государственными кредитными билетами; для обезпеченія безостановочнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкія деньги былъ учрежденъ постоянный фондъ изъ золотой и серебряной монеты не менѣе $^1/_6$ части выпущеннаго количества (см. V ст. ман. 1 іюля 1841 г.). Въ силу этого закона было передано 28 мил. р. въ фондъ обезпеченія. За вносимые вклады серебряною монетою выпускаются государственные кредитные билеты. Указанными мѣрами былъ приданъ государственнымъ кредитнымъ билетамъ денежный характеръ, а чтобы охранить ихъ отъ поддѣлокъ былъ воспрещенъ вывозъ и ввозъ изъ-за границы. Такимъ образомъ сложилось наше дѣйствующее законодательство о денежномъ обращеніи; лишь впослѣдствіи были внесены въ него нѣкоторыя частныя измѣненія.

Закончивъ изложеніе хода денежно-кредитной реформы гр. Канкрина, мы теперь вкратцѣ изложимъ фактическую сторону обращенія бумажныхъ денегъ въ Россіи съ 1818 г. Какъ оказывается, въ 1818 г. сумма ассигнацій въ обращеніи равнялась 836 милл. р., изъ коихъ коммиссіей погашенія долговъ было предано сожженію въ 1818 г. 38,023,875 р., въ 1819 г.—80,229,030 р., въ 1820 г.—35,614,105 р., отложено для сожженія въ 1821 г. 21,224,410 р.; не вступило при обмѣнѣ 12,287,465 р., а всего было изъято изъ обращенія 203,396,885 р. и оставалось въ обращеніи 632,603,115 р. (въ уплату за фальшивыя поступило 6,857,155; вновь вып. 1,437,275). Всего же въ 1822 г. находилось въ обращеніи 640,897,470 руб., да къ уничтоженію было приготовлено 44,968,230; слѣдовательно за уничтоженіемъ, осталось въ обращеніи 595,929,240 р.; за тѣмъ всего осталось 595,776,310 [63]). Помимо приведенной суммы находилось въ обращеніи депозитныхъ билетовъ 48,551,197; изъ нихъ изъято по 1 января 1844 года 26,360,658 р. и оставалось 22,190,539 руб. Въ силу манифеста 1 іюля было предъявлено къ обмѣну 165,960 т. руб. Такимъ образомъ, въ пользу казны осталось болѣе 4 милл. р. Таковъ былъ ходъ самаго процесса переименованія денежныхъ знаковъ въ государственные кредитные рубли и таково законодательство о денежномъ обращеніи. Намъ остается вкратцѣ сгруппировать характерныя черты нашего денежнаго обращенія: денежною единицею является серебряный рубль, заключающій въ себѣ опредѣленный вѣсъ. Такимъ обра-

зомъ, впервые былъ измѣненъ законъ 1812 г., коимъ ассигнаціямъ былъ приданъ законный курсъ.

XIII.

Почему было выбрано монетною единицею серебро, а не золото, объясняется самыми разнообразными причинами: большинство европейскихъ государствъ въ это время придерживалось двойной единицы и только одна Англія въ 1816 г. перешла къ золотой единицѣ; Россія же держалась сербряной, золото было допущено къ пріему въ видѣ исключенія. Повидимому причина этого явленія заключается въ историческихъ условіяхъ: у насъ по преимуществу находилось въ обращеніи серебро, золото же допускалось въ исключительныхъ случаяхъ, хотя мы владѣли главнымъ образомъ золотыми рудниками. Но такъ какъ серебряныя деньги представляютъ крупныя неудобства, будучи громоздкими, то были введены легко подвижные знаки — государственные кредитные билеты, на которые перешли тѣ же качества, которыя имѣли ассигнаціи, т. е. обязательный пріемъ въ частныхъ и казенныхъ сдѣлкахъ и они имѣли хожденіе наравнѣ съ серебряными деньгами. Замѣна металлическихъ денегъ бумажными представляетъ значительныя выгоды, такъ какъ звонкія деньги сильно стираются. По словамъ экономиста Gevons'а, черезъ 20 лѣтъ золотая монета стирается до того, что теряетъ значительную часть своего вѣса, вслѣдствіе чего надо перечеканивать монету. При осмотрѣ металлическихъ денегъ у насъ оказалось, что онѣ теряютъ вѣсъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: полуимперіалы Екатерининскаго времени, находившіеся въ тридцатыхъ годахъ въ народномъ обращеніи, первоначально будучи выпущены вѣсомъ въ 1 золотникъ $51^{75}/_{273}$ долей, теряли къ тридцатымъ годамъ $2^{75}/_{275}$ долей, выпущенные же въ царствованіе императоровъ Павла и Александра 1-го теряли $1^{1425}/_{1775}$ долей. Для обезпеченія постояннаго размѣна былъ устроенъ особый размѣнный фондъ, составляющій по крайней мѣрѣ $^1/_6$ часть всей суммы выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ и была образована особая экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ, которая завѣдывала ихъ выпусками. Что же собою представляли государственные кредитные билеты съ юридической и экономической точки зрѣнія? Имъ былъ приданъ обязательный курсъ, слѣдовательно, на нихъ перешло свойство ассигнацій. Сопоставляя же нѣкоторые §§ манифеста о кредитныхъ билетахъ 1841 г. касательно выпуска ихъ, выходитъ, что законодательство, введя ихъ въ употребленіе, допустило пропускъ, не прибавивъ,

что кредитные рубли могутъ ходить наравнѣ съ серебряными деньгами до тѣхъ поръ пока размѣнны. Слѣдоват., по юридическому характеру кредитные билеты—тѣ же ассигнаціи, только размѣнныя на серебро.

Возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ эпизодовъ финансовой исторіи. Но обсуждая способы и пріемы возстановленія, нельзя упускать изъ виду, что металлическое обращеніе было возстановлено путемъ девальваціи. Слѣдовательно, въ этомъ заключается существенное отличіе отъ возстановленія металлическаго обращенія въ Англіи, гдѣ банковые билеты были подняты до al pari, не смотря на паденіе ихъ курса до 50%. Для насъ представляется несравненно болѣе интереснымъ въ этомъ случаѣ коснуться второй стороны затронутаго вопроса, именно: были ли принятыя мѣры достаточны для укрѣпленія и упроченія обращенія звонкой монеты? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо разобрать основныя начала устройства денежнаго обращенія у насъ. Денежное обращеніе есть дѣло общественно-государственное, поэтому повсемѣстно устроено такимъ образомъ, что государство указываетъ способы выпуска звонкой монеты и взамѣнъ ея—орудій обращенія, кредитныхъ знаковъ. Въ видахъ предохраненія отъ потерь, происходящихъ отъ стиранія звонкой монеты, а также для облегченія народонаселенія, правительство стремится замѣнить ихъ какими либо легко подвижными знаками, обыкновенно банковыми нотами, предоставляя право выпуска послѣднихъ особому центральному банку, при чемъ для предохраненія отъ могущихъ послѣдовать злоупотребленій требуетъ отъ эмиссіонныхъ учрежденій соблюденія извѣстныхъ гарантій, въ родѣ выпуска нотъ въ строго опредѣленномъ количествѣ, съ условіемъ обезпеченія равнымъ количествомъ золота или же третьею частью металла и остальныхъ $^2/_3$—коммерческимъ активомъ и т. п. При выработкѣ такого рода правилъ руководствуются предшествующимъ опытомъ и данными науки. Выпускаемымъ нотамъ законодатель обыкновенно не предоставляетъ права быть принимаемыми въ казну въ уплату налоговъ. Слѣдовательно, въ указанныхъ чертахъ заключается рѣзкое отличіе организаціи эмиссіонной операціи у насъ отъ другихъ государствъ Европы. У насъ при выработкѣ началъ денежно-кредитной системы законодатель держался существующей почвы, а равно господствовавшихъ ранѣе взглядовъ. Согласно же господствовавшимъ взглядамъ, въ средѣ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей не могло возникнуть мысли объ ея устройствѣ на иныхъ началахъ. Въ зависимости отъ этого находится, что при самомъ возникновеніи у насъ банковъ, выпускъ ассигнацій былъ оставленъ за государствомъ; да иначе и

быть не могло, такъ какъ при тогдашнихъ условіяхъ нашей общественной и государственной жизни даже не могло возникнуть мысли объ иной организаціи. Сознаніе о необходимости предоставленія выпуска государству укоренилось въ обществѣ до такой степени, что каждое предложеніе иной организаціи всегда встрѣчало рѣзкое противодѣйствіе. Вообще, едва ли существуетъ менѣе популярная въ русскомъ обществѣ мысль, чѣмъ общественно-государственная организація эмиссіонной операціи. Это находится въ зависимости отъ разнаго рода условій: во первыхъ, отъ малаго пониманія и знакомства съ дѣйствіями старыхъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій, вѣдавшихъ эмиссіонную операцію, и во вторыхъ, отъ недовѣрія къ частнымъ учрежденіямъ и неяснаго пониманія, во имя чего предлагаютъ иную организацію выпуска кредитн. билетовъ. Наше общество до такой степени напугано печальной практикой крупныхъ промышленныхъ и банковыхъ предпріятій, что во всякомъ не исключительно казенномъ кредитномъ учрежденіи представляетъ себѣ какое-то хищническое общество, чего въ указываемомъ нами случаѣ быть не можетъ. Между тѣмъ мысль о подобной формѣ эмиссіонной операціи не такъ нова въ нашей жизни; какъ въ прошломъ, такъ и въ началѣ текущаго вѣка, въ правящихъ сферахъ неоднократно возникала объ этомъ мысль, ее даже пытались провести въ жизнь, но всегда останавливались на полумѣрахъ, то вводя въ составъ правленія коммерческаго банка представителей отъ купечества, то учреждая совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій въ качествѣ особаго контролирующаго учрежденія. Затѣмъ возникла эта мысль предъ учрежденіемъ государственнаго банка, но каждый разъ обстоятельства были таковы, что предпочитали держаться сложившагося порядка, въ виду чрезвычайно затруднительнаго финансоваго положенія. Въ данномъ случаѣ боятся ввести въ такое общественно - государственное дѣло, какъ кредитно - денежное обращеніе, сторонній элементъ. Въ извѣстной степени подобныя опасенія, какъ это показываетъ практика германскаго имперскаго банка, напрасны. Какъ извѣстно, тамъ точно также существуетъ имперскій германскій банкъ, строго преслѣдующій народно-экономическіе и государственные интересы. Въ составъ его входятъ акціонеры, *исключительно германскіе подданные*, во главѣ банка стоятъ лица, назначаемыя правительствомъ, и банкъ носитъ полуправительственный характеръ, находясь въ завѣдываніи имперскаго канцлера. Въ подобное положеніе онъ былъ преобразованъ изъ казеннаго королевскаго банка. Вообще вездѣ, гдѣ заходилъ вопросъ объ устройствѣ денежнаго обращенія на правильныхъ началахъ, государство всегда откло-

няло отъ себя выпускъ банковыхъ билетовъ въ силу опасенія, чтобы правительство произвольнымъ выпускомъ не нарушило правильный строй денежнаго обращенія, и такимъ образомъ не внесло бы неустройства въ столь важное дѣло, какъ эмиссіонная операція.

Все предшествующее приводитъ насъ къ убѣжденію, что основныя начала Канкринской денежно-кредитной реформы едва ли вѣрны, такъ какъ у насъ *не было создано кредитной системы, а осталось въ дѣйствительности нѣсколько улучшенная ассигнаціонная.* Понятно, поэтому, денежное обращеніе исключительно осталось во власти государства, не смотря на то, что весь предшествующій опытъ доказываетъ, что само правительство при полномъ желаніи воздержаться отъ пользованія выпусками ассигнаціонныхъ билетовъ для финансовыхъ цѣлей въ этомъ не успѣвало. Самъ же прославленный министръ финансовъ гр. Канкринъ наиболѣе содѣйствовалъ извращенію казенныхъ кредитныхъ учрежденій, съ одной стороны сдѣлавъ ихъ постояннымъ источникомъ для позаимствованій суммъ на покрытіе дефицитовъ, съ другой, давъ совершенно ложное направленіе поступавшимъ туда капиталамъ: безсрочные вклады помѣщая въ долгосрочныя ссуды. Какъ кажется, подъ конецъ своего управленія министерствомъ финансовъ гр. Канкринъ понялъ гибельныя начала существовавшаго порядка, въ чемъ его наиболѣе убѣдилъ кризисъ 1840 г.; но старому министру было трудно въ этомъ сознаться, уходя со сцены послѣ 20-лѣтняго авторитетнаго управленія русскими финансами. И, какъ кажется, онъ въ значительной степени является отвѣтственнымъ лицомъ предъ исторіей за крахи казенныхъ кредитныхъ учрежденій и неподготовленность нашу къ періоду реформъ. Держась существующаго законодательства относительно денежнаго обращенія, онъ не создалъ дѣйствительно кредитныхъ билетовъ, а подъ этимъ названіемъ ввелъ размѣнныя бумажныя деньги, сохранившія характеръ и свойства ассигнацій. На самомъ дѣлѣ, что же представляли собою государственные кредитные билеты, были-ль они банковыми нотами, или тѣми же ассигнаціями, размѣненными лишь на металлъ. Въ 1812 году нашимъ ассигнаціямъ впервые былъ приданъ принудительный курсъ, вслѣдствіе чего онѣ получили обязательный пріемъ въ сдѣлкахъ частныхъ лицъ между ними и съ казною. Такой же характеръ впослѣдствіи былъ приданъ государственнымъ кредитнымъ билетамъ. Такимъ образомъ, они рѣзко отличаются отъ банковыхъ билетовъ, выпускаемыхъ изъ центральныхъ банковъ Европы, будучи обязательными въ пріемѣ какъ въ сдѣлкахъ между частными лицами, такъ и въ казну [64]), чего не придано банковымъ билетамъ ни одного эмиссіоннаго кредитнаго учрежденія. Отличительный

характеръ послѣднихъ заключается именно въ отсутствіи этого обязательнаго характера, поэтому въ казенныхъ кассахъ принимаются исключительно металлическія деньги; если же въ нѣкоторыхъ государствахъ узаконенъ ихъ пріемъ, то это исключительно въ частныхъ сдѣлкахъ, притомъ тогда лишь, когда онѣ размѣнены на звонкую монету, но и это введено не во всѣхъ государствахъ. Исходя изъ положенія манифеста о кредитныхъ билетахъ 1841 г., что кредитнымъ билетамъ присвояется хожденіе наравнѣ съ серебряными деньгами, на которыя они размѣнны, можно сдѣлать выводъ, что кредитные билеты обязательны въ пріемѣ, пока они размѣнны. Въ дѣйствительности, однако, подобный выводъ пародоксаленъ. Такимъ образомъ, юридическій характеръ кредитныхъ билетовъ заключается *въ принудительномъ характерѣ*, благодаря чему они признаются законнымъ средствомъ для совершенія платежей. Это обстоятельство указываетъ, что въ этомъ случаѣ при Канкринѣ были водворены въ народное обращеніе тѣ же бумажныя деньги, но размѣнныя, а совсѣмъ не кредитные знаки, въ родѣ банковыхъ билетовъ.

Для обезпеченія постояннаго размѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ на металлическія деньги, согласно манифесту 1841 г. былъ образованъ особый размѣнный фондъ изъ серебра и золота, совершенно независимый отъ другихъ казенныхъ суммъ. Размѣнный фондъ существуетъ въ качествѣ гарантіи постояннаго размѣна предъявляемыхъ въ банкъ кредитныхъ билетовъ. Поэтому, въ виду спеціальной обязанности эмиссіоннаго банка поддерживать постоянный размѣнъ, содержаніе подобнаго фонда въ опредѣленныхъ размѣрахъ входитъ въ составъ его обязанностей. Размѣнный фондъ, какъ таковой, оказываетъ извѣстное психическое вліяніе на заинтересованныхъ лицъ, указывая, что кредитное учрежденіе имѣетъ полную возможность своевременно выполнить его обязательства предъ обществомъ по размѣну кредитныхъ билетовъ, а это послѣднее можетъ быть выполнено въ томъ лишь случаѣ, когда въ кассахъ находится въ достаточныхъ размѣрахъ металлъ. Но такъ какъ, съ одной стороны, было бы крайне затруднительно держать равное количество золота или серебра суммѣ находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, т. е. почти двѣсти мил. р., съ другой же стороны, опытомъ доказано, что въ этомъ даже нѣтъ особой надобности, такъ какъ къ размѣну предъявляется только небольшая часть циркулирующихъ денежно-кредитныхъ знаковъ,—то законодатель повсемѣстно установилъ, согласно указаніямъ опыта, извѣстныя пропорціональныя между ними отношенія, напр., въ англійскомъ банкѣ сумма необезпеченныхъ золотомъ банковыхъ нотъ равня-

ется $15^1/_2$ мил. ф., каждая же нота, выпущенная свыше этой цифры, обезпечивается равнымъ количествомъ золота. Во французскомъ банкѣ металломъ обезпечивается третья часть обращенія, остальныя же $^2/_3$— векселями и другими краткосрочными обязательствами и т. д.

Въ данномъ случаѣ наше законодательство объ этомъ предметѣ отличается довольно рѣзко отъ законодательства другихъ странъ: у насъ выпуски обезпечиваются обязательствомъ держать фондъ не ниже $^1/_6$ всей суммы находящихся кредитныхъ билетовъ. Это обстоятельство отдаляетъ возможность постояннаго размѣна на монету. Положимъ, при чтеніи законодательныхъ актовъ какъ будто выходитъ, что въ дѣйствительности такимъ образомъ только обезпечиваются 170 мил. руб.; что касается до дальнѣйшихъ выпусковъ, то они должны быть обезпечиваемы рубль за рубль — о послѣднемъ можно вывести заключеніе изъ пункта VIII манифеста, въ которомъ говорится, что дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ производятся подъ обезпеченіе вкладами серебра; но позднѣйшая практика государственнаго банка доказала, что едва ли возможно дѣлать подобное толкованіе, такъ какъ само правительство своими дѣйствіями по выпуску кредитныхъ билетовъ доказало его неправильность. Отсюда вытекаетъ, что установленный размѣнный фондъ недостаточенъ для обезпеченія размѣнности кредитныхъ билетовъ. Чѣмъ руководился гр. Канкринъ, предлагая размѣнный фондъ столь незначительныхъ размѣровъ, для насъ остается непонятнымъ. Полагаемъ, что въ основаніи его ошибочной мысли лежало малое знакомство съ постановкою вопроса въ другихъ государствахъ, а также отсутствіе достаточныхъ средствъ у государственнаго казначейства для пріобрѣтенія металла.

Все приведенное вполнѣ доказываетъ, что въ организаціи нашего денежнаго обращенія были внесены существенныя улучшенія сравнительно съ предшествующей эпохою: прежде всего, были прекращены выпуски ассигнацій изъ ассигнаціоннаго банка. Заслуга въ этомъ, впрочемъ, принадлежитъ предшественнику гр. Канкрина, Гурьеву, а также государственному совѣту. Дѣло завѣдыванія выпусками кредитныхъ билетовъ перешло отъ ассигнаціоннаго банка къ экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, выпустившей 176 мил. р. взамѣнъ 595 мил. р. ассигнаціями. Помимо ихъ въ обращеніе могли быть произведены дальнѣйшіе выпуски подъ обезпеченіе $^1/_6$ доли выпущеннаго количества серебромъ. Какъ ни недостаточны эти мѣры, все же сравнительно съ предыдущимъ временемъ въ области законодательства о денежномъ обращеніи замѣчаются значительныя улучшенія.

Указаннымъ устройствомъ эмиссіонная операція существенно отли-

чается отъ ея устройства въ другихъ государствахъ. Повсемѣстно выпускъ банковыхъ билетовъ находится въ тѣсной связи съ коммерческими операціями эмиссіонныхъ банковъ, тогда какъ у насъ она пріобрѣла совершенно особый характеръ строго государственной монополіи, связанной тѣсно съ финансовымъ управленіемъ. Хотя съ преобразованіемъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій эмиссіонная операція и была присоединена къ государственному банку, но они нисколько между собою не были связаны и на него перешли тѣ же функціи, которыя были возложены на экспедицію государственныхъ кредитныхъ билетовъ: a) производить обмѣнъ ветхихъ билетовъ на новые. Въ этомъ случаѣ между нашими кредитными учрежденіями и англійскимъ банкомъ заключается крупная разница: тамъ разъ банковый билетъ возвращается въ банкъ, отъ него отрывается уголокъ, и онъ не можетъ быть второй разъ выпущенъ въ обращеніе. По нашему мнѣнію этимъ достигается двоякій результатъ: затрудняется появленіе фальшивыхъ орудій обращенія и, наконецъ, если появлялись, то они быстро выходятъ изъ обращенія, а не вліяютъ на увеличеніе количества денежныхъ знаковъ. b) Размѣнъ на звонкую монету. Это входитъ въ число обязанностей каждаго эмиссіоннаго банка, при чемъ каждый изъ нихъ придерживается особой практики.

Совокупность всѣхъ приведенныхъ нами данныхъ вполнѣ указываетъ на коренной недостатокъ Канкринской денежно-кредитной реформы, которая не создала *эластичности* въ области нашего денежнаго кредитнаго обращенія и не знаетъ выпусковъ кредитныхъ рублей соотвѣтственно нуждамъ торговли и промышленности подъ обезпеченіе легко реализуемаго коммерческаго актива банка. Послѣднее положеніе имѣетъ многихъ сторонниковъ и противниковъ въ экономической литературѣ; по нашему же мнѣнію, едва ли основательно придавать исключительное значеніе покрытію выпускаемыхъ банкомъ нотъ металломъ и отрицать другіе виды быстро реализуемыхъ покрытій [65]).

Слѣдовательно, въ отсутствіи независимаго эмиссіоннаго учрежденія, въ созданіи не банковыхъ билетовъ, а размѣнныхъ бумажныхъ денегъ и отсутствіи эластичности въ организаціи денежнаго обращенія заключаются коренные недостатки Канкринской денежно-кредитной системы. Посмотримъ, въ какой мѣрѣ она могла содѣйствовать удержанію металлическихъ денегъ и ихъ упроченію въ народномъ обращеніи. Только та кредитно-денежная система должна быть признана правильно устроенной, которая не будетъ изгонять изъ повседневныхъ торговыхъ оборотовъ металлическихъ денегъ. Во всѣхъ государствахъ Европы это достигается введеніемъ банковыхъ нотъ болѣе или менѣе круп-

ныхъ достоинствъ, такъ какъ опытомъ дознано, что денежно-кредитные знаки мелкихъ достоинствъ, благодаря предоставляемымъ ими удобствамъ (легкости ношенія и удобной пересылкѣ) изгоняютъ металлическія деньги, потребныя для мелкихъ оборотовъ страны. Несомнѣнно, замѣна звонкихъ денегъ въ области народнаго хозяйства представляетъ крупныя преимущества потому, что страна не будетъ терять отъ тренія звонкой монеты. Но такая выгода сопровождается крупнымъ неудобствомъ: металлъ, не требуемый болѣе для совершенія мелкихъ внутреннихъ оборотовъ, стекается сначала въ центрахъ, въ кассахъ кредитныхъ учрежденій (какъ теперь это замѣчается въ Вѣнѣ), а затѣмъ при малѣйшихъ политическихъ затрудненіяхъ совершенно исчезаетъ изъ страны туда, гдѣ на него существуетъ запросъ. Высказанная нами мысль независимо отъ логическихъ доводовъ подтверждается въ значительной степени прошлой исторіей нашего денежнаго обращенія. Какъ извѣстно, въ первую эпоху выпуска ассигнацій, какъ Императрица Екатерина II, такъ и государственные люди того времени высказывали мысль, что ассигнаціи крупныхъ достоинствъ и выпущены съ тою цѣлью, чтобы не доходили до крестьянъ, т. е. правительство опасалось допустить ихъ въ мелкіе обороты, и звонкія деньги находились въ народномъ обращеніи до тѣхъ поръ, пока не стали выпускать ассигнаціи мелкихъ дѣленій. Это подтверждается данными, извлеченными изъ архива государственнаго совѣта, гдѣ значится: «мелкихъ ассигнацій на обмѣнъ крупныхъ выпущено въ теченіе двухъ лѣтъ 100 милл. [66]). Количество это несравненно превосходитъ все то, что доселѣ было выпущено». Такой крупный выпускъ повлекъ за собою замѣну металлическихъ денегъ бумажными и съ этого времени все болѣе и болѣе замѣчается отсутствіе металлическихъ денегъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ гр. Канкринъ и государственный совѣтъ поступили бы гораздо осторожнѣе, вводя въ обращеніе кредитные билеты крупныхъ достоинствъ. Къ сожалѣнію государственный совѣтъ, при разсмотрѣніи проекта министерства финансовъ, вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе кн. Друцкаго-Любецкаго о выпускѣ однорублевыхъ билетовъ изъ опасенія недостатка въ мелкой монетѣ—столь необходимой при удовлетвореніи ежедневныхъ потребностей общежитія. Но такъ какъ, по объясненію министра финансовъ, трудно приготовить потребное ихъ количество, то государственный совѣтъ согласился на выпускъ не 3, 5, 10 и 25 р. депозитныхъ билетовъ, а 1 р., 50 р. и 100 рублевыхъ.

Справедливость, однако, требуетъ указать, что противникомъ этой мысли въ государственномъ совѣтѣ явился министръ финансовъ, ко-

торый не желалъ выпуска депозитныхъ билетовъ однорублеваго достоинства по слѣдующимъ основаніямъ: «потому что они могли бы умножить бумажную циркуляцію сверхъ потребности и привлекли бы излишнее количество звонкой монеты въ сіи кассы». Независимо отъ указаннаго довода выпускъ кредитныхъ билетовъ рублеваго достоинства, по его мнѣнію, вреденъ еще и потому, что «поддѣлка таковыхъ билетовъ опаснѣе по большой удобности сбыта мелкихъ знаковъ, что ассигнаціи таковыя скорѣе будутъ приходить въ ветхость». Наконецъ, «серебро сдѣлается рѣдкимъ товаромъ въ губерніяхъ и опять возникнутъ разные лажи». Приведенные доводы указываютъ, что гр. Канкринъ имѣлъ относительно затронутаго вопроса и его крупнаго значенія для нашей денежной системы вѣрныя понятія, но, повидимому, у стараго министра въ эту пору не было достаточной энергіи, чтобы болѣе твердо защищать высказанное имъ мнѣніе. Видимо въ этомъ случаѣ на государственный совѣтъ оказали несравненно болѣе крупное вліяніе соображенія, приведенныя кн. Друцкимъ-Любецкимъ о могущихъ послѣдовать затрудненіяхъ у населенія при отсутствіи билетовъ, мелкихъ достоинствъ. Торжество такой неосновательной мысли для насъ является тѣмъ болѣе непонятнымъ, что въ повседневномъ обращеніи, какъ это видно изъ цѣлой массы приведенныхъ нами фактовъ, находились по преимуществу звонкія деньги. Значитъ потребности въ кредитныхъ билетахъ мелкихъ достоинствъ быть не могло. Эти факты указываютъ, что по своему устройству денежно-кредитная система не могла удерживать звонкой монеты, а скорѣе вытѣснить ее изъ обращенія, благодаря замѣнѣ звонкихъ денегъ удобными для носки и храненія орудіями обращенія товаровъ и расплатъ, кредитными билетами.

Указанными промахами недостатки денежно-кредитной реформы не ограничивались. Какъ оказывается, гр. Канкринымъ былъ упущенъ удобный моментъ для введенія мелкой денежной единицы вмѣсто цѣлковаго, хотя именно это время было чрезвычайно благопріятно для водворенія мелкой денежной единицы. По нашему мнѣнію, этотъ вопросъ имѣетъ капитальное значеніе для всей послѣдующей нашей экономической исторіи: ничто такъ не удорожаетъ жизнь, какъ именно крупная денежная единица. Это понять не трудно; стоитъ только припомнить процессъ образованія цѣнъ товаровъ при колебаніяхъ производственныхъ условій, а еще болѣе при колебаніяхъ стоимости денежной единицы. Купецъ, какъ и всякое другое лицо, занимающееся перемѣщеніемъ товаровъ изъ рукъ въ руки, старается всѣ расходы переложить на потребителя. Если въ оптовой торговлѣ при сбытѣ

товаровъ въ большихъ массахъ для полученія барышей бываетъ достаточно прикидывать доли копѣекъ, то въ розничной продажѣ дѣлаются прибавки въ крупныхъ цифрахъ. Какъ ни проста, какъ ни очевидна только что высказанная мысль, но приходится остановить на ней большее вниманіе, такъ какъ намъ приходилось встрѣчать людей большого ума, совершенно не понимающихъ крупнаго экономическаго значенія только что высказанной мысли.

XIV.

Казалось бы, что нигдѣ въ Европѣ не можетъ быть устроена такъ дешево жизнь, какъ у насъ: трудъ дешевъ, первые продукты тоже; между тѣмъ едва ли гдѣ въ Европѣ такъ сильно поднялась въ такой мѣрѣ дороговизна жизни, какъ въ нашемъ отечествѣ. Разумѣется, главное вліяніе оказываютъ причины общаго характера, находящіяся въ зависимости отъ происходящихъ перемѣнъ въ области экономической жизни, но кромѣ того не безъ вліянія остается спеціальная — крупная денежная единица. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ преобладающую роль играетъ средній классъ, тамъ давно уже перешли къ мелкой денежной единицѣ. По этому попытаемся выяснить этотъ любопытный вопросъ, который, впрочемъ, совершенно не выясненъ въ экономической литературѣ, благодаря незаинтересованности западной Европы въ рѣшеніи уже рѣшеннаго тамъ въ практической жизни вопроса. Какъ мы указали, въ европейскихъ государствахъ повсемѣстно введена мелкая денежная единица: взамѣнъ ливра, талера — франки, марки, раздѣленныя на сто мелкихъ частей. Нашъ же рубль, заключающій въ себѣ 4 франка, точно также раздѣленъ на 100 частей—значитъ наша мелкая единица превосходитъ тамошнюю въ четыре раза. Отсюда вытекаетъ, что для человѣка, занимающагося перемѣщеніемъ товаровъ, за-границею предоставляется меньшій просторъ для прибавокъ и прикидокъ при продажахъ продуктовъ, у насъ же не то что копѣйку—другую, но и пятакъ прикинуть ничего не стоитъ. Между тѣмъ, пятакъ составляетъ пятую часть франка и поэтому надбавить за-границею подобную прибавку представляетъ нѣкоторыя затрудненія, у насъ же ни малѣйшихъ. Если внимательно проанализировать процессъ установленія цѣнъ въ повседневныхъ сдѣлкахъ, то придемъ къ подтвержденію указанной мысли о преимуществахъ мелкой денежной единицы.

Господство неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ еще болѣе усилило происходящее отсюда зло и ввело большой произволъ въ опредѣленіи

цѣнъ на товары и трудъ. Результатомъ подобнаго устройства явилось повышеніе цѣнъ, напр., за-границею чашка кофе въ лучшемъ ресторанѣ стоитъ 20—25 пфениговъ—у насъ столько же копѣекъ, значитъ ровно въ три раза дороже и т. д. Такое же почти отношеніе существуетъ и къ другимъ предметамъ ежедневнаго потребленія. Лучше всего это можно прослѣдить при сравненіи условій жизни у насъ и въ другихъ государствахъ. Слѣдовательно, при подобной системѣ денежнаго обращенія, переплачиваетъ мелкими частями каждая семья изъ своего бюджета и затѣмъ это влечетъ къ сильному вздорожанію жизни, такъ какъ благодаря крупной денежной единицѣ произошло возвышеніе цѣнъ предметовъ домашняго обихода и въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ это могло бы быть при другихъ условіяхъ. Повидимому, эти мысли приходили на память гр. Канкрину при разработкѣ вопроса о возстановленіи металлическаго обращенія, какъ объ этомъ можно заключить изъ его переписки съ директоромъ особенной канцеляріи, впослѣдствіи гр. Вронченко, въ которой онъ упоминалъ: «жаль, что наша единица—рубль,—такъ велика, франкъ гораздо лучше» (письмо Канкрина къ Вронченко 1 марта 1839 г.). Онъ не только упоминалъ объ этомъ мимоходомъ, вскользь, но при разработкѣ проекта возстановленія металлическаго обращенія ему приходилось «предварить, что такъ какъ единица цѣлковаго имѣетъ нѣкоторыя неудобства въ томъ, что она нѣсколько велика, то отъ сего и отъ самой перемѣны (денежной) системы снова могутъ возникать въ цѣнахъ вещей нѣкоторыя несоразмѣрности, которыя теперь въ подробности предугадать нельзя». Приведенные отрывки указываютъ, что министръ финансовъ останавливался на оцѣнкѣ разбираемой нами стороны въ вопросѣ о возстановленіи металлическаго обращенія; однако, онъ ни малѣйшимъ образомъ не выразилъ этого въ представленномъ имъ въ государственный совѣтъ проектѣ. Такимъ образомъ, не съумѣвъ воспользоваться удобнымъ временемъ для введенія такой важной реформы, онъ сдѣлалъ весьма крупный промахъ.

Сдѣланныя замѣчанія относительно устройства денежно-кредитной системы указываютъ, что государственные люди этой эпохи, и въ томъ числѣ министръ финансовъ гр. Канкринъ, далеко не съумѣли воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ для укрѣпленія и упроченія металлическаго обращенія въ странѣ. Такой промахъ объясняется, по нашему мнѣнію, двумя обстоятельствами: самой эпохой, когда происходила разработка проекта—кромѣ казенныхъ кредитныхъ учрежденій, другихъ въ это время не было, и экономическою отсталостью русскаго общества; съ другой стороны, допущеніе крупныхъ прома-

ховъ объясняется отсутствіемъ знающихъ людей среди лицъ, окружавшихъ министра финансовъ. Какъ большинство умныхъ и самостоятельныхъ людей, пробивавшихъ себѣ дорогу, гр. Канкринъ полагался только на себя. Крупные служебные успѣхи укрѣпили въ немъ страшную самоувѣренность, благодаря которой онъ игнорировалъ все, что исходило не отъ него. Наконецъ, на неудачѣ реформы отразилось полное игнорированіе тѣхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ разрабатывались вопросы, т. е. общества. Гр. Канкринъ свыкся съ господствовавшимъ направленіемъ, считавшимъ каждую мѣру государственной тайной, такъ что самъ писалъ много бумагъ, касавшихся разрабатываемаго вопроса, и мало кому довѣрялъ. Подобные факты трудолюбія, въ глазахъ многихъ лицъ, являются доказательствомъ величайшей добросовѣстности министра. Не оспаривая послѣдняго, мы думаемъ, что быть можетъ реформа приняла бы болѣе жизненный и прочный характеръ и министръ получилъ бы болѣе почетное имя, если бы онъ не велъ дѣла тайкомъ отъ всѣхъ и не входилъ бы въ такіе мелочи, какъ писанье бумажекъ, а съумѣлъ бы выбрать людей, шедшихъ въ уровень съ наукой, жизнью, а не отставшихъ отъ нея едвали не болѣе, чѣмъ онъ самъ. Въ указанныхъ обстоятельствахъ заключаются причины неудовлетворительной разработки проекта министра финансовъ о возстановленіи металлическаго обращенія.

XV.

Приведенные нами факты изъ исторіи возстановленія металлическаго обращенія даютъ право сдѣлать нѣсколько выводовъ относительно самыхъ условій возстановленія металлическаго обращенія и его упроченія. Экономическіе факты прошлаго и самыя ошибки въ этомъ дѣлѣ поучительны: они указываютъ путь, по которому надо идти къ достиженію намѣченной цѣли. Разобранная эпоха поучительна въ томъ, что такъ или иначе въ то время удалось возстановить металлическое обращеніе. Между тѣмъ впослѣдствіи, начиная съ крымской войны и до 1881 года, пытались достигнуть возстановленія металлическаго обращенія, но не смотря на принесенныя для этой цѣли крупныя жертвы, въ этомъ не успѣли. Значитъ не были соблюдены какія либо условія. Какъ ни тяжело при такихъ обстоятельствахъ нарушать интересы тѣхъ и другихъ группъ населенія, тѣмъ не менѣе это неизбѣжно, когда заходитъ вопросъ о необходимости водворенія и возстановленія металлическаго обращенія, ибо послѣдняго требуетъ достоинство государства и политическая мудрость. Въ этомъ

случаѣ приходится мириться съ тяжелыми жертвами, а несомнѣнно, что жертвы только относительно легки, когда они плодотворны.

Приведенные въ большомъ количествѣ факты показываютъ, что тогдашній рынокъ въ достаточной мѣрѣ былъ насыщенъ металломъ, для котораго долгое время, благодаря дѣйствію закона 1812 г., не было лишь выхода. Появленіе звонкихъ денегъ въ обращеніи совпало съ поднятіемъ цѣнности ассигнацій, благодаря изъятію болѣе $^1/_4$ части ихъ, а также вліянію нѣкоторыхъ экономическихъ фактовъ, какъ-то: значительному вывозу хлѣба (1817 и 1818 г.) и превышенію надъ ввозомъ вывоза въ продолженіе ряда лѣтъ. Каждый изъ нами указанныхъ фактовъ оказалъ значительное вліяніе на водвореніе металла въ народномъ обращеніи. Такъ, изъятіе 241 мил. руб. ассигнаціями, т. е. болѣе четверти находившихся въ народномъ обращеніи денежныхъ знаковъ не только прекратило дальнѣйшее пониженіе ассигнацій, но съ теченіемъ времени содѣйствовало ихъ повышенію на 5%. Это обстоятельство оказало дѣйствіе двоякаго рода: оно укрѣпило въ обществѣ сознаніе, что правительство рѣшилось внести порядокъ въ область нашего денежнаго обращенія; другимъ результатомъ этой мѣры было появленіе металлическихъ денегъ въ обращеніи въ качествѣ суррогатовъ орудій денежнаго обращенія, а такъ какъ въ силу закона 1812 г. пріемъ ихъ былъ ограниченъ, то вслѣдствіе этого по преимуществу терпѣло сельское населеніе, а отчасти казна — благодаря накопленію недоимокъ, вслѣдствіе отказа въ пріемѣ отъ сборщиковъ въ уплату податей звонкихъ денегъ. Эти обстоятельства повлекли къ узаконенію пріема металлическихъ денегъ въ казну по ежегодно устанавливаемому курсу, каковая мѣра оказывала двоякое дѣйствіе: съ одной стороны, она сдѣлала золото и серебро не товаромъ только, а полезнымъ орудіемъ обращенія. Но такъ какъ путемъ привлеченія металлическихъ денегъ въ казенные платежи безъ обратнаго возвращенія ихъ въ народъ, представлялось опасеніе изъятія ихъ изъ обращенія, и накопленіе въ кассахъ казначейства къ убытку казны, то вскорѣ правительство сочло необходимымъ по имъ же установляемому ежегодно курсу уплачивать по своимъ мѣстнымъ расходамъ. Благодаря этому, общество не только привыкало къ пользованію металлическими деньгами, но и самый металлъ, какъ необходимый для народнаго хозяйства, удерживался въ странѣ и возвращался туда же изъ казначейства, а не отправлялся заграницу. Но такъ какъ стоимость металлическихъ денегъ подвергается колебанію, то поэтому представлялось необходимымъ устанавливать ежегодный курсъ, а такъ какъ курсъ денегъ подвергается частымъ измѣненіямъ, то слѣдствіемъ одновременнаго обращенія той или другой

денежной единицы явилось стремленіе уплачивать долги смотря по тому, какимъ знакомъ представлялось въ данномъ мѣстѣ болѣе выгоднымъ, а это вело къ образованію простонародныхъ лажей. Въ извѣстной мѣрѣ появленіе и быстрое распространеніе простонародныхъ лажей, разнообразившихся отъ одного мѣста къ другому, объясняется не только корыстолюбіемъ мѣнялъ, какъ это утверждалъ, между прочимъ, гр. Канкринъ, но и плохимъ устройствомъ тогдашнихъ кредитныхъ учрежденій, медленностью почты, а главное, отсутствіемъ мѣстъ для размѣна денегъ, вслѣдствіе чего крайне было затруднительно появленіе того или другаго ихъ вида въ случаяхъ потребности. При такихъ условіяхъ, очевидно, единственнымъ способомъ прекращенія дальнѣйшихъ простонародныхъ лажей въ народномъ обращеніи было узаконеніе какой-либо одной денежной единицы, чтѝ и было сдѣлано закономъ 1 іюля 1839 г., въ силу котораго таковою былъ объявленъ серебряный рубль. А такъ какъ звонкія деньги представляли крупныя неудобства для ношенія и перевозки, то поэтому надо было выпустить легко подвижные кредитные знаки, постоянно размѣнные на монету. Послѣднее было достигнуто устройствомъ депозитной кассы при коммерческомъ банкѣ, которая является кредитнымъ учрежденіемъ для выпуска депозитныхъ билетовъ, основанныхъ на равномъ количествѣ размѣннаго фонда и поэтому ходившихъ наравнѣ съ серебряною монетою. Въ этомъ случаѣ государственнымъ людямъ прошлаго времени принадлежитъ крупная заслуга, такъ какъ путемъ постепеннаго разрѣшенія обращенія металлическихъ денегъ было достигнуто водвореніе металла въ обращеніи, что сдѣлало возможнымъ возстановленіе металлическаго обращенія закономъ 1 іюля 1839 года, коимъ серебро было признано главною денежною единицею, а устройство депозитной кассы на вышеуказанныхъ началахъ гарантировало въ народномъ сознаніи мысль о возможности постояннаго размѣна ихъ на металлическую валюту. Указывая на логическую послѣдовательность принимавшихся правительствомъ мѣръ съ 1824—1839 г. по водворенію металлическихъ денегъ въ странѣ, намъ остается выяснить, не отразилось ли ихъ вліяніе на прекращеніи дальнѣйшаго повышенія ассигнаціоннаго рубля. Этотъ пунктъ, какъ было указано въ предыдущемъ, представляетъ собою самое слабое мѣсто этой законодательной мѣры. Анализируя и разсматривая факты того времени, мы на основаніи фактовъ указывали, что медленность повышенія ассигнацій заключалась въ самыхъ условіяхъ экономической жизни. Эпоха Канкрина представляется далеко не такъ удовлетворительной въ экономическомъ или финансовомъ отношеніи, какъ многіе думаютъ, руковод-

ствуясь не фактами, а анекдотической стороной того времени. Торговля и промышленность развивались весьма медленно, благодаря, главнымъ образомъ, бѣдности населенія, преимущественно посвящавшаго трудъ скудно оплачиваемому земледѣлію, а также неудовлетворительнымъ путямъ сообщенія и полному отсутствію кредитныхъ учрежденій, гдѣ бы могли находить мѣсто для сбереженій. Гр. Канкринъ, въ теченіе продолжительнаго времени его управленія министерствомъ финансовъ, сколько-нибудь значительныхъ мѣръ къ подъему производительныхъ силъ народа и къ увеличенію въ немъ благосостоянія не принималъ. Вотъ, гдѣ лежитъ причина медленнаго поднятія цѣнности ассигнацій, а не въ допущеніи совмѣстнаго хожденія звонкихъ и бумажныхъ денегъ, какъ нѣкоторые думаютъ. Напротивъ, факты того времени показываютъ, что даже не смотря на неблагопріятныя условія экономической жизни стоимость ассигнацій поднялась въ періодъ совмѣстнаго обращенія ассигнацій и звонкихъ денегъ.

Когда было выяснено, что страна въ значительной степени насыщена металлическими деньгами, то явилась возможность объявить законною единицею серебряный рубль. Когда эта мѣра прекратила дѣйствіе простонародныхъ лажей, то министру финансовъ предстояло указать путь переложенія ассигнацій, признанныхъ въ это время вспомогательнымъ знакомъ цѣнности. Въ то время дѣло не представлялось столь простымъ, какъ можно было бы думать. Тутъ являлось опасеніе какими либо неосторожно принятыми мѣрами подорвать довѣріе къ послѣдующимъ нововведеніямъ, дать поводъ къ спекуляціямъ, а также повліять на уменьшеніе содержанія лицъ служащихъ и т. п. Оказалось, однако, что выпущенные легко подвижные денежные знаки—кредитные рубли быстро вошли въ народное обращеніе и стали пользоваться большимъ довѣріемъ.

XVI.

Прослѣдивъ развитіе того, какъ и съ чего началось возстановленіе обращенія металлическихъ денегъ въ предѣлахъ нашего отечества, ходъ реформы, а равно и выяснивъ благопріятствовавшія этой реформѣ обстоятельства, мы попытаемся высказать по ея поводу нѣсколько замѣчаній, именно: въ какой мѣрѣ и степени проведенная реформа *укрѣпила прочное металлическое обращеніе въ странѣ* и были-ль приняты въ достаточной степени всѣ мѣры для болѣе или менѣе значительнаго достиженія этого результата. Самое достоинство реформы въ значительной степени обусловливается отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Какъ оказывается, введенное указомъ 1 іюля 1839 года устройство денежной системы находится въ неразрывной связи со всѣмъ предшествующимъ строемъ: какъ до реформы, такъ и послѣ нея выпускъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ былъ оставленъ за государствомъ, «но отсюда нисколько не слѣдуетъ, что начала денежной системы 1839 г. были раціональны. Они вытекали изъ ошибочной мысли, что *кредитное обращеніе* должно оставаться въ рукахъ государства» [67]). Далѣе наше денежно-кредитное устройство совершенно не было связано съ коммерческими операціями банка, черезъ что ему не было придано необходимой эластичности. Такимъ образомъ былъ упущенъ самый благопріятный моментъ для приданія эмиссіонной операціи иного характера и въ дѣйствительности, взамѣнъ кредитныхъ билетовъ, достоинство которыхъ основывается на довѣріи къ выпускающему ихъ кредитному учрежденію, были выпущены тѣ же ассигнаціи, съ новымъ лишь названіемъ и обезпеченные размѣннымъ фондомъ.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ представляетъ общественное дѣло, поэтому слѣдуетъ его вѣдать особому учрежденію, которое, стоя на почвѣ закона, могло бы дать достаточный отпоръ притязаніямъ подлежащаго вѣдомства, когда оно требуетъ чего либо внѣ правилъ. Такимъ путемъ создается не status in statu, но прочное, крѣпкое кредитное учрежденіе, находящееся подъ контролемъ государства и общества.

Но этимъ недостаткомъ Канкринская денежно-кредитная реформа не ограничилась: при переустройствѣ системы не было принято никакихъ мѣръ для удержанія металлическихъ денегъ въ странѣ. Напротивъ, по самому устройству можно было предположить, что звонкія деньги должны будутъ уступить свое мѣсто болѣе удобнымъ бумажнымъ деньгамъ мелкихъ дѣленій. Наконецъ, послѣднимъ недостаткомъ является то, что Канкринъ упустилъ самый удобный моментъ для перехода къ болѣе мелкой единицѣ, чѣмъ рубль — четвертаку.

Теперь вкратцѣ сгруппируемъ вытекающіе изъ сдѣланнаго изложенія выводы относительно предварительныхъ условій для водворенія въ странѣ металлическихъ денегъ и укрѣпленія металлическаго обращенія: 1) для достиженія этой цѣли необходимо упрочить курсъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и 2) принять мѣры къ насыщенію обращенія страны металлическими деньгами. Послѣднее достигается привлеченіемъ въ страну металла легализаціей его въ народномъ обращеніи. Съ появленіемъ и расширеніемъ металлическихъ денегъ въ народномъ обращеніи только и можетъ быть достигнута увѣренность въ возмож-

ности возстановленія металлическаго обращенія, безъ *предварительнаго же* насыщенія внутренняго обращенія металлическими деньгами, на это разсчитывать едва ли возможно. Послѣдующей мѣрой является самое возстановленіе металлическаго обращенія и послѣднею мѣрою—упроченіе его въ обращеніи. При гр. Канкринѣ металлическое обращеніе было возстановлено, но не было принято достаточныхъ мѣръ къ его укрѣпленію. Послѣднее можетъ быть достигнуто лишь при помощи указанныхъ пріемовъ, которые въ нашей денежно-кредитной системѣ примѣнены не были Отсюда само собою вытекаетъ, что Канкринская денежно-кредитная реформа не принадлежитъ къ числу прочныхъ, какъ это показала послѣдующая исторія нашего денежнаго обращенія.

---

59) Арх. особ. к. по кр. ч. № 4. I. 3, 1839.

60) Арх. особ. к. по кр. ч. I 3. 1839, письмо Гопе къ м-стру финансовъ. „Съ такою опредѣленностью и ясностью, что въ оной узнать можно перо государственнаго мужа, имѣющаго глубокія познанія въ семъ дѣлѣ. Сіи узаконенія въ Амстердамѣ оказали нѣкоторое вліяніе на цѣну 6% облигацій, которыя понизились около 3/4% и не привлекали покупателей".

61) „Рус. Старина", 1889 г., октябрь, 111. Дневникъ А. В. Никитенко.

62) Н. И. Тургеневъ.—Quelques observations sur la reforme du systeme monetaire en Russie, а также въ другихъ мѣстахъ его сочиненія Sur les Russes et la Russie.

63) Здѣсь необходимо оговориться. Внимательный читатель замѣтилъ, вѣроятно, разницу въ приведенныхъ цифрахъ, относительно количества изъятыхъ изъ обращенія ассигнацій. По представленнымъ даннымъ было изъято 241 м. р. Эту цифру принимаетъ въ своихъ сочиненіяхъ Н. Х. Бунге. Въ Государственномъ Совѣтѣ она опредѣлялась въ 252 м. р., наконецъ, въ Запискѣ М. М. Сперанскаго о монетномъ обращеніи она опредѣляется въ 166 м. руб., да на 71 м. р. было изъято фальшивыхъ ассигнацій. Н. И. Тургеневъ опредѣляетъ всю сумму изъятыхъ изъ обращенія ассигнацій въ 150 м. р., едва ли, однако, послѣдній авторъ могъ имѣть самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Въ виду приведенныхъ фактовъ мы держались цифры 241 м. р., какъ наиболѣе вѣрной.

64) Гольдманъ, Русскія бумажныя деньги, 116 стр., дѣлаетъ крупную ошибку, не признавая ассигнаціи имѣющими обязательный курсъ. См. Wagner'а въ пер. Н. Х. Бунге. 95—96 стр.

65) Wagner. Рус. бум. деньги. 46 стр.

66) Арх. г. сов. I т. 110 и 114 стр.

67) Ad. Wagner—Бунге, Рус. бум. деньги, 128 стр.

Вл. Судейкинъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ПРУССІИ *).

(**G. F. Knapp**. *Die Bauern Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den ältern Theilen Preussens. Zwei Theile. Leipzig.* 1887).

Пріобрѣтеніе крестьянами свободы есть фактъ не единичный и не національный, а представляетъ почти всемірно-историческій процессъ, на значеніи котораго нельзя достаточно настаивать. Болѣе или менѣе позднее достиженіе свободы земледѣльческими классами знаменуетъ для страны ея болѣе или менѣе поздній переходъ въ новую стадію общественной жизни. Свободой для крестьянства кончается старая жизнь и открывается для крестьянскаго вопроса новая страница, содержащая не мало трагическихъ перепетій, обѣдненія, обезземеленія крестьянъ, ихъ столкновенія съ всемірнымъ рынкомъ, къ которому они становятся лицомъ къ лицу, ихъ вовлеченія въ круговоротъ всемірной конкурренціи; свободой кончается періодъ соціальной оторванности крестьянства и начинается иной процессъ, который мы переживаемъ теперь, процессъ, имѣющій завершиться, можетъ быть, полнымъ исчезновеніемъ крестьянства, какъ отдѣльнаго класса, и во всякомъ случаѣ полнымъ перераспредѣленіемъ общественныхъ силъ.

Но если дѣйствительно значеніе эмансипаціи крестьянства такъ

*) Значеніе книги проф. Кнаппа въ свое время отмѣчено было въ Юридич. Вѣстникѣ Н. А. Каблуковымъ. Въ виду большаго историческаго и соціально-политическаго значенія труда нѣмецкаго изслѣдователя, мы считали не лишнимъ дать читателямъ наиболѣе полное его изложеніе. Настоящая статья уже находилась въ портфелѣ редакціи, когда мы получили сообщеніе, что авторъ ея, М. К. Гофманъ, скончался на дальнемъ востокѣ нашего отечества, въ Оренбургской губ. Редакція не можетъ не выразить прискорбія по поводу преждевременной кончины молодаго писателя, въ лицѣ котораго наша небогатая научными силами политико-экономическая литература могла бы пріобрѣсти добросовѣстнаго и пытливаго работника *(Ред.)*.

велико, то очевидно, что необходимо сравнительно-историческое изученіе этого процесса во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто. Къ сожалѣнію, эта насущная задача современности, имѣющая не одно теоретическое, но и практическое значеніе, не можетъ быть, хотя бы и въ грубомъ видѣ, осуществлена, покуда отдѣльныя національныя реформы не будутъ изслѣдованы въ указанномъ направленіи.

Одно изъ такихъ изслѣдованій и представляетъ книга Кнаппа.

Проф. Кнаппъ ограничилъ свою задачу изложеніемъ исторіи эмансипаціи въ старѣйшихъ провинціяхъ Пруссіи. Съ этой цѣлью онъ изучилъ весь матеріалъ, сохранившійся въ узаконеніяхъ, въ законо-проектахъ, и въ протоколахъ происходившихъ по этому поводу преній и обмѣна записокъ административныхъ мѣстъ. Всѣ эти сырыя данныя сгруппированы во 2-мъ томѣ съ большимъ мастерствомъ, такъ что читатель, изучая ихъ, получаетъ ясное понятіе, какъ объ административной машинѣ Пруссіи, такъ и о томъ, насколько непосредственно на законодательство дѣйствовали классовые интересы, преимущественно дворянства. Въ первомъ же томѣ сокращенно излагается авторомъ то, что пространно демонстрируется вторымъ. Такъ какъ предметъ изслѣдованія автора составляетъ реформа чисто мѣстная, происходившая въ 4 провинціяхъ, онъ не считаетъ нужнымъ давать указаніе ни на вліяніе общихъ идей, выразившихся въ литературѣ, ни вообще на мнѣнія людей, не непосредственно участвовавшихъ въ законодательствѣ.

Приступая къ изложенію труда Кнаппа, мы должны, однако, отмѣтить одно обстоятельство. Не слѣдуетъ забывать, что крестьянинъ въ Пруссіи не только былъ glebae adscriptus, не только подлежалъ барщинѣ и также массѣ иныхъ повинностей, но еще находился подъ юрисдикціей помѣщика. Судебныя и полицейскія привилегіи послѣдняго были отмѣнены лишь въ серединѣ нашего столѣтія вслѣдствіе толчка, даннаго 48 годомъ. Пр. Кнаппъ не выдвигаетъ этого обстоятельства. Между тѣмъ читателю ясно, какое значеніе имѣла какъ такая кумуляція властей до реформы земельныхъ и личныхъ отношеній, такъ и сохраненіе этой судебно-полицейской власти уже послѣ надѣленія крестьянъ.

I.

Въ обширномъ и обстоятельномъ введеніи авторъ изслѣдуетъ, какъ возникла личная и имущественная несвобода крестьянства въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Первые шаги этого процесса довольно

туманны; край этотъ, рѣдко заселенный славянскимъ племенемъ, сравнительно поздно колонизуется нѣмцами. Во всякомъ случаѣ, процессъ феодализаціи здѣсь не обусловливался «рекомендаціей», а имѣлъ два источника: или крестьянское населеніе здѣсь появилось на извѣстныхъ земляхъ ранѣе будущихъ помѣщиковъ, или оно привлекалось послѣдними съ цѣлью заселенія края и пріобрѣтенія рабочихъ рукъ. Второй случай не требуетъ особаго разсмотрѣнія: очень можетъ быть, что, поселяя крестьянъ на своихъ земляхъ, помѣщикъ и выговаривалъ за собой право на извѣстныя повинности. При отсутствіи денежнаго хозяйства, это предположеніе даже превращается въ достовѣрность. Въ разъясненіе же перваго случая, надо сказать слѣдующее. До 15 вѣка рыцари не были крупными землевладѣльцами,—они имѣли участки, много вшестеро превышавшіе крестьянскія владѣнія. Землю эту рыцари получали отъ князей на ленномъ правѣ за свою военную службу; тутъ они пребывали рѣдко и глядѣли на землю лишь какъ на жилище для своихъ семей; при незначительности этихъ участковъ, легкія услуги сосѣдей-крестьянъ не были обременительны для послѣднихъ и нисколько не умаляли ихъ свободы. Первое ея ограниченіе надо видѣть въ томъ, что князья понемногу передавали отдѣльныя функціи своихъ политическихъ правъ рыцарямъ: имъ уступались судебныя функціи, надзоръ за исполненіемъ со стороны крестьянъ повинностей, вызывавшихся общественными и военными потребностями. Имѣя въ виду скудное вознагражденіе рыцарей, имъ иногда передавалось и право на легкія услуги со стороны окрестнаго населенія. Но, очевидно, что, соединяя въ своемъ лицѣ представителя князя, судебную власть и будучи часто къ тому же попечителемъ церкви, рыцарь и самъ понемногу пріобрѣталъ вліяніе какъ на рѣшеніе крестьянскихъ дѣлъ, такъ и на нѣкоторое увеличеніе ихъ повинностей въ свою пользу. «Крестьяне понемногу начинаютъ разсматриваться какъ подданные рыцаря, лишь черезъ посредничество послѣдняго вступающіе въ отношенія къ князю. Этотъ взглядъ ризвивается въ 15 вѣкѣ, а въ 16 в. онъ уже упрочивается окончательно». Каково бы то ни было происхожденіе помѣщичьяго класса, достовѣрно, однако, *что до 15 в. крестьянство было свободно*, и его владѣнія большей частью не были собственностью помѣщика, а представляли *dominium utile* крестьянъ, причемъ верховное право собственности принадлежало князю...

Скоро, однако, эти отношенія измѣнились, благодаря соціальнымъ перемѣнамъ, внесеннымъ эпохой изобрѣтеній и реформаціи. Измѣнился способъ войны, и конный рыцарь былъ замѣненъ пѣхотой. Князья были рады удаленію буйнаго и своевольнаго рыцарства въ деревни,

куда только ему и осталось дѣться. Ему пришлось вмѣсто военнаго дѣла заняться сельскимъ хозяйствомъ, но при скромныхъ размѣрахъ его землевладѣнія, послѣднее представлялось привлекательнымъ лишь при условіи его расширенія. Добиться этой цѣли было тѣмъ легче, что рыцарь, какъ уже сказано, умѣлъ превратиться въ мѣстное начальство. Кромѣ скупки крестьянскихъ земель, рыцари начали расширять свои участки и иными средствами. Прежде всего естественную ихъ добычу составили опустѣвшіе, благодаря эпидеміямъ, войнамъ или раззоренью владѣльцевъ, крестьянскіе дворы: чтобы не оставить ихъ заростать сорной травой, рыцари просто включали ихъ въ свои владѣнія; затѣмъ, «релегировали» крестьянъ, т. е. пользовались правомъ (дарованнымъ въ 1450 г.) изгонять «строптивыхъ» крестьянъ, впрочемъ, вознаграждая ихъ за ихъ имущество. Законодательство второй половины 16 вѣка еще болѣе расширило эту практику, дозволяя помѣщикамъ «сносить» крестьянскіе дворы (за вознагражденіе же), «буде они сами хотятъ ихъ обитать», что помѣщики не замедлили истолковать расширительно, т. е. буде они пожелаютъ округлить свое имѣніе. Услужливые римскіе юристы сумѣли и этотъ процессъ подвести подъ «экспропріацію»!

Увеличеніе помѣщичьяго землевладѣнія немедленно отразилось на судьбахъ барщины. Прежде легкая, она теперь становилась все обременительнѣе. При отсутствіи вольно-наемныхъ рабочихъ, помѣщичье хозяйство, очевидно, было мыслимо лишь при барщинѣ; но тогда какъ прежде она не была тяжела, благодаря ничтожнымъ размѣрамъ рыцарскихъ участковъ, нынѣ она требовала все болѣе труда, пропорціонально росту имѣній. И вотъ начинается борьба за повинности. Въ этой борьбѣ княжеская власть поддерживаетъ помѣщиковъ и побѣда остается за ними. Кромѣ барщины, въ 16 вѣкѣ рядъ указовъ даетъ помѣщикамъ право эксплуатировать, въ качествѣ дворни, и сельскихъ рабочихъ, крестьянскихъ парней и дѣвушекъ, «въ работѣ которыхъ крестьяне не нуждаются и которыхъ хотятъ отдать въ услуженіе». Отсюда, въ свою очередь, начинаетъ развиваться право принудительнаго обращенія въ дворню и рабочихъ этой молодежи. Если припомнить еще безсудное положеніе крестьянъ (указъ 1572 г. постановляетъ, что крестьянинъ, не доказавшій своей жалобы на помѣщика, наказывается тюрьмой), то ясно, какъ понемногу теряли они свою свободу, а рядомъ съ этимъ шелъ и иной процессъ—умаленія ихъ правъ на землю.

Трудно, конечно, говорить о безспорномъ титулѣ владѣнія въ средніе вѣка. Документовъ на владѣніе у крестьянъ не было, но по боль-

шей части они сидѣли на землѣ наслѣдственно, за исключеніемъ тѣхъ, что, осѣдая на помѣщичьихъ земляхъ, могли быть и срочными съемщиками. Однако это не помѣшало помѣщикамъ постараться превратить всѣхъ крестьянъ въ срочныхъ, по произволу изгоняемыхъ. Отчасти этому способствовалъ даже языкъ: совокупность повинностей стали называть *арендой*, а такъ какъ это отношеніе въ римскомъ правѣ, обыкновенно, срочно, то отсюда вывели, что и крестьянское землевладѣніе временно! Такого пониманія требовали и классовые интересы помѣщиковъ. Держась въ своемъ хозяйствѣ барщиннымъ трудомъ, они естественно въ прежнихъ сосѣдяхъ-крестьянахъ были склонны видѣть преимущественно рабочихъ, въ качествахъ которыхъ они, очевидно, существенно были заинтересованы. Обязанные платить государственныя повинности за несостоятельныхъ, помѣщики изъ этого вывели право смѣщать неисправныхъ, обязывать подвластныхъ имъ крестьянъ садиться на любой предлагаемый имъ опустѣлый дворъ, вмѣшиваться въ завѣщательныя распоряженія земледѣльцевъ и назначать въ наслѣдники двора того изъ исходящихъ, кто имъ казался удобнѣе.

Всѣ указанные процессы стали еще успѣшнѣе и быстрѣе развиваться начиная съ 17 столѣтія. 30-ти лѣтняя война, превратившая въ дикую пустыню большую часть Германіи, заставила массу крестьянъ бѣжать, куда глаза глядятъ. Опустѣлые дворы были захвачены помѣщиками въ такомъ изобиліи, что для обработки помѣщичьихъ хозяйствъ не стало рукъ. Начинается новая сдача земель, срочная, по большей части, все менѣе и менѣе льготная; вмѣсто прежнихъ крупныхъ крестьянскихъ дворовъ, начинаютъ появляться коссеты, ласситы (о нихъ ниже), огородники, разрядъ земледѣльцевъ малоземельныхъ, устройство которыхъ просто разсчитано на то, что они обязаны будутъ жить подсобнымъ трудомъ,—службой у помѣщика. Въ свою очередь, это новое явленіе своеобразно реагируетъ на положеніе помѣщиковъ и иныхъ крестьянъ. Первые все болѣе и болѣе начинаютъ представляться исконными обывателями, засельщиками земли, власть имущими; крестьяне же все болѣе являются людьми зависимыми, съ производнымъ правомъ на землю.

Указавъ на соціальную роль дворянства въ дѣлѣ закрѣпощенія, слѣдовало бы разсмотрѣть отношеніе прочихъ соціальныхъ силъ къ этому процессу; къ сожалѣнію, у Кнаппа для этого не приведены матеріалы. О княжеской власти онъ еще указываетъ, что въ борьбѣ за власть ей интересно было откупиться отъ соперничества дворянства, бросивъ ему въ вознагражденіе за политическую власть соці-

альное верховенство надъ крестьянствомъ. Только уже достигнувъ стадіи «просвѣщеннаго абсолютизма»,—съ 18 вѣка княжеская власть начинаетъ вести иную политику. Что касается до городовъ и духовенства,—Кнаппъ о нихъ умалчиваетъ. Вліяніе первыхъ было ограничено; они тоже владѣли подвластными крестьянами, и въ борьбѣ за цеховыя, городскія, узкія монополіи, рѣдко когда возвышались до болѣе широкаго пониманія своихъ задачъ. Духовенство же, также имѣвшее крѣпостныхъ, дѣйствовало рука объ руку съ помѣщиками. Хотя за послѣднее время соціально-консервативные писатели и любятъ воспѣвать гуманизирующую роль церкви, указывая на смягчающее ея вліяніе, однако факты не подтверждаютъ идилическихъ картинъ, рисуемыхъ ими: крестьянскія волненія носятъ особенно ожесточенный и страстный характеръ именно на земляхъ духовныхъ, а со времени реформаціи нѣмецкое духовенство слишкомъ обмирщилось и преисполнилось политическихъ и житейскихъ заботъ, чтобы дѣйствовать въ евангельскомъ духѣ.

Обрисовавъ въ этомъ краткомъ очеркѣ, какъ сложилась несвобода крестьянства, посмотримъ теперь, что представляла изъ себя прусская деревня въ періодъ, предшествовавшій реформамъ и въ позднѣйшее время. Хозяйство господствовало трехпольное и отличалось крайней черезполосностью, такъ какъ даже господская запашка не была отдѣлена отъ крестьянской. Поля были подѣлены на участки только близъ деревни; далѣе лежали луга, выгоны, недѣленыя земли. Крестьянство имѣло право пользованія какъ послѣдними, такъ и лѣсомъ, но помѣщики старались это изобразить какъ милость съ ихъ стороны, а не право. Что касается до состава деревни, то онъ далеко не былъ однороднымъ. Прежде всего существовалъ рядъ ступеней по количеству владѣній: были полные крестьяне, половинные, четвертные, огородники и т. д. Затѣмъ крестьяне различались по титулу владѣнія. Тутъ мы имѣемъ три класса: 1) *наслѣдственныхъ* арендаторовъ и чиншевиковъ; на ихъ землѣ лежали разныя реальныя повинности государству и помѣщику—это еще самый обезпеченный въ юридическомъ отношеніи разрядъ; 2) *ласситы*, т. е. крестьяне, имѣющіе ограниченное право пользованія чужимъ участкомъ и обязанные оказывать услуги, платить деньги и натуральныя повинности помѣщику; было ли это отношеніе наслѣдственно или нѣтъ—безразлично; отъ арендатора ласситъ отличался тѣмъ, что онъ не принадлежитъ обязательно къ подданнымъ помѣщика, хотя это и бывало; 3) *срочные* арендаторы, обыкновенно снимающіе землю на 3—4 года; они тоже обложены повинностями. Наконецъ, по правамъ общиннымъ,

кромѣ крестьянъ приходится отличить еще *коссетовъ* (обыкновенно имѣвшіе болѣе мелкій земельный участокъ—но это признакъ не существенный), которые не имѣли права на недѣленную, общую землю, и *огородниковъ* (Käthner, Häusler), которые, кромѣ земли, имѣли развѣ огородъ или выгонъ для коровы и должны были разсчитывать, главнымъ образомъ, на подсобный трудъ. Если прибавить ко всему этому, что съ послѣдней трети XVIII вѣка въ деревнѣ появляются и просто сельскіе рабочіе, поденщики, то о пестротѣ прусской деревни получится достаточно ясное понятіе.

Перейдемъ теперь къ обзору отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Пр. Кнаппъ настаиваетъ, что крѣпостнаго права, строго говоря, не было. Для присутствія его не достаетъ 2-хъ элементовъ; крестьянинъ былъ лично свободенъ и имѣлъ право пріобрѣтать имущество, такъ что точнѣе назвать его состояніе *glebae adscriptio;* дѣйствительно, продажа людей въ рекруты, въ разбивку, въ мастера и въ дворовые не практиковалась, какъ хотя бы въ Россіи; крестьянинъ не могъ быть изгнанъ съ земли *съ цѣлью спекуляціи надъ его личностью;* но не смотря на это, его состояніе инымъ, чѣмъ крѣпостнымъ трудно назвать. Ужъ не говоримъ о судебно-полицейской власти помѣщика, которая, конечно, отражалась на «подданныхъ» не расширеніемъ ихъ личной свободы; посмотримъ, какія права на *личность* крестьянина имѣлъ помѣщикъ. Онъ могъ запретить ему вступленіе въ бракъ, вмѣшивался въ его завѣщательныя распоряженія, запрещалъ ему отлучки изъ деревни, запрещалъ распоряжаться занятіями холостой молодежи и дѣтей: онъ могъ имъ не разрѣшить учиться мастерству, выбиралъ ежегодно себѣ изъ деревенской молодежи дворню и рабочихъ (Gesinde), служба которыхъ была принудительная, тянулась 5—10 лѣтъ и оплачивалась по таксѣ; такъ, напр., «дѣвушка получала въ годъ 3 тал. 8 грошей; такъ какъ 2 пары башмаковъ, изнашиваемыхъ въ годъ, стоитъ 2 тал., то очевидно, что она осуждена на воровство и развратъ». Кормили эту дворню такъ: «мясо дохлыхъ животныхъ—отъ 5—8 разъ въ годъ, въ остальное время горохъ, просо, каша». Кромѣ того, помѣщикъ имѣлъ право сажать любаго подданнаго на пустой дворъ, перемѣщать ихъ внутри своего хозяйства, радикально измѣняя его положеніе, напр. превращая изъ крестьянина въ *коссета* или даже огородника. Взглянемъ далѣе на права на услуги: помѣщикъ дѣлилъ барщину на мѣренную и немѣренную (corvée a plaisir), на конную и пѣшую. Какова была немѣренная барщина, видно изъ самаго названія, но еще лучше это обрисовывается изъ обзора мѣренной; самъ законодатель въ 1611-омъ году «пред-

полагаетъ *нормальный случай*», что «барщина простирается до такой степени, какую только позволяютъ ихъ силы». И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь всѣ работы въ помѣстьи исполнялись ими. Кромѣ того они же рубили и возили лѣсъ, доставляли на рынокъ сельско-хозяйственные продукты, такъ что вполнѣ понятна картина, описанная Фольтомъ: въ свѣтлыя лунныя ночи крестьянинъ съ своимъ усталымъ скотомъ пашетъ свою ниву! Кромѣ непосредственно сельско-хозяйственныхъ работъ, на крестьянахъ лежатъ еще иныя: такъ, напр., въ Силезіи рыбная ловля начинается въ октябрѣ и ноябрѣ и вотъ «подданные влѣзаютъ въ воду, уже поддернутую пленкой льда, чтобы ловить рыбу неводомъ или руками».

Ясно, что это положеніе инымъ, какъ крѣпостнымъ нельзя и назвать. Этотъ его характеръ окончательно уясняется изъ анализа обязанностей самаго помѣщика. Податью была обременена сама крестьянская земля,—но въ виду правъ помѣщика, центральной власти ничего инаго не оставалось, какъ сдѣлать помѣщика отвѣтственнымъ за сборъ этихъ податей. Очевидно, что это право въ свою очередь усилило власть помѣщика: онъ могъ изгонять неисправнаго крестьянина. Кромѣ того, онъ былъ обязанъ держать дворы въ состояніи «достаточномъ для уплаты податей и повинностей»; обязанъ поддерживать крестьянскія зданія, снабжать ихъ лѣсомъ, въ случаѣ старости или болѣзни обезпечить ихъ пропитаніе. На практикѣ все это исполнялось крайне неудовлетворительно. Исторически — всѣ послѣднія права крестьянъ объясняются тѣмъ, что лѣса и т. д. были ихъ собственностью; но разъ они были узурпированы помѣщикомъ,—эти права доказываютъ наличность именно крѣпостнаго состоянія.

II.

Попытки покончить съ строемъ крѣпостничества начинаются съ XVIII-го столѣтія и достигаютъ полнаго своего осуществленія въ серединѣ текущаго вѣка. Остановимся же теперь на разсмотрѣніи соціальныхъ причинъ, вынуждавшихъ такой переходъ.

Прежде всего, каковы были интересы правительства? Прусская монархія исторически сложилась, какъ держава преимущественно военная. Безконечныя войны составляютъ чуть ли не весь фонъ исторіи Пруссіи. При маломъ развитіи денежнаго хозяйства, все содержаніе войска было лишь мыслимо, какъ натуральная повинность населенія: казармъ не было,—поэтому войско необходимо было размѣщать по деревнямъ; интендантская часть, требующая съ своей стороны про-

изводителя на крупный рынокъ, была не развита; поэтому удовлетвореніе потребностей войска возможно было лишь дробное, по частямъ, въ натурѣ и на мѣстѣ; подводная повинность вызывалась этимъ же строемъ. Съ этой точки зрѣнія была желательна большая густота населенія и населенія именно крестьянскаго: помѣщичьи усадьбы представляютъ менѣе удобныхъ мѣстъ для жилья, были бѣднѣе скотомъ и въ податномъ отношеніи составляютъ *обѣльныя земли*. Послѣднее обстоятельство указываетъ намъ, почему распространеніе крестьянскаго, *податнаго* землевладѣнія представляло еще особый интересъ правительства. Если наконецъ прибавить къ этому, что солдатъ поставляло преимущественно крестьянство, то мы поймемъ, почему въ XVIII-омъ столѣтіи прусскіе короли должны были стать rois des gueux. Дѣйствительно, цѣлый рядъ указовъ отъ этого времени посвященъ «охранѣ крестьянства» (Bauernschutz). Сколько тутъ ни встрѣчается выраженій филантропіи и указаній на возвышенные мотивы, было бы ошибочно думать, что это законодательство вызывалось ими, а не прямымъ матеріальнымъ разсчетомъ. Единственно дѣйствительный широкій (къ тому же и государству крайне выгодный) планъ реформы Любена остался безъ послѣдствій. Любенъ именно еще въ 1703 году предлагалъ домены не отдавать крупными участками предпринимателямъ, а, разбивъ на мелкія части, превратить въ наслѣдственно-арендное достояніе крестьянства. Любенъ тщетно указывалъ и на фискальную выгоду—отъ вкупныхъ денегъ и ежегоднаго канона и на возможность такимъ образомъ покончить съ крѣпостничествомъ, необходимымъ лишь пока, такъ какъ помѣщики не могутъ обходиться безъ рабочихъ. Реформа получила, однако, иное направленіе и стала дробной, пытаясь разрѣшить каждый частный вопросъ отдѣльно. Въ XVIII вѣкѣ главныя усилія правительства были направлены на охраненіе отъ помѣщичьяго захвата крестьянскихъ земель. Послѣднія было запрещено включать въ помѣщичьи имѣнія, подтверждено было запрещеніе изгонять крестьянъ, исправныхъ въ своемъ хозяйствѣ. Однако, частое повтореніе этихъ указовъ свидѣтельствуетъ о ихъ маломъ практическомъ значеніи. Они слѣдуютъ другъ за другомъ 22/XI 1709 г., 29/VI 1714 г., 14/III 1739 г. (въ которомъ Фридрихъ Вильгельмъ I-ый пишетъ, «чтобы ни одинъ вассалъ отъ велика до мала, называйся онъ, какъ хочетъ, будь онъ самъ маркграфъ фонъ-Шведтъ, не смѣлъ безъ уважительныхъ причинъ, и не населивъ немедленно же крестьянскій дворъ, изгонять оттуда его владѣльца)». Но и послѣ такого сердитаго указа, дворяне Восточной Пруссіи съумѣли добиться уступки: король согласился дозволить

имъ присоединять къ себѣ опустѣлые дворы, если они не могутъ ихъ населить пригодными хозяевами. — Въ 1749 году Фридрихъ II подтверждаетъ старые указы и требуетъ, чтобы незаконно присоединенные помѣщикомъ участки снова были бы возвращены прежнимъ владѣльцамъ. Судьба этого послѣдняго закона была особенно характерна. Въ 1806-омъ году мѣстное провинціальное доменное управленіе той же Восточной Пруссіи спрашиваетъ центральное управленіе, —не въ забвеніи ли этотъ законъ, въ виду того, что о его дѣйствіи ничего не извѣстно? Въ результатѣ защита крестьянства — въ Восточной Пруссіи—не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Но будь даже это законодательство успѣшнѣе, оно все же оставалось бы недостаточнымъ, такъ какъ имъ охранялось только крестьянское землевладѣніе, какъ таковое, а не отдѣльные крестьяне. Практически личность крестьянина оставалась все такъ же не защищенной; а его имущество можно было отнять у него, сдавъ его другому крестьянину же. Изъ этого видно, что когда проф. Энгельманъ въ своей «Исторіи крѣпостнаго права въ Россіи» (Дерптъ, 1884 г.) настойчиво указываетъ, какъ на національную особенность московскаго правительства, на то, что оно руководилось соображеніями не права и справедливости, а ближайшей, узко понятой пользы, то такое его мнѣніе неправильно и разбивается сравнительнымъ изученіемъ аналогическихъ историческихъ процессовъ.

Въ сущности отъ крѣпостной зависимости наканунѣ реформъ, съ половины XVIII-го вѣка, страдали одинаково и другія заинтересованныя стороны—какъ дворянство, такъ и крестьянство. Крѣпостное право къ этому времени окончательно разцвѣло, но оказалось розой не безъ шиповъ. Прежде всего отъ него начало страдать само дворянство. Округливъ свои имѣнія указанными процессами, помѣщики, правда, могли теперь въ волю эксплуатировать барщинный трудъ крестьянъ, полударовой трудъ дворовыхъ и прислуги. Но неволя уже оказала свое дѣйствіе на качество барщины; она была крайне непроизводительна и требовала самаго тщательнаго надзора. Крестьяне были тупы, неповоротливы, лишены всякой иниціативы, скотъ—истощенный, плохо кормленный. При черезполосицѣ господскія поля были разбросаны на громадныя пространства, въ перемежку съ крестьянскими. Далѣе, вмѣстѣ съ правами, помѣщики пріобрѣли и обязанности, тяжелыя, неопредѣленныя, точно также неудобоизмѣримыя, какъ и все остальное въ подневольномъ строѣ. Прежде всего помѣщики обязаны были содержать крестьянскіе дворы въ такомъ состояніи, чтобы они имѣли возможность уплачивать и исправлять всѣ лежащія на

нихъ повинности и подати; въ случаѣ несостоятельности, за уплату повинностей отвѣчалъ помѣщикъ, онъ же долженъ былъ давать имъ постройки, надѣлять ихъ мертвымъ и живымъ инвентаремъ, дозволить имъ отпускъ лѣса, разрѣшить имъ пасти свой скотъ. Такъ какъ крѣпостной крестьянинъ обо всемъ этомъ, какъ не о своей собственности, не заботился, то все это быстро приходило въ ветхость, разрушалось и требовало ремонта; кромѣ того въ случаѣ неурожая—приходилось не только отказываться отъ получекъ со стороны крестьянина, но еще и ему помогать. Все это взятое вмѣстѣ дѣлало доходы и предположенія помѣщика совершенно неопредѣленными и смутными. Къ довершенію его затрудненій, его имѣніе обыкновенно было заповѣдное, представляло фидеикомиссъ, такъ что кредитоспособность его была ничтожна. При такихъ условіяхъ понятно, что отмѣна крѣпостничества была въ интересахъ помѣщиковъ, но они этого не сознавали *en masse* или вѣрнѣе желали еще болѣе выгодныхъ измѣненій. Въ этомъ направленіи, какъ мы увидимъ ниже, сложилась и ихъ роль въ исторіи реформы; въ этомъ обстоятельствѣ заключается и объясненіе, почему въ старѣйшихъ провинціяхъ Пруссіи реформа прошла, осуществивъ главнымъ образомъ дворянскіе интересы.

Интересы крестьянъ освободиться отъ крѣпостнаго права настолько очевидны, что мы считаемъ излишнимъ останавливаться надъ ними, тѣмъ болѣе, что не было крестьянскихъ организацій для достиженія этой цѣли, да и мнѣнія крестьянъ по этому вопросу въ Германіи до сихъ поръ еще не изслѣдованы.

Перейдемъ теперь къ самой реформѣ и, слѣдуя Кнаппу, разсмотримъ реформу въ доменахъ, отдѣльно отъ эманципаціи помѣщичьихъ крестьянъ. Въ Пруссіи, какъ и во Франціи, и во многихъ иныхъ мѣстахъ, домены берутъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Оффиціальная переписка начинается съ заявленій доменныхъ камеръ провинцій Пруссіи и Помераніи отъ 1708 года, *что „крестьяне въ большомъ числѣ бѣгутъ въ Польшу“*. И вотъ королевская власть начинаетъ заботиться, какъ бы уладить дѣло; она требуетъ, чтобы «крѣпостныхъ отношеній» болѣе не было; но изъ ея указовъ выясняется, что ея цѣль была много у́же: не желая существенно измѣнить соціальныхъ условій крестьянъ, она только хотѣла упрочить юридическое ихъ положеніе. Поэтому крестьянинъ долженъ въ будущемъ владѣть своимъ мѣстомъ наслѣдственно; но этимъ отнюдь не порывается его связь съ королемъ, какъ съ землевладѣльцемъ: наоборотъ, крестьянинъ долженъ присягнуть, что онъ отнюдь не покинетъ двора безъ разрѣшенія управленія; присягнуть въ томъ, что они останутся, должны

были и дѣти крестьянъ (съ цѣлью не лишиться класса принудительныхъ, почти даровыхъ рабочихъ). Такъ какъ крестьянскій дворъ и фактически большей частью переходилъ отъ отца къ сыну, то понятно, что крестьяне на подобную присягу не соглашались, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ ней они, по королевскому плану, лишались права на поддержку и ссуды въ случаѣ неурожая или несостоятельности. Любопытно, что и этотъ скромный планъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны дворянской бюрократіи, и что королю пришлось съ ней полемизировать, конечно, въ абсолютно-прусско-королевскомъ духѣ (т. II, 15, 17, 18). Вотъ отрывокъ изъ подобной переписки: 18/VI 1718 Кёнигсбергское правленіе полагаетъ: что 1) освобожденный крестьянинъ убѣжитъ въ Польшу и его оттуда не вернешь. Король на поляхъ: «а сколькихъ я теперь вернулъ? (т. е. бѣглыхъ крѣпостныхъ). И трехъ человѣкъ (т. е. бѣглыхъ) нѣтъ». 2) Дѣти крестьянина, не наслѣдующія ему во владѣніи двора, займутся ремесломъ, и отсюда возникнетъ недостатокъ въ сельскихъ рабочихъ. Король: «Пустяки! Въ Магдербургѣ этого нѣтъ. А соображеніе на счетъ рабочихъ безбожно, подло!» 3) Въ случаѣ чумы свободный крестьянинъ наврядъ ли отдастъ своихъ дѣтей для занятія опустѣлыхъ мѣстъ. Король: «кто тутъ господинъ, я или мужики? Если я считаю это полезнымъ для страны и мужиковъ, я могу поступать, какъ хочу!» 4) Послѣ освобожденія нельзя будетъ принуждать къ обязательной службѣ дворовыхъ и прислугу. Король: «Вздоръ!» 8) Освободившись, крестьяне едва ли позволятъ обремѣнять себя большой барщиной или чиншемъ. Король: «я—остаюсь господиномъ и могу дѣлать, что хочу; мужики должны дѣлать, что я прикажу; я вѣдь не дворянинъ, стоящій передъ судомъ рядомъ съ свободнымъ мужикомъ». (II стр. 5—6). Эта попытка не имѣла почти никакихъ практическихъ результатовъ, главнымъ образомъ благодаря нежеланію крестьянъ принять ее. Но она была возобновлена и даже проведена Фридрихомъ Великимъ въ 1777 году; крестьянинъ въ доменахъ пріобрѣлъ наслѣдственное пользованіе земельнымъ участкомъ, причемъ, однако, доменное управленіе оставило за собой право выбирать въ наслѣдники одного изъ дѣтей, и этотъ наслѣдникъ освобождался отъ выплаты доли наслѣдства своимъ братьямъ. Это, понятно, еще не было отмѣной крѣпостничества, такъ какъ и барщина и подвластность («Unterthänigkeit») остались. Какъ болѣе рѣшительный шагъ, слѣдуетъ отмѣтить указъ 1763 г., запрещающій арендаторамъ доменныхъ имѣній примѣнять свое право принудительнаго обращенія въ дворню крестьянской молодежи; но хотя этотъ указъ и подтверждается въ 1767 году, однако, не далѣе, какъ

въ 1773 году появляется новый указъ о томъ, что «дѣти подданныхъ обязаны прослужить въ дворнѣ господина 5 лѣтъ за опредѣленную таксу, передъ тѣмъ, какъ получить свободу служить другимъ». (7 II, 94). Такимъ образомъ, по этому вопросу дѣло носило неопредѣленный характеръ до 1799 года, когда начинается болѣе радикальная реформа. 25/IX 1798 г. Кёнигсбергское управленіе докладываетъ королю (7 II, 106): «крестьяне повсемѣстно ожидаютъ, что обязательность барщины будетъ отмѣнена и что они станутъ собственниками. Этотъ-де годъ послѣдній, въ который еще потребуется барщина; съ будущаго же она—исчезнетъ. *Только чиновники этому противятся, а король стоитъ за ихъ права*"... Управленіе полагаетъ, что эти надежды объясняются корыстными нашептываніями прожектеровъ, подпольныхъ агитаторовъ и людей, пишущихъ крестьянамъ прошенія. «Надо бояться, что въ будущемъ году введенные въ заблужденіе крестьяне дѣйствительно откажутся отъ барщины и произведутъ крупныя волненія». На слѣдующій же годъ былъ выпущенъ указъ о прекращеніи конной барщины въ доменахъ. Любопытно, что тутъ впервые конная барщина отграничивается отъ пѣшей; послѣдняя остается,—обстоятельство весьма важное, въ виду того, что этимъ лишались благодѣянія новаго закона цѣлые разряды мелкихъ крестьянъ. Для облегченія арендаторовъ доменъ, впрочемъ, сначала предполагалось оставить 12 обязательныхъ рабочихъ дней крестьянъ въ распоряженіе первыхъ; но это вызвало такой протестъ крестьянъ, что правительство въ 1805 году оказалось вынуждено отказаться и отъ этого ограниченія, вознаградивъ арендаторовъ за утраченный обязательный трудъ кредитомъ изъ 6%, а также населивъ домены семьями сельскихъ рабочихъ съ надѣломъ по 1 моргену на семью. Съ крестьянъ же взамѣнъ барщины впредь взимался опредѣленный денежный взносъ. Въ различныхъ провинціяхъ частныя подробности реформъ расходились. Такъ, наприм., въ Помераніи—о коссетахъ прямо упоминалось, что они исключаются изъ числа пользующихся реформой; въ Курмаркѣ выкупалась не только барщина, но и иныя обязательныя повинности: подводныя, доставка продуктовъ на рынокъ, возка лѣса, камня и т. д.

На осуществленіе этой реформы было дано 6 лѣтъ, такъ какъ на этотъ срокъ сдавались арендаторамъ домены, — такъ что за этотъ промежутокъ реформы, которыя предполагалось осуществить именно при возобновленіи аренды, могли быть проведены повсемѣстно. Сравнительно, удачно проведенная реформа скоро повлекла къ ея дальнѣйшему расширенію: сами провинціальныя камеры возбуждали теперь вопросъ, не слѣдуетъ ли крестьянамъ предоставить полную

собственность? Для уразумѣнія этого, напомнимъ, что Пруссія все это время (наполеоновскія войны) стояла на краю гибели. Чтобы добиться хоть какихъ нибудь денегъ, въ это время былъ въ ходу даже проектъ отчужденія доменовъ (согласный съ ученіями Ад. Смита); но это было неосуществимо, пока на доменахъ не будетъ вполнѣ порвана связь съ крѣпостнымъ населеніемъ. Съ одной стороны — доходы доменовъ были неопредѣлены, съ другой при многочисленныхъ правахъ крестьянъ на лѣсъ, выгонъ, вспомоществованіе зерномъ, инвентаремъ, строеніемъ и т. д. смутны были и обязанности самихъ доменовъ. Поэтому превращеніе крестьянъ въ собственниковъ было выгодно уже тѣмъ, что эти неудобныя отношенія прекращалиль, а цѣнность доменовъ возрастала. Интересъ крестьянъ въ этой перемѣнѣ тоже очевиденъ. Они получали право посмертнаго распоряженія своимъ имуществомъ, могли дѣлать улучшенія, не боясь, что плоды ихъ достанутся не имъ. И тутъ, конечно, не обошлось безъ олигархически - землевладѣльческихъ проектовъ: фонъ-Штенъ, напримѣръ, предлагалъ сразу лишить крестьянъ всякихъ вспомоществованій и пусть тогда выкупаетъ свою собственность тотъ крестьянинъ, кто сможетъ; такимъ бы образомъ создался многочисленный классъ безземельныхъ. Но, къ счастью, на законъ $^{27}/_{\text{VII}}$ 1808 г. рѣшающее вліяніе имѣлъ благородный Штейнъ, такъ что основныя его черты слѣдующія: доменнымъ крестьянамъ даруется право собственности на ихъ участки, съ тѣмъ чтобы: 1) не платя никакихъ денегъ за эту собственность, крестьяне отказались вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякихъ правъ на отсрочку платежей, на помощь лѣсомъ, дровами и пр.; 2) инвентарь двора крестьяне получаютъ въ собственность, оплативъ его по таксѣ; платежъ разсрочивается и присоединяется къ ежегоднымъ платежамъ изъ 5%; строенія—не составляютъ инвентаря, а часть участка, и потому безплатны; 3) еще не отмѣненныя барщина и повинности упраздняются. Наконецъ, вводится временное положеніе на 2 года, въ теченіе котораго крестьянинъ получаетъ пособіе доменовъ, но за то еще отправляетъ нѣкоторыя обязанности. Если къ этому сроку крестьянинъ не заявитъ, что онъ соглашается на сказанныхъ условіяхъ принять участокъ, послѣдній продается съ аукціоннаго торга дающему наибольшую сумму, причемъ она принадлежитъ прежнему хозяину. На основаніи этого законодательства въ Восточной, Западной Пруссіи и въ Литвѣ появилось до 30,000 мелкихъ новыхъ поземельныхъ собственниковъ. Существенной ошибкой этого закона слѣдуетъ считать узкую область его примѣнимости; далеко не всѣ крестьяне могли имъ воспользоваться, а пре-

имущественно только наслѣдственные арендаторы и чиншевики. Крестьяне же, сидѣвшіе на землѣ съ худшими правами, остались въ старомъ положеніи.

III.

Одинаковая хозяйственная эксплоатація доменовъ и помѣщичьихъ земель указываетъ на то, что и причины эмансипаціи были одинаковы и тутъ и тамъ. Изъ помѣщичьихъ имѣній также бѣгали въ Польшу; и тутъ и тамъ взаимныя права и обязанности были неопредѣленны, пока господствовалъ строй натуральныхъ отношеній; но какъ только сталъ развиваться денежный оборотъ, эти отношенія стали невозможны. Безконечныя войны и эпидеміи разорили Пруссію, отъ тяготъ крестьяне частью бѣгали, а оставшіеся жили въ разрушенныхъ строеніяхъ, съ поврежденнымъ инвентаремъ, отупѣлые, вполнѣ лишившись всякой инціативы. Помѣщики частью не могли, а частью не хотѣли помогать возстановленію положенія крестьянъ. Имъ выгоднѣе было вести свое хозяйство изъ усадьбы или заводить хутора. Не смотря на это, дѣло освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ было труднѣе и сложнѣе эмансипаціи въ доменахъ. Тутъ, кромѣ короля и мужика, фигурировало еще дворянство, а потому начинается сильная ожесточенная борьба за классовые интересы, борьба, которая тянется съ начала XVIII вѣка.

И тутъ королямъ принадлежитъ инціатива. Всякій разъ, когда они думаютъ о реформѣ въ доменахъ, они не забываютъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Но дворяне протестуютъ, а бюрократія ихъ поддерживаетъ. То они заявляютъ, что отмѣна крѣпостнаго права невозможна; то, что король не вѣрно выражается: крѣпостнаго права нѣтъ; то рѣчь идетъ о томъ, что земли крестьянъ принадлежатъ въ наслѣдственную собственность дворянамъ, а собственности и самъ государь не смѣетъ ни у кого отнимать; то выражается опасеніе, что свободные крестьяне разбѣгутся, имѣнія запустѣютъ и сельское хозяйство падетъ.

Тщетно короли возражали и горячились; тщетно Фридрихъ II въ 1763 году писалъ дрожащей отъ гнѣва рукой: «безусловно и безъ всякихъ разсужденій (ohne das geringste Resonniren) немедленно отмѣнить всякое крѣпостное право»,—вся бюрократія дружно поддерживала дворянство и когда ей что либо поручалось, она извращала самыя безусловныя и безспорныя приказанія государей. Между тѣмъ реформы, имѣвшіяся въ виду даже центральной властью, были блѣднѣе уже достигнутаго относительно доменъ; таковъ, напримѣръ, планъ

признанія свободными всѣхъ дѣтей крѣпостныхъ моложе 15 лѣтъ. Во все XVIII столѣтіе удалось лишь добиться охраны крестьянскаго землевладѣнія: присовокупительнымъ тенденціямъ дворянства былъ положенъ предѣлъ, а остальное пришлось уже довершить XIX вѣку.

Внѣшнія обстоятельства повліяли на ускореніе реформы. Тильзитскій миръ свелъ границы Пруссіи къ 4-мъ старымъ ея провинціямъ; населеніе было разорено вплотную; старая система обнаружила свое безсиліе; помѣщики, обремененные долгами и не будучи въ силахъ уплатить ихъ, уже не говоря о томъ, чтобы заботиться о крестьянахъ, выхлопотали себѣ отсрочку по исполненію гражданско-правовыхъ обязательствъ (moratorium); на востокѣ, учрежденное стараніями Наполеона, Варшавское герцогство, вновь стало служить обѣтованной страной для измученныхъ, разоренныхъ крестьянъ. Пришла минута реформировать весь строй, «основать монархію на демократическихъ основаніяхъ»,—часъ крѣпостнаго права пробилъ. Правительство дѣятельно взялось за дѣло, разослало запросы по провинціальнымъ управленіямъ, заготовляло законопроекты. Дворянство, убѣдившись, что теперь дѣло серьезно и кое-чѣмъ придется поступиться, съ своей стороны тоже не дремало, стараясь устроить эмансипацію повыгоднѣе для себя. 29/VIII 1807 г. крупнѣйшіе помѣщики изъ Кёнигсберга писали королю, что они, движимые патріотизмомъ, согласны принести отечеству тяжелую жертву отреченія отъ крѣпостныхъ правъ, съ тѣмъ, чтобы 1) дворянамъ была предоставлена полная воля распоряжаться, какъ они хотятъ, землями крестьянъ, которыя составляютъ ихъ, дворянъ, наслѣдственную собственность. Чтобы земля не опустѣла, они предлагаютъ вмѣсто каждаго изгнаннаго съ земли крестьянина, поселить рабочихъ съ клочкомъ земли подъ садъ или огороды. «Отъ такого измѣненія очень выгадаетъ земледѣліе, а скотоводство просто процвѣтетъ».... 5) Сохранить принудительную на 5 лѣтъ службу дворни и прислуги; это, увѣряютъ дворяне, — «крайне либеральное требованіе». 7) Естественнымъ послѣдствіемъ новыхъ отношеній является то, что помѣщикъ навсегда освобождается отъ отвѣтственности за податеспособность крестьянъ и отъ обязанности помогать ему (II 157—162).

И такъ, изгнать крестьянъ, вмѣсто нихъ создать классъ батраковъ, взять себѣ всю землю, и, сохранивъ принудительный принципъ службы, отдѣлаться отъ всякихъ соотвѣтственныхъ обязанностей—вотъ о чемъ громко мечтало дворянство. Потребовалась вся энергія Штейна, чтобы реформа совершилась не въ этомъ духѣ [1].

[1] Штейнъ доказывалъ, что дворяне не имѣютъ даже исторически права соб-

Бюрократія, даже ближайшіе сотрудники его, также стояли на сторонѣ дворянства. Проникнутые идеями гармоніи интересовъ, превосходства индивидуализма, они думали, что охрана крестьянства есть лишь плодъ несвободнаго состоянія; разъ падутъ оковы крѣпостнаго права, разсуждали они, личный интересъ устроитъ все къ лучшему. Если помѣщикамъ дѣйствительно выгоднѣе заводить хутора, то зачѣмъ же отъ нихъ требовать непремѣнной сдачи земли крестьянамъ? и не есть ли охрана крестьянъ—историческій предразсудокъ? Какой интересъ государству поддерживать мелкое землевладѣніе? Не лучше ли, чтобы крестьянъ было хоть мало, да за то экономически болѣе устойчивыхъ и обезпеченныхъ? Поэтому они стояли за то, чтобы помѣщикамъ былъ предоставленъ большій просторъ въ распоряженіи крестьянскими землями, и чтобы все было предоставлено свободному договору. Хотятъ помѣщики—и пусть они, вмѣсто крестьянскихъ хозяйствъ, заведутъ хутора; пусть они измельченные участки соединятъ и раздадутъ крупнымъ съемщикамъ!

Такъ стояло дѣло, когда Штейнъ начерталъ основы знаменитаго эдикта ⁹/x 1807 г. Благодаря перечисленнымъ вліяніямъ, ему пришлось сдѣлать рядъ уступокъ, и поэтому сущность новаго закона представляется въ такомъ видѣ: помѣщикъ имѣетъ право включать въ свои владѣнія тѣ крестьянскіе участки, которые послѣ *послѣдней войны* опустѣли и разорились, если ни помѣщикъ, ни крестьянинъ не имѣютъ возможности возстановить хозяйство; все это должно быть удостовѣрено присутственнымъ мѣстомъ; соединеніе мелкихъ участковъ въ болѣе крупные признается вообще за желательное; признается, что крестьянское владѣніе нуждается въ защитѣ отъ «себялюбивыхъ вожделѣній богатыхъ и образованныхъ классовъ, которыхъ ростъ земельной цѣнности все болѣе будетъ искушать» къ незаконнымъ захватамъ. Цѣной всѣхъ этихъ условій опредѣляется, что наслѣдственное подданство прекращается *немедленно* для наслѣдственныхъ ласситовъ, арендаторовъ и чиншевиковъ и къ *Мартынову дню 1810 года* для всѣхъ иныхъ

ственности на земли крестьянъ: „искони жители Пруссіи являются или новообращенными пруссаками или нѣмецкими колонистами; первый орденъ даровалъ наслѣдственную собственность (въ 1249 году), а нѣмецкіе колонисты въ 1233—1251 гг. получили земли въ собственность съ условіемъ несенія воинской и иныхъ повинностей. Далѣе въ періодъ отъ 1310-го г. до XV вѣка земля оставалась въ собственности крестьянъ, которые платили за нее чиншъ. Только позднѣе, въ періодъ смутъ, при слабомъ правленіи маркграфовъ и подъ вліяніемъ польскаго правительства, прусскій крестьянинъ становится крѣпостнымъ и теряетъ собственность своего участка земли". (II, 88).

классовъ земледѣльцевъ. Подробности проведенія реформы должны были быть указаны въ особыхъ инструкціяхъ для каждой провинціи. Онѣ дѣйствительно были обнародованы въ слѣдующемъ же году, но Штейну и тутъ пришлось опять многимъ поступиться, именно въ виду отсутствія согласно мыслящихъ сотрудниковъ и въ виду отношенія дворянства. Штейнъ, какъ мы видѣли, ограничивалъ право включенія въ помѣщичьи владѣнія опустѣвшихъ дворовъ *послѣ послѣдней войны* случаями, когда неспособность помѣщиковъ возстановить разоренный дворъ была оффиціально констатирована. Его сотрудникъ Штёнъ теперь выработалъ новыя основы для инструкцій. Прежде всего онъ различаетъ крестьянскіе дворы на два разряда по времени ихъ происхожденія: основанные до 1752 года въ восточной Пруссіи и въ 1774 г. въ западной Пруссіи, и послѣ этого времени; по его мнѣнію послѣдніе возникли вслѣдствіе общаго подъема благосостоянія, каковое является и дальнѣйшимъ предположеніемъ ихъ существованія. *А такъ какъ теперь Пруссія разорена, то они естественно осуждены на погибель;* земледѣльцевъ этого разряда поэтому не зачѣмъ охранять. Что касается до болѣе старыхъ крестьянскихъ участковъ, то помѣщики получаютъ право половину площади, занимаемой ими, присоединять къ своимъ владѣніямъ, основывать на ней хутора, вообще распоряжаться ею, какъ угодно, съ условіемъ, чтобы остальная половина была отдана крестьянамъ *въ собственность* съ избавленіемъ отъ повинностей обязательно молоть зерно, покупать пиво и т. д. у помѣщика.

Казалось бы завоеванія дворянства были достаточно обширны: правительство, если не вполнѣ отказалось, то все же сильно съузило предѣлы охраны крестьянства; на извѣстныхъ условіяхъ, помѣщики могли получать въ подарокъ цѣлую половину крестьянскихъ земель,— но классовая жадность дворянства не была удовлетворена. Передъ дворянами то и дѣло мелькали соблазнительныя картины отношеній Шотландіи, Ирландіи или, по меньшей мѣрѣ, Мекленбурга. И вотъ они начинаютъ подавать прошенія «назойливыя», по отзыву министерства юстиціи. Они просятъ, чтобы имъ позволено было и остающуюся по закону у крестьянъ половину земель населить не собственниками, а краткосрочными арендаторами; просятъ, чтобы все было предоставлено просвѣщенному усмотрѣнію дворянства; жалуются, что имъ неудобно, если крестьяне освободятся отъ обязанности покупать ихъ пиво, молоть зерно на ихъ мельницахъ, работать на ихъ полѣ. Тщетно Штейнъ разбивалъ ихъ доводы, доказывая ихъ произвольность; онъ даже такъ заканчивалъ свой отвѣтъ: «я долженъ выразить пожеланіе,

чтобы комитетъ дворянства тщательнѣе взвѣшивалъ свои оффиціальные шаги; иначе, надо опасаться, что разъ эти мнѣнія комитета, столь противорѣчащія духу времени и степени развитія народа, станутъ извѣстны публикѣ, исчезнетъ всякое уваженіе къ комитету, уваженіе, котораго, однако, добивается каждый дворянинъ». Не смотря на все это, дворянство снова писало Штейну, затѣмъ смѣнившему его министру, наконецъ, королю. За длиннотой его, мы не можемъ, къ сожалѣнію, привести прекраснаго анализа ихъ притязаній, анализа, выработаннаго въ министерствѣ юстиціи (т. II, 213—216; редакція Клейна). Какъ бы то ни было, въ это время правительство не дѣлало уступокъ. Не то надо сказать о ближайшихъ годахъ. Штейнъ отсталъ отъ дѣла, правительственнымъ агентамъ не доставало его твердости и любви къ крестьянству; разоренное же дворянство, сильное логикой классовыхъ интересовъ и понимающее, что при новомъ положеніи вещей вопросъ для него идетъ о томъ, чтобы исчезнуть, какъ классъ, или утвердить свое новое верховенство не на историческихъ заслугахъ и не на какихъ нибудь особыхъ, лежащихъ на немъ соціальныхъ функціяхъ, а единственно на землевладѣніи, на присвоеніи значительной части національнаго богатства,—это дворянство не могло прекратить своихъ жалобъ. Такъ какъ, такимъ образомъ, направленіе, по которому давили историческія силы, было вполнѣ опредѣленно, то въ ближайшемъ будущемъ реформа Штейна порверглась радикальному извращенію.

Прежде всего разсмотримъ эдиктъ о регулированіи отъ ¹⁴/IX 1811 г. Выработанный Раумеромъ законопроектъ былъ представленъ на обсужденіе сословій. Законопроектъ предполагалъ сдѣлать немедленно собственниками всѣхъ наслѣдственныхъ и пожизненно владѣвшихъ землею крестьянъ; послѣ этого по сравненіи крестьянскихъ и помѣщичьихъ правъ и обязанностей, прекратить всѣ обязательственныя отношенія, вытекавшія изъ крѣпостнаго права, при чемъ выкупъ предполагался въ формѣ уплаты землей, рентой, деньгами или продуктами. Съ этого времени всякая опека надъ крестьяниномъ собственникомъ прекращается, и онъ можетъ отчуждать свой участокъ и вообще распоряжаться имъ на основаніи общаго права. Остальные же крестьяне—краткосрочные арендаторы, остаются на старомъ положеніи. По прежнему они обязаны исправлять повинности для помѣщика, за то послѣдній по прежнему обязанъ ихъ участки вѣчно держать занятыми хозяевами-крестьянами. Впрочемъ и отъ этого обязательства помѣщикъ могъ освободиться и, мало того, даже пріобрѣсть въ свободное распоряженіе половину этихъ участковъ, съ тѣмъ, чтобы прочую по-

ловину превратить въ собственность арендаторовъ. Какъ ни былъ выгоденъ для дворянъ этотъ законопроектъ, но и онъ претерпѣлъ еще измѣненія, будучи подвергнутъ обсужденію сословій. Депутатъ фонъ-Девицъ замѣчалъ, что несправедливо сливать въ одну категорію съ наслѣдственными владѣльцами и пожизненныхъ; послѣднихъ вѣрнѣе отнести къ срочнымъ арендаторамъ. Сомнительно также, имѣетъ ли государство право въ помѣщичьихъ имѣніяхъ наслѣдственное право пользованія крестьянъ превращать въ собственность: «вѣдь тогда помѣщикъ лишается права изгонять строптивыхъ мужиковъ, а вмѣстѣ съ этимъ для дворянина пропадетъ всякая пріятность пребыванія въ деревнѣ». Другой депутатъ, г. фонъ-Виттъ, полагалъ, что «отмѣна конной барщины еще скорѣе мыслима, чѣмъ отмѣна пѣшей, по той простой причинѣ, что скотъ можно достать на каждомъ рынкѣ, а рабочихъ рукъ не достанешь».... Послѣ ряда такихъ замѣчаній, вышелъ, наконецъ, законъ 14/XI 1811 года, измѣненный согласно желаніямъ дворянства. Имъ постановлялось: 1) крестьянство дѣлится на 2 категоріи: а) наслѣдственныхъ владѣльцевъ и б) *ласситовъ* (не наслѣдственныхъ; они составляли главную массу населенія въ Пруссіи, Помераніи, Верхней Силезіи и обѣихъ Маркахъ) и срочныхъ арендаторовъ; 2) за пріобрѣтеніе собственности 1-ая категорія уступаетъ помѣщику $1/3$ своихъ земель, 2-ая $1/2$. Такимъ образомъ, собственность и для срочныхъ арендаторовъ была наконецъ достигнута, по какой цѣной! Дворяне получили цѣлую половину земель, никогда имъ не принадлежавшихъ, въ собственность, такъ какъ ихъ *jus utendi* было крайне ограниченно обязательствомъ непремѣнной ихъ сдачи крестьянамъ!

Этотъ законъ важенъ въ исторіи реформы. Его изданіемъ прусское правительство окончательно отказалось отъ охраны крестьянскаго класса и его землевладѣнія. Старанія королевской власти всего 18 вѣка, стремленія еще въ 1807 году такъ энергично проводимыя Штейномъ, все это новымъ закономъ сдавалось въ архивъ. Неожиданно для помѣщиковъ оказалось возможно новое расширеніе землевладѣнія, на что они повидимому и разсчитывать не могли. Это ихъ ободрило къ новой, энергичной дѣятельности ради своихъ классовыхъ интересовъ.

IV.

Внѣшнія обстоятельства какъ нельзя лучше благопріятствовали дворянскимъ тенденціямъ. Послѣдовали новыя войны, новое раззореніе и наконецъ успѣхъ улыбнулся Пруссіи: Наполеонъ былъ разбитъ,

а въ его лицѣ нечего уже было бояться той революціи, представителемъ которой за-границей являлся Наполеонъ съ своими войсками, хотя онъ и былъ императоромъ. Война, перенесенная во Францію, и Вѣнскій конгрессъ начали новую эпоху правленія дипломатовъ. Правителямъ было уже не до народной свободы: они старались скорѣе усыпить тѣ свободолюбивыя и патріотическія чувства, разгару которыхъ они прежде сами содѣйствовали. И вотъ дворяне начинаютъ новую кампанію противъ крестьянъ. На ряду съ старыми уже знакомыми отзывами вродѣ того, что «при новыхъ порядкахъ помѣщикъ вездѣ наталкивается на чужую собственность», или что «теперь помѣстья стали какимъ-то адомъ», начинаются болѣе серьезныя заявленія о трудности приспособленія для помѣщиковъ къ новымъ порядкамъ: у нихъ нѣтъ капитала, а между тѣмъ нуженъ рабочій скотъ, нужны земледѣльческія орудія, помѣщенія для скота, для людей; нужны наконецъ рабочіе. Дворяне не брезгуютъ и иными соображеніями; они даютъ понять королю, что законъ о регулированіи «пропитанъ тлетворнымъ ядомъ французскаго законодательства», а къ чему ведетъ послѣднее, король могъ убѣдиться «на примѣрѣ Франціи, разбитой, безсильной и лишенной патріотическаго чувства; только оставаясь вѣрной старой конституціи, лелѣя ее, Пруссія можетъ сохранить свое величіе».

Желая быть справедливымъ, король приказываетъ подвергнуть переизслѣдованію основы закона 1811 года; хотя канцлеръ и заявляетъ весьма рѣшительно, что «не можетъ быть и рѣчи о существенномъ измѣненіи или объ отмѣнѣ эдикта $^{14}/_{IX}$ 1811 года», однако, та декларація, которая вытекла изъ пересмотра эдикта, не есть только поясненіе, а совершенно новое узаконеніе. Мы не будемъ излагать ни правительственныхъ проэктовъ, ни стараній Шарнвебера, этого преемника Штейна въ дѣлѣ защиты крестьянъ, а прямо укажемъ на сущность деклараціи $^{29}/_{V}$ 1816 года. Согласно съ ней, не всѣ ласситы и наслѣдственные арендаторы подлежатъ регулированію, а лишь тѣ, участокъ которыхъ отвѣчаетъ слѣдующимъ условіямъ: 1) крестьянскій участокъ долженъ быть достаточно крупенъ, чтобы его владѣлецъ могъ прожить исключительно земледѣльческой его эксплуатаціей. Какъ объективный критерій, законъ указываетъ на то, держалъ ли хозяинъ полную упряжь (пару лошадей или воловъ). 2) Этотъ крестьянскій участокъ долженъ быть внесенъ въ кадастръ и отмѣченъ тамъ, какъ *крестьянское*, несущее подати, владѣніе. 3) Крестьянскій участокъ долженъ быть *древняго происхожденія*, т. е. основанъ ранѣе указанныхъ въ инструкціяхъ 1809 года сроковъ. Но такъ какъ защита

крестьянскаго землевладѣнія Фридрихомъ Великимъ была начата именно во второй половинѣ XVIII вѣка, то этимъ вся его политика обращалась въ нуль, потому что за исходный пунктъ выбранъ моментъ, когда размѣры крестьянскаго землевладѣнія были всего мельче, а именно: для обѣихъ Маркъ и Помераніи 15/II 1763 года (конецъ семилѣтней войны, опустошенія которой едва начали сглаживаться въ 1764 году); для Силезіи 14/VII 1749 года (срокъ съ котораго и началось охраненіе крестьянства); для западной Пруссіи 1774 годъ (а присоединена къ Пруссіи эта провинція всего въ 1772 году); наконецъ для Восточной Пруссіи 1752 годъ, но, какъ мы видѣли, тамъ законъ настолько не имѣлъ дѣйствія, что въ 1806 году оттуда запрашивали, былъ ли такой законъ и не въ забвеніи ли онъ? Наконецъ 4) владѣющіе полной упряжью кадастрированные крестьянскіе дворы древняго происхожденія должны принадлежать *къ разряду, относительно которыхъ помѣщикъ по закону обязанъ держать ихъ постоянно занятыми крестьянами*, такъ что, если согласно инструкціямъ, эти участки разрѣшено присоединить къ помѣщичьимъ землямъ или ихъ слить въ болѣе крупныя аренды,—то они не подлежатъ регулированію.

Въ новомъ законѣ не упоминается срокъ, когда соглашеніе между сторонами должно быть достигнуто. Это завоеваніе дворянства повело къ тому, что реформа затянулась надолго. Но разъ соглашеніе достигнуто, помѣщикъ теряетъ: 1) право собственности на крестьянскую землю, переходящую въ собственность пользователей; 2) право на конную и пѣшую барщину урегулированныхъ крестьянъ; 3) право на платежи деньгами и натурой (яйца, куры, и т. д.) со стороны крестьянъ; 4) право на крестьянскія строенія и инвентарь; 5) сервитуты лежащіе на крестьянскихъ земляхъ. Съ своей стороны крестьянинъ лишается: 1) права на поддержку помѣщика въ случаѣ несчастій, 2) права на лѣсные сервитуты (лѣсъ, дрова, покосы), 3) права требовать построенія и ремонта зданій, 4) права въ случаѣ несостоятельности заставлять помѣщика уплачивать за себя подати, 5) права на нѣкоторые иные незначительные сервитуты. — Въ отличіе отъ эдикта 1811 года, декларація даетъ крестьянамъ право отчужденія помѣщикамъ всѣхъ своихъ земель еще до пріобрѣтенія собственности на нихъ, — новая возможность расширенія дворянскаго землевладѣнія.

Деклараціей 1816 года законодательство по освобожденію крестьянъ еще не закончилось. Деклараціей регулировались лишь отношеніяласситовъ и срочныхъ арендаторовъ; что же касается до натуральныхъ

повинностей, барщины и платежей наслѣдственныхъ арендаторовъ, чиншевиковъ и даже отчасти собственниковъ-крестьянъ, то ихъ еще предстояло упорядочить,—задача отчасти разрѣшенная закономъ о выкупѣ этихъ повинностей отъ 7/VI 1821 года. Новымъ закономъ права владѣнія прежде всего не затрогивались: кто былъ арендаторомъ,— тотъ и оставался имъ. Измѣненію подлежатъ главнымъ образомъ повинности, которыя дѣлятся на барщину и иныя повинности. Послѣдняя категорія по требованію той или иной стороны подлежала обязательной замѣнѣ ежегодной рентой или единовременнымъ взносомъ суммы въ 25 разъ помноженной на величину ежегодной ренты.

Барщина же прекращается по требованію одной изъ сторонъ далеко не всегда, а лишь въ томъ случаѣ, когда, согласно закону 1816 г., *исполнявшій ее владѣлъ полной крестьянской упряжью;* и она выкупается рентой, единовременнымъ взносомъ, или уступкой земли. Послѣднее совершалось всего чаще, за недостаткомъ денегъ у крестьянъ. Законнаго срока, къ которому старыя отношенія обязательно бы кончались, не указано и такимъ образомъ, если заинтересованныя стороны не настаивали на томъ, чтобы перейдти къ новому положенію, — всѣ эти переживанія крѣпостнаго права могли тянутся еще очень долго. Законныя условія крестьянамъ однако далеко не вездѣ были выгодны, а помѣщики за недостаткомъ капиталовъ не спѣшили съ измѣненіями. Съ помощью всего новѣйшаго законодательства, они расширили свое землевладѣніе на много болѣе, чѣмъ сколько могли по своимъ средствамъ эксплуатировать; новыя условія хозяйничанья заставляли помѣщиковъ доставать земледѣльческія орудія, обзаводиться живымъ и мертвымъ инвентаремъ, строить зданія, привлекать рабочихъ. Ясно, что помѣщики были довольны, что еще кое-что изъ стараго уцѣлѣло, что они могутъ пользоваться еще дешевой или безмездной барщиной, недоброкачественность которой только понемногу входила во всеобщее сознаніе, по мѣрѣ ея сравненія съ вольнонаемнымъ трудомъ. Все это намъ достаточно объясняетъ, почему законодательство теперь на долго совершенно замираетъ [2]. Этому содѣйствовала и реакція; то было время реставраціи, священнаго союза, обоготворенія старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ учрежденій; о крестьянинѣ же никто не думалъ и чтобы вопросъ о немъ снова выплылъ на сцену,—потребовался освѣжающій порывъ 1848 года.

---

[2]) Краткости ради мы не упоминаемъ о спеціальныхъ, тоже любопытныхъ реформахъ въ Силезіи и Познани, реформахъ, выпадающихъ на промежутокъ отъ двадцатыхъ годовъ до 48-го.

Но и въ 48 году массы народа были еще слишкомъ мало организованы; недовольство, правда, было достаточно распространено, чтобы обезпокоить правящіе классы и подвинуть ихъ къ мѣропріятіямъ (въ Силезіи, Саксоніи и происходили крупныя волненія, были случаи нападенія на помѣщиковъ и на ихъ собственность, мѣстами отказывались отъ барщины и платежей, повсюду образовывались сельскіе союзы и клубы, гдѣ агитировали горожане; правительству подавалась масса петицій),—однако дѣло реформъ все же не было еще въ рукахъ непосредственно заинтересованныхъ, а потому онѣ оказались компромиссомъ между старой партіей дворянства и временно получившей значеніе буржуазіи, значеніе, реальной основой котораго было предположеніе, что буржуазія стоитъ за интересы народа и опирается на его силу.

Снова правительство взялось за законопроэкты, а пока они вырабатывались, самъ парламентъ настоялъ на принятіи (⁹/x 1848 г.) закона, по которому всѣ переговоры, незаконченные, но еще продолжавшіеся, по вопросамъ о регулированіи согласно существующимъ постановленіямъ,—пріостанавливались впредь до изданія новыхъ законовъ. Послѣдніе были однако обнародованы лишь ²/III 1850 года.

Вотъ въ общемъ содержаніе новыхъ законовъ:

1) Прежде всего упраздняются 24 отдѣльныхъ правомочія помѣщиковъ безъ всякаго вознагражденія; это большей частью простыя переживанія крѣпостнаго права, подданничества и несвободы земли и лица; сюда относятся, напримѣръ: *mortuarium* (право на часть наслѣдства), *landemium* (право на пошлину при измѣненіи владѣльцевъ); обязанность работать у помѣщика въ поденщикахъ за низкую, таксированную закономъ, заработную плату; права охотничьи, право на выставку караула къ господской собственности; права на чисто личныя услуги, на подарки въ случаѣ болѣзни, крестинъ, смерти у господъ, на подводы, даже на «пухъ съ крестьянскихъ гусей». Кромѣ всѣхъ этихъ правъ, сюда относится и потеря верховной собственности со стороны господъ: «со дня вступленія въ силу этого закона, наслѣдственные арендаторы и чиншевики получаютъ полную собственность на свои участки». Вмѣстѣ съ тѣмъ отклоняется возможность сложенія и впредь такихъ наслѣдственно-обязательныхъ отношеній: «при наслѣдственной сдачѣ земли *передается право собственности на нее*». Наоборотъ, отношеніе ласситства не отмѣняется, а остается; помѣщики только теряютъ право на подобныя выморочныя имущества.

2) Крупное измѣненіе претерпѣваютъ также благодаря новому закону и категоріи крестьянства, подлежащія регулированію. Послѣднее

распространяется на всѣ лассітскія владѣнія, которыя обременены господскими повинностями и барщиной, независимо отъ размѣровъ владѣнія; нужно только, чтобы это владѣніе было или наслѣдственно, или подлежало, по крайней мѣрѣ, обязанности постоянно быть занятымъ крестьяниномъ. Такимъ образомъ, повидимому, изъятыми отъ регулированія остались только владѣнія, сданныя по началамъ простой, неосложненной, срочной свободной аренды. Однако, на самомъ дѣлѣ, практическое значеніе этой внѣшне-глубокой мѣры, было очень не велико. Большинство наслѣдственныхъ ласситовъ уже перешли къ новому положенію по законамъ 1811, 1816 гг.; ненаслѣдственные же, согласно тѣмъ же узаконеніямъ, большею частью исчезли, а ихъ владѣнія давно перешли въ собственность помѣщиковъ. Регулированіе совершается по требованію любой изъ заинтересованныхъ сторонъ; причемъ взвѣшиваются взаимныя права и обязанности, а излишекъ уплачивается крестьяниномъ въ формѣ ренты или земли. $^1/_3$ прежняго участка во всякомъ случаѣ должна оставаться во владѣніи крестьянина. Такимъ же образомъ, подлежатъ выкупу и всѣ реальныя повинности, лежащія на крестьянской землѣ.

3) Но какъ сказано, земель у дворянства было вполнѣ достаточно,— ему гораздо болѣе необходимы были капиталы; отсюда объясняется появленіе новаго учрежденія, — выкупнаго рентнаго банка. Помѣщикъ хотѣлъ теперь уже получать не землю, а деньги. Крестьянинъ вмѣсто земли могъ откупиться или ежегодной рентой или единовременнымъ взносомъ суммы=18 единицамъ ежегодной ренты. На послѣднее у него, конечно, средствъ не хватало, а помѣщики считали себя не достаточно обезпеченными процедурой хлопотливаго взысканія съ крестьянъ. Поэтому обѣ стороны предпочли имѣть дѣло съ банкомъ; помѣщикамъ онъ выдавалъ срочные купоны, а съ крестьянъ онъ получалъ нѣсколько большую сумму,—для ускоренія процесса и облегченія тиражнаго выкупа облигацій.

Эти законы составляютъ предпослѣднюю страницу всей исторіи крестьянскаго дѣла въ Пруссіи. Были еще два закона: декларація 1853 $^{24}/_{V}$, вызванная тѣмъ, что король и духовенство боялись, какъ бы и срочные арендаторы не потребовали регулированія и собственности, и наконецъ, законъ $^{16}/_{III}$ 1857 года, который указываетъ законный срокъ заключенію всей операціи регулированія. Если къ 31 декабря 1858 года не было сдѣлано заявленій, — то право на нихъ считается погашеннымъ.

V.

Изложивъ исторію самой реформы, посмотримъ, какое она имѣла значеніе. Отдѣла же книги Кнаппа, озаглавленнаго «статистика дѣла освобожденія» мы совсѣмъ не будемъ излагать. Цифры, въ ней сообщенныя, неполны, добыты косвенными путями и даютъ чрезвычайно мало новаго, сравнительно съ тѣмъ, что уже извѣстно изъ классическаго труда Мейцена. Чтобы опредѣлить экономическія послѣдствія той реформы, волей неволей приходится обратиться къ отзывамъ о каждой провинціи отдѣльно.

О передней Помераніи мы узнаемъ (Шютцъ), что крестьяне не уменьшили прежняго числа ни рабочихъ, ни скота; но такъ какъ площадь ими эксплуатируемая, уменьшилась, способъ обработки остался старый (трехпольная система, черезполосица), а господской работы уже не приходилось дѣлать, то доходность крестьянскаго землевладѣнія осталась крайне низкой. Не смотря на это, если мы вспомнимъ, что 5,000 бывшихъ доменныхъ крестьянъ уплатили сразу 736,000 талеровъ, ежегодно платили 36,000 тал., и не пользовались поддержкой доменовъ, то мы увидимъ, что, разъ они могли перенести опустошенія войны 1806 года, — ихъ благосостояніе возрасло. Относительно Помераніи анонимный изслѣдователь заявляетъ, что арендная цѣна помѣщичьихъ земель возрасла, а что крестьяне, уступивъ половину своихъ земель, получаютъ прежній доходъ. «Нужно видѣть, съ какой неусыпностью трудятся новые собственники: даже камни съ тощихъ мѣстъ начинаютъ исчезать»! Исчезновеніе барщины тоже оказалось не такъ страшно для помѣщика: «оказывается, что гдѣ прежде на хуторѣ требовалось 32 крестьянскихъ лошади, теперь обходятся десятью; гдѣ прежде нужны были 10,000 рабочихъ дней, тамъ теперь достаточно половины». Въ Бранденбургѣ количество скота уменьшилось и у помѣщиковъ и у крестьянъ; количество быковъ и воловъ съ 128,276 головъ въ 1816 упало до 107,362 въ 1837 году.

И не смотря на это и при уменьшившемся количествѣ скота, всѣ работы исполнялись. Все это сдѣлали бо́льшая интенсивность труда и разсчетливость въ хозяйничаньи.

О провинціи Пруссіи Летте говоритъ, что крестьяне слишкомъ обременены рентой; въ западной Пруссіи передѣлъ полей въ частную собственность еще помогалъ крестьянамъ, но въ восточной черезполосица и обязательность культуры, вызываемая ею, сдѣлали то, что въ неурожайные годы 1819 — 26 крестьяне совсѣмъ не могли платить ренты.

Въ верхней Силезіи помѣщики улучшили свои дѣла раціональнымъ хозяйствомъ (что не мѣшало, конечно, имъ плакаться и просить о кредитѣ изъ 2%), но крестьяне почти совсѣмъ раззорились: еще тѣ, что расплатились землей, «кое-какъ сохранили владѣніе своихъ участковъ»; за то большая часть, расплачивавшаяся рентой, совершенно раззорилась и лишилась вновь созданной закономъ собственности. «Такъ въ округахъ: Рыбникѣ, Люблиничахъ, Разенбергѣ и Тостъ-Глейвицѣ большинство регулированныхъ крестьянъ, вслѣдствіе высоты взятыхъ на себя платежей, на которыхъ быстро накапливались недоимки, потеряли собственность путемъ принудительныхъ продажъ и аукціоновъ».

Вообще техника у крестьянъ повсемѣстно мало развилась: увеличились посѣвы картофеля, а культура пшеницы уменьшилась. Это, конечно, доказываетъ, что прогрессъ въ юридическомъ положеніи населеніемъ въ сущности былъ купленъ цѣной ухудшенія питанія. За то, землевладѣльцы и новая растущая соціальная сила,—буржуазія нашла себѣ дешевыя рабочія руки людей, называющихъ себя землевладѣльцами, а въ сущности нуждающихся все въ большемъ и большемъ подсобномъ трудѣ, который они и находили въ городахъ, въ фабричныхъ округахъ, въ горной промышленности и имѣніяхъ помѣщиковъ.

Но если таково было положеніе урегулированныхъ крестьянъ, то каково же оно было у не подлежавшихъ регулированію земледѣльцевъ, которыхъ реформа и не коснулась? Тутъ нужно отличать участки, не подлежавшіе регуляціи, потому что они не имѣли владѣльца, отъ хотя и обязательно занятыхъ и по закону, но не имѣющихъ права на регулированіе. Что касается до первыхъ, то трудно опредѣлить ихъ количество; по большей части они были просто присоединены къ помѣщичьимъ землямъ. Такъ, наприм., въ одной Помераніи въ 1806—1815 г. $^{1}/_{13}$ часть всѣхъ крестьянскихъ участковъ была присоединена такимъ образомъ. Но этимъ вѣдь процессъ еще не закончился; вѣдь по декларацiи возможно было и дальнѣйшее присвоеніе участковъ, когда они опустѣютъ или въ случаѣ ихъ выморочности, что наступало при смерти *пожизненныхъ* ласситовъ. Положеніе этихъ земледѣльцевъ въ общемъ было таково: наименьшая часть ихъ осталась при старомъ положеніи и могла даже воспользоваться льготами закона 1850 года; это особенно относится къ наслѣдственнымъ ласситамъ. Большая же часть, именно, пожизненныхъ владѣльцевъ къ 50-мъ годамъ до того ухудшила свое положеніе, что законъ уже не могъ имъ помочь; ихъ участки были присоединены къ помѣстью (часто даже не путемъ покупки, а незаконнымъ образомъ), они сами превратились

въ новыхъ краткосрочныхъ вполнѣ свободныхъ арендаторовъ, или даже въ вольнонаемлыхъ поденщиковъ, съ жилищемъ, огородомъ или безъ нихъ. Наконецъ, не надо забывать, что законъ 1857 года не исключалъ возможности и продолженія старыхъ отношеній. Это намъ объясняетъ малочисленность регуляцій, имѣвшихъ мѣсто послѣ законовъ 50 годовъ: болѣе крупные крестьяне землевладѣльцы уже были регулированы, а остальная мелкота не хотѣла регуляціи, такъ какъ вмѣстѣ съ ней теряла лѣсные и выгонные сервитуты, условія, безъ которыхъ она не могла жить.

VI.

«Исторія освобожденія крестьянъ, есть исторія соціальнаго вопроса 18 вѣка; соціальный вопросъ 19 вѣка разсматриваетъ положеніе не столько крестьянъ, сколько рабочихъ, въ частности сельскихъ». Таковы вступительныя слова предисловія Кнаппа. Почему же крестьянскій вопросъ, разрѣшенный такъ, какъ его поставила исторія, повелъ къ новому соціальному вопросу—эмансипаціи рабочихъ,—это отчасти намъ поясняетъ трудъ Кнаппа. Его изслѣдованіе, на ряду съ массой иныхъ работъ (изъ которыхъ назовемъ самую выдающуюся, историческую часть «Капитала» Маркса) вводитъ насъ въ предверіе капитализма, указываетъ намъ на историческія предположенія власти послѣдняго. Капитализмъ, исторически выросшій изъ прогресса производства и соотвѣтствующей послѣдней организаціи силъ промышленныхъ классовъ, не могъ желать и не нуждался въ иной эмансипаціи, чѣмъ какая имѣла мѣсто. Ему нужно было вырвать власть у абсолютизма, дворянства и духовенства; но буржуазія, являясь представительницей только своихъ классовыхъ интересовъ, не могла и не хотѣла дѣятельно защищать и прочно обосновать положеніе остальныхъ соціальныхъ классовъ, къ тому же еще недостаточно организованныхъ. И вотъ она щадитъ своихъ старыхъ враговъ; въ частности она оставляетъ дворянству его землевладѣніе и упрочиваетъ за нимъ возможность имѣть сельскихъ рабочихъ. Несомнѣнно, однако, что при этомъ буржуазія не отказывается отъ права позднѣе съ одной стороны обезземелить и раззорить дворянство, а съ другой эксплуатировать въ свою пользу, такимъ образомъ освобожденную рабочую массу. Эти два процесса и составляютъ два вопроса изъ цѣлаго ряда фигурирующихъ въ 19 вѣкѣ соціальныхъ вопросовъ.

Чтобы иллюстрировать только что сказанное, докончимъ изложеніе книги Кнаппа разсмотрѣніемъ положенія сельскихъ рабочихъ до и

послѣ реформы. Мы уже знаемъ, что въ общемъ реформа привела, съ одной стороны, къ созданію малочисленной крестьянской аристократіи, съ другой—сильно расширила помѣщичье землевладѣніе, превративъ остальную массу населенія въ сельскихъ рабочихъ. Каково же было положеніе послѣднихъ? Въ началѣ статьи мы видѣли, какую пеструю картину представляла прусская деревня, какъ по составу населенія, такъ и по свойствамъ и размѣрамъ его юридически и экономически несходныхъ владѣній; но мы еще не затронули цѣлыхъ двухъ разрядовъ сельскихъ жителей: Insten'овъ, огородниковъ и Häusler'овъ, владѣвшихъ лишь хижиной; это были истинные паріи деревни. Сами крестьяне не считаютъ ихъ своей родней: въ 1815 году на собраніи представителей сословій, крестьяне, правда, стояли за то, чтобы и коссеты воспользовались благами новыхъ порядковъ, но и они находили вполнѣ справедливымъ, чтобы реформа обошла Insten'овъ и Häusler'овъ. О правительствѣ же и дворянствѣ въ этомъ отношеніи излишне упоминать: мы видѣли, что чуть ли не во все время реформы общественное вниманіе было направлено не на охрану крестьянъ, какъ лицъ, а на защиту крестьянскаго землевладѣнія и крестьянскаго сословія; правители дѣйствовали подъ вліяніемъ мотивовъ не индивидуально-гуманнаго свойства, а соціально-политическаго характера. Поэтому охранять рабочихъ никто и не думалъ, наоборотъ, необходимо было ихъ сохранить: не только помѣщики, но и крестьянская аристократія нуждалась въ сельскихъ рабочихъ; еще въ дни крѣпостничества богатые крестьяне не лично справляли барщину у помѣщиковъ, а посылали вмѣсто себя этихъ батраковъ. Но въ строѣ натуральныхъ отношеній эти послѣдніе, конечно, не могли набираться изъ арміи бездомныхъ пролетаріевъ, двигающихся, куда ихъ зоветъ спросъ рынка; ихъ жизнь также складывалась подъ вліяніемъ тѣхъ же несвободныхъ, натуральныхъ отношеній. Имѣя жилище и земли одинъ или два моргена, они могли содержать на нихъ развѣ корову, или развесть огородъ, весь же ихъ доходъ зависѣлъ отъ наемнаго труда у помѣщика и крестьянъ. Именно поэтому при крѣпостномъ правѣ имъ еще жилось сноснѣе, такъ какъ они могли послать свою корову на общественный выгонъ; но когда вслѣдъ за реформой начался процессъ раздѣленія и обособленія земельной собственности, ихъ положеніе сразу ухудшилось, — въ передѣлѣ они, конечно, не участвовали. Несомнѣнно, что помѣщики послѣ реформы, завладѣвшіе такой массой земли, что они ее и эксплоатировать не могли, легко могли бы снабдить этихъ батраковъ землей въ достаточномъ количествѣ, но они этого не желали. «Каждому рабочему семейству наде

отвесть одинъ моргенъ сада», потому что «болѣе земли эти люди не должны имѣть, иначе они захотятъ жить съ земли, а не трудомъ», потому что «имѣть охочихъ, трудолюбивыхъ и дешевыхъ рабочихъ, исключительно зависитъ отъ того, поставлены ли они въ безусловное подчиненіе помѣщику». И вотъ ради этой-то зависимости они желали продолжать пользоваться рабочимъ отношеніемъ въ его натуральной формѣ. Они давали рабочему клочекъ земли, домъ, кое-какіе припасы натурой, а его со всей семьей обязывали работать у себя. Нѣкоторые современники, нечаянно проговариваясь, въ сущности говорятъ истину, называя работу Insten'овъ и Häusler'овъ «барщиной», что юридически, конечно, неправильно. Insten, наприм., не былъ крѣпокъ землѣ, онъ могъ свободно передвигаться, хотя его вездѣ встрѣчали тѣ же условія. Однако, какъ правительство, помѣщики и крестьянская аристократія ни желали увѣковѣчить это учрежденіе сельскихъ паріевъ, это отношеніе не могло продержаться долго послѣ реформы. Прежде всего, какъ сказано уже, положеніе батраковъ ухудшилось послѣ раздѣленія общественныхъ земель. Прежде они тутъ держали корову, овецъ; поэтому у нихъ были домотканныя платья, свое молоко, перепадало иногда и некупленое мясо; теперь все это изчезло; кромѣ того, съ прекращеніемъ всякихъ лѣсныхъ сервитутовъ, они лишились дароваго топлива, и добывать дрова теперь приходилось путемъ воровства. Результаты не замедлили сказаться. Въ невозможныхъ помѣщеніяхъ, при ужасномъ питаніи, безъ всякой надежды улучшить свое положеніе, батраки, по общему сознанію, являются крайне непроизводительными рабочими; они рано женятся, сильно плодятся, тупы и лишены всякой инициативы. Наблюдатели ихъ жизни не разъ отмѣчали отличающую ихъ небрежность и нерасчетливость въ потребленіи; они предаются пьянству, даютъ высокій коэфиціентъ преступности и ложатся тѣмъ болѣе тяжелымъ бременемъ на населеніе, которое обязано ихъ призрѣвать, что старика-батрака держать не захочетъ ни одинъ помѣщикъ, а вѣдь прогнать его—это право каждаго хозяина. Извѣстный аграръ-политикъ фонъ-деръ Гольцъ утверждаетъ даже, что Insten'ы и Häusler'ы представляютъ какъ бы особую низшую, выродившуюся расу. Положеніе ихъ начинаетъ поэтому внушать общія опасенія. Правда, они тупо спокойны, но какъ только было дано во вновь созданной германской имперіи право свободнаго передвиженія, они вереницами потянулись въ города и въ фабричные округа, а кто могъ—эмигрировалъ въ Соединенные Штаты. Такимъ образомъ соціальный вопросъ 18 вѣка смѣнился соціальнымъ вопросомъ 19-го.

Максимъ Гофманъ.

ХРОНИКА УГОЛОВНАГО СУДА.

Какъ развивается преступность иногда

(дѣло Eyraud—Bompard).

Вечеромъ 29 іюля 1889 года къ одному изъ полицейскихъ коммиссаровъ города Парижа явились два лица и заявили ему объ исчезновеніи вечеромъ 26 числа богатаго стряпчаго Gouffé. Началось дознаніе, а потомъ и слѣдствіе. И вотъ, близъ Ліона, 13 августа, былъ найденъ вполнѣ разложившійся трупъ мужчины, а 15 и разломанный сундукъ, въ которомъ привезенъ послѣдній.

При помощи различныхъ примѣтъ и указаній было дознано, что этотъ сундукъ 27 іюля былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ изъ Парижа въ Ліонъ, что находившійся въ немъ трупъ, есть трупъ исчезнувшаго Gouffé, и что самый сундукъ былъ сдѣланъ въ Лондонѣ и проданъ нѣкоему Eyraud, человѣку очень дурной репутаціи и лишенному всякихъ средствъ, и его молоденькой любовницѣ Gabrielle Bompard, за которой давно вдовѣвшій Gouffé, человѣкъ весьма распущенный въ отношеніи женщинъ, какъ оказалось, очень ухаживалъ.

Тогда былъ отданъ приказъ объ арестѣ Bompard и Eyraud, но они успѣли скрыться и долгое время не могли быть розысканы ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ.

Вдругъ совершенно неожиданно 26 января 1890 г. сама Gabrielle Bompard явилась къ префекту Парижа въ сопровожденіи нѣкоего г. Garanger и сдѣлала разоблаченія совершоннаго убійства, а впослѣдствіи старательно помогала своими указаніями и возстановленію слѣдовъ преступленія. По ея словамъ, она была только подневольной его зрительницею и потомъ, переодѣтая въ мужской костюмъ, бѣжала съ Eyraud въ Америку, гдѣ они нѣкоторое время скитались изъ города въ городъ и терпѣли большія лишенія, потому что Eyraud не удалось ограбить Gouffé. Здѣсь же они встрѣтились съ Garanger, человѣкомъ весьма обезпеченнымъ, котораго

Eyraud намѣтилъ въ качествѣ жертвы для поживы. Но и это не удалось: Bompard сошлась съ Garanger, сдѣлалась его любовницей и бѣжала съ нимъ въ Парижъ, гдѣ и явилась въ префектуру полиціи.

Наконецъ, былъ найденъ Eyraud. Арестованный въ Гаваннѣ, онъ 30 іюня 1890 г. былъ также доставленъ въ Парижъ. Послѣ побѣга Bompard, онъ бродилъ изъ города въ городъ, мѣнялъ имена, жилъ мошенничествами и предавался разврату.

Въ общемъ, Eyraud и Bompard дали сходныя объясненія о событіи убійства, съ тою лишь разницею, что каждый изъ нихъ старался умалить свою роль и усилить значеніе роли другаго.

Изъ ихъ разсказовъ и изъ прочихъ собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ выяснилось, что находясь въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, они рѣшили заманить какого нибудь богатаго человѣка, пустить въ дѣло шантажъ, вынудить у заманеннаго подписаніе денежнаго обязательства и затѣмъ отдѣлаться отъ него убійствомъ. Для осуществленія этого плана Bompard предлагала нѣсколько лицъ. Не остановившись еще ни на одномъ, Eyraud и Bompard уже приступили къ подготовленіямъ къ убійству и сокрытію будущаго трупа.

Въ первыхъ числахъ іюля Bompard наняла нужное помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ съ тою цѣлью, чтобы шумъ возможной борьбы и паденія не могъ быть услышанъ нижними жильцами. Въ Лондонѣ, куда Eyraud долженъ былъ укрыться, спасаясь отъ обвиненія въ мошенничествѣ, они вмѣстѣ купили большой сундукъ, крѣпкій шелковый снурокъ, веревки, блоки и крючки для устройства висѣлицы. Послѣ возвращенія въ Парижъ, они пріобрѣли полотно, изъ котораго Bompard изготовила мѣшекъ для помѣщенія трупа.

Наконецъ и выборъ былъ фиксированъ. Онъ остановился на Gouffé, съ которымъ Eyraud былъ раньше знакомъ и который ухаживалъ за Bompard. Разговоръ, веденный Eyraud наканунѣ убійства съ другомъ Gouffé, рѣшилъ судьбу послѣдняго. Изъ него онъ узналъ, что Gouffé довольно богатъ.

Утромъ 26 числа, пришедшагося на пятницу—день недѣли, который Gouffé обыкновенно посвящалъ, втихомолку отъ своихъ дочерей, своимъ многочисленнымъ любовнымъ похожденіямъ, Bompard дождалась его на дорогѣ въ его бюро и вечеромъ того же дня назначила ему свиданіе. Вмѣстѣ съ Eyraud она занялась потомъ устройствомъ въ нанятой квартирѣ хорошо скрытой висѣлицы и всѣми послѣдними приготовленіями. Покончивъ съ ними, они пошли обѣдать, пили за обѣдомъ шампанское и, по показанію мальчика ресторана, были очень веселы. Послѣ обѣда Eyraud одинъ вернулся на квартиру, спрятался въ альковѣ, куда къ нему проходилъ одинъ изъ концевъ изготовленной висѣлицы и сталъ поджидать. Bompard не замедлила приходомъ и привела съ собой Gouffé. Послѣдній, вслѣдствіе намѣреннаго расположенія мебели въ комнатѣ, долженъ былъ сѣсть на канапе близъ самаго алькова. На колѣни къ нему

помѣстилась Bompard и, ласкаясь и играючи, надѣла ему петлю на шею, сдѣланную изъ пояса ея пеньюара и затѣмъ незамѣтно накинула одинъ ея конецъ сзади головы Gouffé на крючекъ изготовленной скрытой висѣлицы, а сама сошла съ колѣнъ. По данному знаку Eyraud потянулъ веревку, по блокамъ поднялъ Gouffé со стула и вздернулъ его на воздухъ. Такъ разсказывалъ Eyraud, но Bompard, напротивъ, утверждала, что она была лишь невольной зрительницей и что Eyraud руками задушилъ Gouffé.

Послѣ задушенія, Eyraud и Bompard обыскали задушеннаго и первый изъ нихъ съ найденными у трупа ключами отправился въ контору Gouffé, желая воспользоваться находившимися въ ней деньгами. Но онъ, повидимому, былъ въ большомъ волненіи, и предпріятіе ему не удалось. Денегъ, которыя находились въ конторѣ, онъ не нашелъ и вернулся ни съ чѣмъ. Послѣ того сообщники раздѣли покойника, взяли находившуюся при немъ небольшую сумму денегъ, всѣ золотыя вещи и затѣмъ уложили его въ мѣшокъ и ящикъ, при чемъ Bompard, по словамъ Eyraud, смѣялась надъ одной особенностью трупа. Покончивъ работу, Eyraud ушелъ ночевать къ себѣ на квартиру, а Bompard осталась одна въ непріятномъ сосѣдствѣ.

На слѣдующее утро Eyraud взялъ у жены чуть не послѣдніе 500 фр., подъ предлогомъ дѣловой поѣздки, потомъ побывалъ у домовладѣльца съ цѣлью выторговать въ цѣнѣ за нанятое помѣщеніе — мѣсто кровавой драмы, и затѣмъ, вмѣстѣ съ Bompard, уѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Ліонъ, гдѣ и отдѣлался отъ своего непріятнаго спутника—трупа Gouffé.

Изъ Ліона они проѣхали въ Марсель, гдѣ пожили нѣкоторое время, а потомъ вернулись въ Парижъ, когда вѣсть о находкѣ распространилась въ газетахъ. Въ Парижѣ Bompard побывала на мѣстѣ убійства и вытребовала забытую тамъ шляпу Eyraud и, наконецъ, уѣхала съ нимъ въ Лондонъ, а оттуда въ Америку.

Такъ свершилось убійство. Присмотримся теперь поближе къ особенностямъ дѣятелей преступленія и къ причинамъ ихъ породившимъ. Только онѣ съ общественной точки зрѣнія и интересны для насъ во всемъ этомъ кровавомъ дѣлѣ, которое само по себѣ не представляетъ ничего особенно выдающагося въ анналахъ суда.

Едва ли ошибусь, если скажу, что занимающіе насъ герои преступленія, повидимому, въ значительной мѣрѣ суть продукты жизни большаго, блестящаго города съ ея удобствами, роскошью и страстнымъ стремленіемъ къ постоянымъ наслажденіямъ. Они—продукты широко развитаго въ наше время культа тѣла и всѣхъ его чувственныхъ влеченій. Въ современной Франціи, въ средѣ ея многочисленной, богатой и утонченной буржуазіи, и въ средѣ всего подражающаго и тянущагося за ней культъ тѣла развитъ въ значительной степени. Большая неравномѣрность распредѣленія, сосредоточеніе богатствъ въ рукахъ сравнительно немногихъ и удивительное развитіе техники и вкуса даютъ въ руки баловней судьбы, задающихъ тонъ, громадныя средства для беззаботной и пріятной жизни среди неслыхан-

наго прежде комфорта, нѣги и удовольствій, дѣлающихъ изъ существованія человѣка, по скольку оно зависитъ отъ условій его внѣшней обстановки, постоянный праздникъ. Послѣдній, дѣйствуя длительно, постепенно вырабатываетъ и особые типы. Усиленно раздражая своими манящими и сильными возбудителями основу психическаго существа человѣка—его чувствительность, и тѣмъ переутомляя и истощая ее, эта жизнь создаетъ и вырабатываетъ черство-эгоистичные, чуждые глубокихъ чувствъ и нерѣдко анормальные характеры и типы, лишенные стойкости передъ непріятностями и страданіемъ, а потому и не способные къ упорной борьбѣ за сколько нибудь возвышенные и безкорыстные идеалы и принципы.

Люди этого типа—рабы своихъ обыкновенно сильно развитыхъ чувственныхъ влеченій, которыя могутъ быть различны и которыя направляютъ ихъ мысли, руководятъ ихъ отношеніями и опредѣляютъ ихъ дѣятельность. Они сравнительно хороши и безопасны для другихъ только до тѣхъ поръ, пока достаточно хороши условія ихъ существованія, и пока ихъ чувственныя влеченія удовлетворены и удовлетворяются. Задержки въ удовлетвореніи, напротивъ, легко нарушаютъ ихъ внутреннее равновѣсіе и заставляютъ въ нихъ властно звучать ихъ неудовлетворенныя чувственныя влеченія. Послѣднія въ такихъ случаяхъ легко всколыхиваютъ ихъ неустойчивое нравственное существо, легко достигаютъ степени страсти, болѣе или менѣе полно подавляютъ всѣ противоположныя чувствованія, почти безраздѣльно овладѣваютъ вниманіемъ и мышленіемъ, вытѣсняютъ контрастирующія представленія, подавляютъ силу сопротивленія и временно болѣе или менѣе какъ бы перерождаютъ человѣка, который тогда слѣпо жаждетъ ихъ удовлетворенія.

Къ такому именно типу людей, повидимому, въ значительной мѣрѣ принадлежали Eyraud и Bompard. Послѣдняя на ряду съ указанными болѣе общими чертами представляла и черты особенныя, съ которыми мы познакомимся въ дальнѣйшемъ ходѣ изложенія. Теперь же начнемъ съ Eyraud.

Eyraud по рожденію принадлежалъ къ весьма достаточной буржуазной семьѣ. Онъ былъ сынъ негоціанта, получилъ весьма порядочное образованіе и развитіе и владѣлъ нѣсколькими языками. Съ раннихъ поръ и даже еще въ школѣ онъ отличался дурнымъ и распущеннымъ поведеніемъ. Свидѣтели характеризовали его человѣкомъ неровнымъ и буйнымъ, приходившимъ въ ярость отъ мелочей. Они говорили о его недобросовѣстности и сильной склонности къ кутежамъ и въ особенности къ женщинамъ. Влеченіе къ послѣднимъ всегда властно господствовало надъ нимъ и неудержимо влекло его по пути разврата и сладострастія.

Въ какой мѣрѣ указанныя особенности характера обусловливались наслѣдственной передачей и въ какой онѣ развились подъ вліяніемъ воспитанія—опредѣлять не берусь, потому что во всѣхъ имѣющихся у меня документахъ о наслѣдственномъ и личномъ прошломъ Eyraud находится

очень мало свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе я твердо убѣжденъ, что на-ряду съ дурнымъ воспитаніемъ и неблагопріятными условіями прошлой жизни, *если таковыя имѣли мѣсто*, наслѣдственная передача основныхъ особенностей характера и особенно усиленнаго влеченія къ женщинамъ и разврату во всякомъ случаѣ должна была играть чрезвычайно важную роль. Подобныя натуры не создаются исключительно дурнымъ воспитаніемъ безъ наслѣдственно подготовленной почвы. Впрочемъ, я не буду настаивать на этомъ и ограничусь сдѣланнымъ замѣчаніемъ.

Въ 1863 году Eyraud принималъ участіе въ мексиканской экспедиціи, но дезертировалъ по причинѣ какого-то увлеченія женщиной. Послѣ того онъ побывалъ въ Буэносъ-Айресѣ, пріобрѣлъ тамъ какую-то крупную концессію, но потерпѣлъ съ нею полное крушеніе. Впослѣдствіи онъ женился, получилъ 40 т. приданаго и отправился въ Америку представителемъ одного англійскаго торговаго дома. Тамъ онъ велъ крупное дѣло, но разошелся съ патронами, имѣлъ судебный процессъ и оставилъ по себѣ весьма дурную репутацію. Послѣ того онъ завелъ дистилляціонное дѣло въ Севрѣ, но его кутежи и развратное поведеніе, требовавшіе денегъ, сравнительно скоро привели его къ банкротству съ пассивомъ въ 450,000 фр., послѣ котораго онъ снова хотѣлъ было завести дѣло съ Америкой, но неудачно. Доведенный до крайности, онъ попытался обобрать свою мать и, встрѣтивъ сопротивленіе съ ея стороны, кажется, грозилъ ей убійствомъ. Даже по словамъ его защитника, Eyraud имѣлъ воображеніе бродяги, рѣшительно не обладалъ устойчивостью, страдалъ отсутствіемъ уваженія къ себѣ и другимъ и находился постоянно подъ господствомъ страсти къ женщинамъ, которой противостоять онъ рѣшительно не могъ.

Такова нравственная фигура Eyraud, какъ она обрисована судебнымъ слѣдствіемъ. Очевидно, что передъ нами распущенная натура съ грубыми и чрезвычайно сильными чувственными влеченіями, которыя властно господствуютъ надъ ней, безконтрольно управляютъ ея поведеніемъ и препятствуютъ ей подчиняться требованіямъ долга и общепризнанныхъ правилъ нравственности. Ни обязанности по отношенію къ своей семьѣ, о которой онъ глубоко и горько сокрушался, будучи уже въ тюрьмѣ, ни стремленіе сохранить разъ занятое выгодное положеніе, ни соображенія требованій собственной пользы и предвѣдѣніе будущихъ непріятныхъ и тяжелыхъ послѣдствій—ничто не могло сдержать напора чувственныхъ влеченій Eyraud, у котораго существовали бурные порывы, часто заставлявшіе его страстно стремиться къ достиженію цѣлей, порождаемыхъ его властными аппетитами; но ему рѣшительно не доставало достаточно развитой распорядительной и задерживающей силы, которая только и дѣлаетъ человѣка хозяиномъ собственныхъ дѣйствій.

Eyraud вовсе не принадлежалъ къ числу людей, отъ рожденія обездоленныхъ судьбой, которыхъ съ раннихъ поръ уже гнетутъ обстоятельства. Напротивъ, по своему начальному положенію, онъ былъ человѣкъ довольно благопріятствуемый ею, и ему оставалось лишь сохранять и прі-

умножать уже имѣющееся и данное. Порочныя особенности его инстинктивной природы, однако, препятствовали ему идти по прямому пути и легко увлекали его, какъ обыкновенно вѣтеръ увлекаетъ пыль, на путь удовлетворенія его властныхъ аппетитовъ, который грозилъ ему самыми дурными слѣдствіями. Особенно сильно, повидимому, звучали въ немъ тоны грубой половой страсти, которая и приводила его, женатаго и семейнаго человѣка, въ столкновенія все съ новыми и новыми женщинами. Эту черту натуры Eyraud намъ необходимо особенно отмѣтить. Раздражительное половое чувство въ нѣкоторыхъ своихъ низшихъ и грубыхъ тонахъ служитъ основаніемъ—такъ учитъ опытъ — самыхъ ужасныхъ нравственныхъ извращеній и дефектовъ и въ томъ числѣ самой отталкивающей жестокости и кровожадности, а потому и склонности дѣйствовать, при наличности извѣстныхъ условій, пролитіемъ крови и убійствомъ. Одинъ изъ довольно интересныхъ случаевъ этого рода былъ, между прочимъ, описанъ и демонстрированъ Magnan'омъ. Это случай 12-лѣтней дѣвочки, имѣвшей весьма отягощенную наслѣдственность. На-ряду съ чрезвычайно рано начавшимися занятіями онанизмомъ, у нее развились и значительныя нравственныя извращенія, дѣлавшія ее язвою для окружающихъ, а потомъ появилась мысль и влеченіе къ убійству. У Eyraud мы также наблюдаемъ черты жестокости въ характерѣ и нѣкоторую наклонность при случаѣ дѣйствовать убійствомъ, которая, повидимому, проявилась уже въ его столкновеніи съ матерью и, можетъ быть, въ его послѣдующихъ отношеніяхъ къ Garanger, но вполнѣ несомнѣнно и ясно обнаружилась въ заранѣе обдуманномъ и разсчетливо выполненномъ убійствѣ Gouffé.

Перейдемъ теперь къ болѣе интересной для насъ личности—къ героинѣ преступленія, Gabrielle Bompard.

Послѣ своего банкротства и неудачной попытки снова завести дѣло съ Америкой, Eyraud вступилъ въ компанію съ однимъ коммиссіонеромъ—Fribourg, котораго онъ также довелъ до банкротства. Въ это же время, а именно въ 1888 г., онъ впервые познакомился съ Gabrielle Bompard. По ея словамъ, она узнала его, отыскивая занятія въ фирмѣ Fribourg, которой завѣдовалъ Eyraud, а, по его разсказамъ, она привязалась къ нему на улицѣ, будучи проституткой. На какъ бы тамъ ни было, а Eyraud и Bompard познакомились, и послѣдняя не медля же стала любовницей перваго.

Bompard вышла изъ очень достаточной и даже богатой семьи. О ея наслѣдственномъ прошломъ намъ извѣстно весьма немногое. Съ отцовской стороны у нея былъ дядя, отличавшійся странностями характера и другой дядя съ материнской стороны, страдавшій душевной болѣзнію при концѣ своей жизни. Ея мать умерла отъ острой легочной болѣзни. Она была женщина слабой организаціи, нѣсколько апатичная, но подъ часъ и чрезмѣрно раздражительная. Изъ пяти человѣкъ ея дѣтей трое умерли или при рожденіи, или въ первые мѣсяцы ихъ жизни, что, повидимому,

указываетъ на переданную имъ отъ матери органическую слабость и неустойчивость.

Отецъ Bompard—человѣкъ крѣпкаго здоровья. Онъ отличается, повидимому, довольно свободными нравами, и такой же распущенностью, какой отмѣчена и дочь, у которой она проявилась, какъ увидимъ далѣе, въ рѣзкихъ и извращенныхъ формахъ.

Вотъ и всѣ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о наслѣдственномъ прошломъ Bompard. Свѣдѣнія эти, очевидно, недостаточны для какихъ либо твердыхъ заключеній. Все, что можно сказать на основаніи ихъ,—что наслѣдственность Bompard сомнительна. Самыя важныя указанія—это установленная органическая слабость матери, которая должна была неблагопріятно отразиться на качествѣ потомства, явленія душевнаго разстройства въ ея семьѣ и половая распущенность отца, если бы послѣдняя была вполнѣ констатирована.

Сама Gabrielle Bompard, дѣвушка съ очень миловидной и интеллигентной физіономіей, чрезвычайно подвижными чертами лица и весьма своеобразнымъ взглядомъ, по временамъ очень живымъ, *а по временамъ пристальнымъ и жесткимъ.* Въ раннемъ дѣтствѣ она страдала конвульсіями, которыя не остались изолированнымъ эпизодомъ дѣтства и впослѣдствіи дали мѣсто истеріи, хотя и безъ такъ называемыхъ большихъ аттакъ.

Послѣднее обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе при оцѣнкѣ психической личности Bompard. Истерія, вслѣдствіе органическихъ особенностей, лежащихъ въ ея основѣ, въ корень разстраиваетъ различныя чувствительности организма—эту, какъ увидимъ далѣе, основу психической личности человѣка. Чувствительность вообще и различныя чувствованія въ частности, благодаря вліянію судорожнаго невроза, отличаются у истериковъ чрезвычайной подвижностью, бѣглостью, неустойчивостью, рѣзкими колебаніями и извращеніями. Отдѣльныя чувствованія, входящія въ составъ ихъ самочувствія, по временамъ у нихъ совсѣмъ выпадаютъ и потому перестаютъ оказывать вліяніе на окраску ихъ душевной жизни. По временамъ, напротивъ, отдѣльные органы становятся чрезмѣрно впечатлительны, и идущія отъ нихъ въ сознаніе чувствованія проходятъ въ различные періоды чрезъ всѣ степени повышенія, вплоть до крайнихъ предѣловъ раздражительности и даже извращенія, которыя дѣлаютъ ихъ какъ бы *качественно* отличными чувствованіями. И *у различныхъ истериковъ* такія рѣзкія колебанія и измѣненія могутъ и дѣйствительно имѣютъ мѣсто въ сферѣ всѣхъ чувствованій и чувствъ.

Не трудно понять, какое вліяніе должна оказывать такая особенность или, правильнѣе, *порча* организаціи на строй психической личности. Вслѣдствіе ея эта личность становится крайне неустойчивой, измѣнчивой и по временамъ даже какъ бы перерождается. Не возможно и преувеличить значеніе этой особенности. Крайне благожелательный сегодня истерикъ, доходящій въ своей благожелательности до чрезмѣрной чувствительности,

на завтра становится вполнѣ безчувственнымъ и черствымъ человѣкомъ. Сегодняшняя строгихъ нравовъ женщина, на завтра, какъ учитъ опытъ, неожиданно можетъ стать распущенной личностью и т. д. Глубина и постоянство чувствъ чужды истерикамъ. Поэтому несвойственна имъ и учтойчивость строя мышленія; болѣе же всего, можетъ быть, имъ не достаетъ устойчивой и властной воли. Они дѣйствуютъ преимущественно подъ вліяніемъ ихъ затронутыхъ слѣпыхъ инстинктовъ, конечно, различныхъ по разнымъ личностямъ, и легко подчиняются измѣнчивымъ воздѣйствіямъ минуты. Внѣшнія впечатлѣнія и обстановка, сильно колеблющія ихъ чувствительность, властвуютъ надъ ними и они сравнительно легко могутъ подпадать подъ вліяніе болѣе устойчивыхъ характеровъ.

Таковы общія особенности истериковъ, какъ таковыхъ. Но кромѣ нихъ Gabrielle Bompard, какъ и всякая другая истеричная, представляла и особенности индивидуальныя, которыя обыкновенно и придаютъ различнымъ истерикамъ ихъ особыя индивидуальныя физіогноміи. Ея главная индивидуальная особенность—уклоненія въ сферѣ половаго чувства, которое, какъ я уже замѣтилъ выше, оказываетъ столь значительное вліяніе на нравственную сторону человѣка и на различныя извращенія послѣдней. У Gabrielle Bompard съ 8 лѣтъ появились уже и вслѣдъ за тѣмъ правильно установились менструаціи, во время которыхъ ея нервность обыкновенно обострялась. Это органическое явленіе необходимо должно было оказать глубокое вліяніе на сферу ея чувствъ. Въ этотъ періодъ уже этой своей стороной она перестала быть ребенкомъ и стала дѣвушкой. И въ этотъ періодъ же, какъ указываютъ эксперты, въ ней зазвучали соотвѣтствующіе инстинкты и при томъ при наличности значительной задержки въ общемъ ходѣ физическаго развитія, благодаря которой она казалась въ моментъ процесса 13 или 14-лѣтнимъ мальчикомъ съ неразвитой грудью. Такое ненормально раннее вторженіе въ самочувствіе и настроеніе ребенка половыхъ чувствованій и при томъ чувствованій, подъ вліяніемъ истеріи, рѣзко колеблющихся отъ большей или меньшей притупленности до чрезмѣрной раздражительности, должно было оказать могущественное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ развитія характера, потому что *особенностями настроенія ребенка и опредѣляется степень его воспріимчивости и внимательности къ различнымъ видамъ впечатлѣній и воздѣйствій, изъ которыхъ собственно и слагается его воспитаніе*. На послѣднее я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе для лучшаго уясненія послѣдующаго.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ приведенными данными, мы узнаемъ далѣе, что отецъ Bompard находилъ всегда, что у его дочери «мозгъ поврежденный». Предавалась ли Gabrielle съ раннихъ поръ и предавалась ли она вообще онанизму—объ этомъ мы *опредѣленно* не знаемъ, хотя развитіе усиленнаго влеченія къ нему у подобныхъ дѣтей весьма вѣроятно. Изъ собранныхъ свѣдѣній о прошломъ Bompard мы узнаемъ также, что еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ она—какъ это можно предвидѣть

и напередъ—отличалась характеромъ, который обыкновенно называютъ труднымъ. Про нее разсказываютъ, что она была порочна, чрезвычайно наклонна ко лжи и, вѣроятно, вслѣдствіе особенностей своего ранняго развитія, только и думала, что о нарядахъ и мужчинахъ. Рано потерявъ мать, она воспитывалась съ 8 лѣтъ и до 12 у своей тетки, а потомъ была помѣщена отцемъ на воспитаніе въ одинъ монастырь. Въ немъ она пробыла только одинъ годъ, потому что настоятельница отказалась держать ее далѣе, вслѣдствіе ея дурнаго поведенія и непристойныхъ выходокъ. Она была крайне неприлична въ своихъ разговорахъ и манерахъ и обвиняла настоятельницу, духовника и сестеръ въ такихъ вещахъ, что монахини съ изумленіемъ спрашивали себя, какъ могла голова 12 лѣтней дѣвочки придумать, а ея уста выговорить «такіе ужасы». Она всегда сѣяла злобную ложь и вѣроломныя инсинуаціи, которыя повсюду порождали непріятности и безпокойства.

Послѣ выхода изъ монастыря Bompard была помѣщена сначала къ одной воспитательницѣ въ Лиллѣ, которая, продержавъ ее не болѣе полугода, отказалась, а потомъ—въ воспитательное учрежденіе одного религіознаго ордена. Но и здѣсь она пробыла не болѣе полугода и, вслѣдствіе ея дурнаго характера и непристойныхъ поступковъ и предложеній, также была удалена. Тогда ее никто не хотѣлъ взять и она была помѣщена въ монастырь Bon Pasteur въ Аррасѣ. Здѣсь она пробыла три года и о своемъ пребываніи сохранила самыя печальныя воспоминанія.

Восемнадцати лѣтъ Gabrielle Bompard вышла изъ монастыря и вернулась въ отцовскій домъ. Въ это время ея отецъ сожительствовалъ съ жившей въ его домѣ гувернанткой, къ которой Gabrielle чувствовала сначала симпатію, но узнавъ о ея связи съ отцомъ стала питать къ ней ненависть. О жизни Gabrielle въ семьѣ мы знаемъ не много. Знаемъ, что гувернантка оказывала на нее дурное вліяніе и потворствовала всѣмъ ея довольно многочисленнымъ похожденіямъ съ молодыми людьми. Отецъ, который, кажется, никогда не заботился о ней, жаловался на дурное поведеніе дочери, на ея гордость, безмѣрное честолюбіе, на ея ненависть къ семьѣ, на ея необузданную склонность къ нарядамъ и ея распущенность, на ея вызывающія манеры на улицахъ, вызывающее обращеніе со всѣми мужчинами и на выражаемое ею желаніе оставить отцовскій домъ, чтобы жить съ любовникомъ и т. д. Онъ даже просилъ своего постояннаго врача, д-ра Sacreste, попытаться повліять на дочь гипнотическими внушеніями. Послѣдній исполнилъ просьбу, но всѣ его попытки въ этомъ направленіи оказались безуспѣшны. По мнѣнію д-ра Sacreste, Gabrielle была невропатка, не нашедшая въ своей семьѣ примѣровъ и совѣтовъ, которые могли бы оказать на нее счастливое вліяніе и измѣнить ея дурные инстинкты.

Живя въ домѣ отца, Gabrielle познакомилась съ сыномъ одного негоціанта, который, между прочимъ, занимался съ нею и гипнотизмомъ. Они вскорѣ вступили въ связь, послѣ чего Bompard хотѣла поселиться вмѣстѣ

съ своимъ возлюбленнымъ, но онъ отъ этого отказался и порвалъ отношенія черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ ихъ начала. За это время Gabrielle дала почувствовать своему возлюбленному всѣ дурныя и тяжелыя стороны своего характера, какъ это видно изъ ея собственныхъ писемъ. Въ нихъ она сама признаетъ, что была дурна и зла въ своихъ отношеніяхъ къ нему и сожалѣетъ о своихъ ошибкахъ и причиненныхъ ему непріятностяхъ. Съ другой стороны въ письмѣ молодого человѣка, писанномъ немедля послѣ начала его любовныхъ отношеній съ Bompard, встрѣчается слѣдующее многоговорящее мѣсто: «нельзя не сознаться, что вы имѣете склонность къ интригамъ; вслѣдствіе вашего темперамента вамъ пріятно находиться въ ихъ лабиринтѣ. Берегитесь! потому что вы часто и очень часто будете сами жертвою этого влеченія».

Происшедшій разрывъ, повидимому, тяжело повліялъ на Gabrielle Bompard и она рѣшилась скрыться въ Парижъ. Въ Парижѣ въ теченіе первыхъ же дней ея пребыванія она познакомилась съ Eyraud и тотчасъ стала его любовницей, конечно, вовсе не любя его и, по ея словамъ, даже чувствуя къ нему отвращеніе. «Я не могу отдать себѣ отчета въ томъ чувствѣ, которое мнѣ внушаетъ Eyraud», говоритъ она, «это страхъ — вотъ и все». Такой быстрый и легкій переходъ изъ объятій человѣка, къ которому она чувствовала симпатію и влеченіе, въ объятія только что встрѣтившагося и несимпатичнаго ей Eyraud представляетъ весьма большой интересъ при оцѣнкѣ личности Gabrielle Bompard. Конечно, дурныя обстоятельства и нужда отчасти могли способствовать ему, но во всякомъ случаѣ необходима была наличность и соотвѣтствующихъ особенностей натуры.

Очутившись въ блестящемъ Парижѣ и сойдясь съ Eyraud, Gabrielle Bompard попала въ очень неблагопріятную среду,—въ міръ парижскаго разврата, въ общество различныхъ темныхъ людей, макро и альфонсовъ. Шумъ, блескъ и разгулъ богатаго всемірнаго города, къ которому стремятся со всѣхъ сторонъ Франціи и со всѣхъ концовъ міра, не могли могущественно не повліять на далеко не неопытную и вмѣстѣ съ тѣмъ неустойчивую, чрезвычайно впечатлительную и подчиняющуюся вліяніямъ окружающей среды Gabrielle Bompard. Она легко увлеклась теченіемъ и ея дурныя наклонности, ярко проявлявшіяся и ранѣе, а теперь ничѣмъ не стѣсняемыя, получили сильный толчекъ къ своему дальнѣйшему развитію и она стала скандализировать своимъ поведеніемъ даже очень бывалыхъ людей. Слабовольная, она легко подчинилась Eyraud и при томъ подчинилась тѣмъ болѣе, что это подчиненіе нисколько не шло въ разрѣзъ, а, напротивъ, вполнѣ гармонировало съ дурными особенностями ея существа.

Иногда Eyraud билъ ее, когда въ немъ разгоралась ревность, но въ то же время онъ предоставлялъ полный просторъ ея извращеннымъ влеченіямъ. По отношенію къ ней онъ испытывалъ очень сильную и бурную привязанность, которая легко возбуждается у пожилыхъ и грубо чувствен-

ныхъ людей, какимъ былъ Eyraud, женщинами, подобными Bompard. Eyraud не дорожилъ ея нравственной и тѣлесной чистотой и, повидимому, спокойно относился къ тому, что она попадала въ объятія другихъ. Ему нужно было только, чтобы она была около него и удовлетворяла его грубо-чувственныя влеченія. Не мудрено, поэтому, что, сожительствуя въ Парижѣ съ Eyraud, Gabrielle Bompard свободно предалась проституціи, плодами которой, кажется, пользовался и онъ.

На судѣ возникло было породившее даже цѣлую литературу и вызвавшее горячіе споры и столкновенія двухъ научныхъ школъ предположеніе о возможности вліянія гипнотическихъ внушеній со стороны Eyraud. Но даже сама Gabrielle Bompard, все валившая на Eyraud, утверждала, что онъ не гипнотизировалъ ее. Въ виду этого, на судѣ и говорилось о гипнотическихъ внушеніяхъ въ состояніи бодрствованія. Я не стану сколько нибудь подробно останавливаться на оцѣнкѣ этого предположенія. Замѣчу только, что обстоятельства дѣла вовсе не указываютъ, чтобы Bompard была вполнѣ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Eyraud, и что, такъ называемыя, внушенія въ состояніи бодрствованія суть явленія большаго или меньшаго вліянія, господства и подчиненія слабыхъ характеровъ характерами сильными. Такого рода подчиненіе, повидимому, имѣло мѣсто и въ отношеніяхъ Bompard къ Eyraud, но оно было подчиненіе, если такъ можно выразиться, однородное, потому что вліяніе Eyraud дѣйствовало въ направленіи основныхъ дурныхъ сторонъ натуры Bompard.

Не мудрено, что два такихъ характера, взаимно вліяя другъ на друга въ различныхъ степеняхъ и находясь въ такой средѣ и такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, сравнительно легко могли прійти къ мысли о преступленіи. Кому изъ нихъ она пришла впервые—рѣшить довольно трудно, да это обстоятельство и не важно для насъ. Внимательно вглядываясь въ особенности дѣятелей преступленія, не трудно видѣть, что она легко могла прійти каждому изъ нихъ и что у обоихъ, разъ явившись, она находила подготовленную и удобренную почву для своего укорененія и дальнѣйшаго развитія. Оба почти одинаково были подготовлены къ преступленію, въ которомъ они распредѣлили роли, соотвѣтственно силамъ и способностямъ: Bompard должна была завлечь и начать, а Eyraud закончить кровавую драму, для которой Gabrielle предлагала различныхъ лицъ, а Eyraud, выбирая, остановился на Gouffé.

Послѣ совершенія убійства, Eyraud и Bompard, какъ мы знаемъ, спаслись въ Америку. Здѣсь жизнь, отъ которой оба они старались брать возможно болѣе наслажденій, не улыбалась имъ. Время пребыванія въ Америкѣ было для нихъ порой тяжелыхъ лишеній, которыя были не подъ силу Bompard, особенно послѣ ея жизни въ Парижѣ. Ея неустойчивая, первно-истеричная и въ то же время чувственная натура стремилась къ шуму и блеску, къ жизненному празднику, къ чувственнымъ удовольствіямъ и сосредоточиванію на себѣ вниманія. А что ей давалъ Eyraud? Жизненныя неприглядныя будни и лишенія, которыя тяготили и раздражали ее.

Тревогъ совѣсти, какъ показываетъ все изслѣдованіе, она не испытывала. Даже изъ кольца задушеннаго при ея помощи Gouffé она, какъ бы на память, сдѣлала себѣ сережки и постоянно носила ихъ до момента помѣщенія ихъ къ закладчику. Но жизнь съ Eyraud, при наступившихъ условіяхъ, была противна ей и она покончила съ ней при первомъ же удобномъ случаѣ. Встрѣтивъ довольно зажиточнаго 46 лѣтняго Garanger, котораго Eyraud, по ея словамъ, также хотѣлъ убить и ограбить, она не замедлила съ необычайной легкостью перейти въ его объятія. Оставаться по близости Eyraud послѣ начала новой связи ей, конечно, было не безопасно, и она уѣхала съ своимъ новымъ возлюбленнымъ въ Европу, вѣроятно, съ мечтами о началѣ новой жизни, непохожей на прошлую, съ мечтами, на которыя впечатлительные и прегрѣшившіе истерики обыкновенно такъ падки. Но здѣсь, въ Европѣ, между ней и возможностью начала новой жизни съ ея богатымъ возлюбленнымъ стояло высокой стѣной тяжкое обвиненіе въ убійствѣ Gouffé! Дѣйствительнаго раскаянія у нея не было и, при особенностяхъ ея натуры, быть не могло. Дѣйствительное раскаяніе всегда представляетъ собою результатъ большаго или меньшаго несоотвѣтствія случайно совершеннаго дѣянія съ постоянными особенностями личности, несоотвѣтствія, которое мучительно чувствуется послѣ того, какъ порывъ или увлеченіе минуютъ и неприглядная дѣйствительность выступитъ передъ совѣстью во всей своей наготѣ. Но такого несоотвѣтствія поступка и особенностей натуры въ данномъ случаѣ не было, а потому не было и раскаянія, но сожалѣніе было и должно было быть. Съ одной стороны спокойная и пріятная жизнь, повидимому, столь близка и возможна: протяни руку и возьми ее, а съ другой высокой стѣной стоитъ это ужасное прошлое и преграждаетъ путь къ манящему и такъ жадно желаемому счастію. Легко до глубины всколыхивающаяся и впечатлительная натура Bompard не въ силахъ была устоять противъ соблазна и ея пылкое истеричное воображеніе нарисовало ей и путь выхода—явиться какой-то свидѣтельницей по дѣлу Gouffé и тѣмъ обойти тяготѣвшее надъ ней обвиненіе. Результатомъ была ея явка, признаніе и способствованіе раскрытію слѣдовъ преступленія. Дальнѣйшій ходъ событій былъ не въ ея власти и привелъ ее къ обвиненію, которому предшествовала экспертиза ея душевнаго состоянія, возбудившаго сомнѣніе. Экспертиза эта представляетъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ процесса.

Экспертами выступили знаменитости судебной медицины—д-ръ Motet, проф. Brouardel и проф. Ballet.

Подвергнувъ наблюденію и оцѣнкѣ душевное состояніе Gabrielle Bompard, эксперты пришли къ заключенію, что со стороны развитія столь важнаго въ экономіи психической жизни половаго чувства она представляетъ вполнѣ анормальную преждевременность, вслѣдствіе которой въ ней рано пробудились несвойственные ея возрасту инстинкты. Они нашли, далѣе, что она обладаетъ удивительно тонкой и сильной памятью, пре-

красно владѣетъ собой,—имѣетъ очень живой и тонкій умъ и не представляетъ никакихъ разстройствъ со стороны своихъ умственныхъ способностей. Напротивъ, со стороны сферы чувствъ у Gabrielle Bompard, по выраженію экспертовъ, наблюдаются «громадные пробѣлы». У нея замѣчается чрезмѣрное развитіе эгоистическихъ чувствъ, тщеславіе, потребность заставлять говорить о себѣ и потребность быть постоянно на сценѣ. Наиболѣе выдающейся особенностью ея существа, по словамъ экспертовъ, является отсутствіе нравственнаго чувства, которое какъ я уже замѣтилъ, нерѣдко наблюдается при аномаліяхъ въ сферѣ чувства половаго. «Не то, чтобы личности этого типа», замѣчаютъ эксперты, «были неспособны отличать, что должно и чего не должно дѣлать, но ихъ нравственныя понятія остаются для нихъ абстракціями и не вліяютъ на ихъ опредѣленіе къ дѣйствіямъ. Аппетиты и инстинкты преобладаютъ у нихъ и извращенные импульсы увлекаютъ ихъ умственныя способности, по большей части оставшіяся незатронутыми, къ исканію эгоистическихъ удовлетвореній. Лицъ этого типа они называютъ «нравственно слѣпыми» и утверждаютъ, что такія лица дѣлаютъ зло съ полнѣйшей индиферентностью, что ихъ умственныя способности, хотя бы онѣ и казались нетронутыми, болѣе поверхностны, нежели глубоки, что подвижность ихъ идей на столько же велика, на сколько велика и подвижность ихъ чувствъ и что имъ незнакомы угрызенія совѣсти. Эксперты признали, что у Bompard существуетъ несомнѣнная истерія и что чувствительность у нея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повышена, а въ другихъ ослаблена и уменьшена, что она легко поддается гипнозу и что гипнотическому сну у нея предшествуютъ истерическіе приступы и галлюцинаціи ужасающаго характера, вызывающія и соотвѣтствующія имъ движенія.

Въ то же время эксперты признали, что Gabrielle Bompard всегда сознавала свои дѣйствія, что она добровольно слѣдовала за Eyraud и была способна сдерживаться и быть осторожной. По ихъ мнѣнію Bompard не больная; она существо недостаточное (incomplet), характеризующееся остановкой въ развитіи нравственнаго чувства, безъ параллельной остановки въ развитіи умственныхъ способностей. Какъ бы ни были глубоки пробѣлы въ ея нравственности, говорятъ эксперты, но ея умственныя способности достаточно ясны для того, чтобы Gabrielle Bompard могла знать, что хорошо и что дурно. Она не страдаетъ помѣшательствомъ и ничто не доказываетъ, чтобы она подвергалась принужденію какого бы то ни было рода. Поэтому Gabrielle Bompard не можетъ быть считаема безотвѣтственной за дѣянія, въ которыхъ она обвиняется.

Таковы выводы экспертизы, на основаніи которыхъ судъ призналъ Gabrielle Bompard уголовно отвѣтственной и приговорилъ ее къ 20 годамъ каторжныхъ работъ. Сообщникъ ея, Eyraud, приговоренъ къ смертной казни, и она надъ нимъ уже исполнена.

Эта экспертиза, конечные выводы которой, по моему мнѣнію, весьма неудовлетворительны и противорѣчатъ посылкамъ, представляетъ для насъ

наибольшій интересъ въ процессѣ, какъ оцѣнка психической личности Bompard въ отношеніи къ уголовной отвѣтственности.

Я не стану, по указаннымъ уже мною причинамъ, касаться весьма интереснаго самого по себѣ спора, происшедшаго на судѣ между представителями школы Salpêtrière и школы Нанси, и перейду прямо къ оцѣнкѣ мнѣній д-ра Motet, проф. Brouardel и Ballet.

Основываясь на своихъ наблюденіяхъ и собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ, эксперты представили намъ Gabrielle Bompard *вполнѣ убогой* психической личностью. Они изобразили ее, какъ мы знаемъ, истеричнымъ и недостаточнымъ существомъ съ ненормально и преждевременно развитымъ половымъ чувствомъ, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ инстинктовъ и чувственныхъ аппетитовъ, съ громадными прорѣхами въ сферѣ чувствъ вообще, съ полнымъ отсутствіемъ или, какъ эксперты выразились, слѣпотою нравственнаго чувства, существомъ, которому чужды угрызенія совѣсти и живое, а потому и дѣятельное сознаніе добра и зла, и которое представляетъ удивительную бѣглость идей и чувствъ. Такова умственно-нравственная фигура Bompard въ рисункѣ экспертовъ. И, не смотря на то, они приравниваютъ ее въ отношеніи уголовной отвѣтственности ко всѣмъ болѣе устойчивымъ и удачно организованнымъ людямъ. Какъ объяснить такое странное, такое невозможное противорѣчіе? Развѣ допустимо, чтобы всѣ констатированныя экспертами аномаліи и прорѣхи въ нравственномъ существѣ Gabrielle Bompard болѣзненно не извращали правильность теченія ея душевной жизни и не оказывали бы рѣшительнаго и самаго неблагопріятнаго вліянія на всѣ ея поступки, являющіеся необходимымъ результатомъ особенностей ея душевнаго строя?

Экспертовъ сбила съ правильнаго пути ясность, логическая правильность и *кажущаяся* незатронутость ея умственныхъ способностей и ея способность знать и отличать дурное отъ хорошаго. А между тѣмъ они были весьма близки къ истинѣ и правильному пониманію явленій преступности Bompard, когда они утверждали, что нравственныя понятія не были у нея живыми и дѣятельными понятіями, а только сухими абстракціями, которыя потому и не оказывали вліянія на ея опредѣленія къ дѣятельности, иначе говоря, эти понятія не были у нея прочно соединены и спаяны съ извѣстными чувствами, а потому, появляясь въ сознаніи, не заставляли громко и властно звучать послѣднія.

Еще, можетъ быть, ближе подошли эксперты къ истинѣ, когда они заявили, что умственныя способности Gabrielle Bompard болѣе поверхностны, нежели глубоки и что подвижность или бѣглость ея идей на столько же велика, *на сколько велика подвижность и бѣглость ея чувствъ*. Послѣднимъ утвержденіемъ и сопоставленіемъ эксперты констатировали тѣсную зависимость и неотразимое вліяніе, которое оказываетъ сфера чувствъ съ ея крайнимъ разнообразіемъ оттѣнковъ *какъ на ходъ, такъ и на содержаніе мышленія*. Этимъ же они указали, можетъ быть, и незамѣтно для самихъ себя, на тотъ тайникъ, въ кото-

ромъ нужно искать объясненій дѣятельности человѣка вообще и его преступной дѣятельности въ частности. Тайникъ этотъ — чувствованіе собственной личности, иначе говоря, самочувствіе или настроеніе человѣка. Въ особенностяхъ окраски самочувствія и кроется обыкновенно разгадка влеченій и опредѣленій человѣка къ той, а не къ иной дѣятельности. Обыкновенно самочувствіе весьма разнится по временнымъ состояніямъ одного и того же человѣка, но еще болѣе разнится оно по различнымъ личностямъ.

Самочувствіе представляетъ собою первичный, хотя и весьма сложный, фактъ нашей душевной жизни, основу нашей психической личности и потому его окраска у различныхъ лицъ разнится на столько же, на сколько разнятся и сами они. У однихъ болѣе постоянно испытываемое ими самочувствіе окрашивается особымъ оттѣнкомъ влеченія и любви къ людямъ, у другихъ оно отмѣчается холоднымъ, жесткимъ и злобнымъ колоритомъ, у третьихъ оно оттѣняется неудержимой отвагой, ясностью, беззаботностью, добротой и легкой и спокойной готовностью на жертвы и т. д., и т. д. Почему самочувствіе у данной личности, въ смыслѣ психическаго факта, окрашено такъ, а не иначе?—на это никакой анализъ не даетъ намъ отвѣта. Далѣе самочувствія съ слагающими его чувствованіями идти нельзя. Простое чувствованіе есть слагающая единица психической жизни и въ существѣ своемъ представляетъ собою загадку бытія, отъ объясненія которой вполнѣ одинаково далеки всѣ теоріи и всѣ міровоззрѣнія. Говоря о причинахъ той, а не иной окраски обычнаго самочувствія, мы можемъ дать единственный отвѣтъ—потому, что такъ, а не иначе чувствуетъ данный человѣкъ, потому, что такъ, а не иначе *образованъ* онъ.

Мышленіе представляетъ собою добавочный элементъ и какъ бы аппаратъ роскоши, который только постепенно и незамѣтно развивается и наростаетъ въ лѣстницѣ творенія. Самочувствіе же образуетъ основной элементъ психической жизни, тотъ ея основной фонъ, безъ котораго немыслима эта послѣдняя. Немудрено поэтому, что этотъ основной элементъ хотя часто и невидимо, но вліяетъ на все. Самочувствіе своими различными особенностями какъ бы выдвигаетъ на поверхность сознанія, если можно такъ выразиться, тѣ, а не другія мысли и такимъ образомъ *опредѣляетъ содержаніе мышленія* и неуловимо вліяетъ на его ходъ. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдайте и всматривайтесь ближе—и вы легко замѣтите, напр., что въ сознаніи полово-распущеннаго человѣка преимущественно присутствуютъ и господствуютъ болѣе или менѣе сладострастныя и скабрезныя представленія, въ сторону которыхъ и направляется его мышленіе; у человѣка желудочно-чувственнаго сознаніе въ свою очередь преимущественно занято однородными съ характеромъ его общаго чувства образами и вполнѣ соотвѣтствующими имъ думами и планами. Человѣкъ съ обычно злымъ оттѣнкомъ самочувствія думаетъ и видитъ только дурныя стороны другихъ людей, тогда какъ человѣкъ съ свѣтлымъ и благоже-

лательнымъ настроеніемъ, не смотря даже на частыя предшествующія разочарованія, всегда видитъ во всѣхъ только хорошее и стремится по возможности всѣмъ доставить удовольствіе и сдѣлать полезное.

Наблюдайте далѣе и вы легко замѣтите, какъ съ перемѣнами настроенія измѣняется и весь строй и содержаніе мышленія. Вмѣстѣ съ наступленіемъ мрачнаго настроенія человѣкъ начинаетъ думать и обращать вниманіе преимущественно на дурныя и печальныя стороны жизни, которыя заслоняютъ отъ него всѣ прочія. Измѣняется настроеніе, переходитъ въ пріятное, и вмѣстѣ съ нимъ какъ-то разомъ измѣняются и краски внѣшняго міра: онѣ становятся радужными и приводятъ за собой иныя, свѣтлыя мысли, тогда какъ прежнія сами собой исчезаютъ изъ сознанія и какъ бы опускаются въ ту безсознательную глубину, изъ которой онѣ были вызваны прежнимъ настроеніемъ. Особенно ясно проявляются вліянія послѣдняго при глубокихъ и болѣзненныхъ его измѣненіяхъ. Тогда, какъ учитъ опытъ, личность какъ бы перерождается въ своихъ воззрѣніяхъ, въ своей оцѣнкѣ и во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ окружающему и иногда становится какъ бы совершенно другою личностью.

Конечно, и умственныя способности, особенно на той высокой ступени развитія, какой онѣ достигли у человѣка, имѣютъ весьма важное значеніе для дѣятельности, во первыхъ, по своему задерживающему вліянію, а, во вторыхъ, по своей связи съ сферою чувствъ. Благодаря послѣдней, мышленіе способно въ свою очередь болѣе или менѣе измѣнять самочувствіе, но всегда на столько, на сколько та или другая мысль тѣсно связана съ опредѣленнымъ чувствомъ и потому способна будить и заставлять громко звучать послѣднее. Голая же, такъ сказать, мысль, или вслѣдствіе отсутствія у нея прочныхъ привычныхъ связей, или вслѣдствіе какихъ либо временныхъ нарушеній этихъ послѣднихъ, не заставляетъ болѣе или менѣе сильно вибрировать въ настроеніи человѣка соотвѣтствующее чувствованіе и поэтому мало способна надлежащимъ образомъ направлять его дѣятельность. Представленіе о человѣческихъ страданіяхъ, если оно по той или другой причинѣ не заставляетъ звучать въ самочувствіи тоновъ чувства сострaданія или какого либо другаго чувства, почти всегда окажется безсильно подвинуть къ дѣйствительнымъ пожертвованіямъ и помощи. Такое представленіе или только спокойно поприсутствуетъ нѣкоторое время въ сознаніи, или же немедля будетъ вытѣснено и замѣнено другими представленіями, прочно связанными съ иными чувствованіями, обычно присутствующими и входящими въ составъ самочувствія. Этимъ и обусловливается иногда чуть не діаметрально противоположное вліяніе одной и той же мысли на различныхъ, хотя приблизительно и равно развитыхъ людей. Поэтому-то воспитаніе, какъ направленіе и благопріятное развитіе соотвѣтствующими пріемами и опытами самочувствія и слагающихъ его чувствъ, имѣетъ столь важное значеніе въ общественномъ отношеніи, сравнительно съ образованіемъ, какъ обогащеніемъ и развитіемъ преимущественно ума.

Къ сожалѣнію, самочувствіе въ его составныхъ частяхъ и во всемъ разнообразіи его оттѣнковъ по отдѣльнымъ личностямъ еще мало изучалось и изучается и къ нему недостаточно обращаются для вѣрнаго истолкованія дѣятельности человѣка вообще и его преступной дѣятельности въ частности. А между тѣмъ изъ этого источника, который подвергается вліянію окружающихъ условій, и вытекаютъ основныя ея опредѣленія. Возьмемъ для примѣра человѣка, который совершаетъ дѣяніе, поражающее всѣхъ своимъ великодушіемъ и безстрашіемъ. Вглядитесь ближе и изучите, и вы увидите, что оно явилось слѣдствіемъ мимовольно испытывавшагося имъ и инстинктивно охватившаго его настроенія, въ которомъ усиленно тонировали великодушныя чувства благожелательности и почти или вовсе отсутствовали, не смотря на видимую для другихъ опасность, тоны боязни и страха. Строго говоря, такое дѣяніе, хотя само по себѣ оно прекрасно и возвышенно, вовсе не заслуга, а слѣдствіе особенностей испытывавшагося самочувствія, которое въ свою очередь было слѣдствіемъ особенностей слагающихъ частей личности и ихъ временныхъ состояній.

Подобно этому и преступная дѣятельность человѣка также вытекаетъ изъ особенностей самочувствія дѣятеля, которыя въ свою очередь представляютъ собою результатъ съ одной стороны унаслѣдованія, а съ другой—личнаго предшествующаго развитія и личной жизни и испытываемыхъ временныхъ состояній. Достаточно указать, что подъ вліяніемъ особенностей самочувствія совершаются посягательства даже на собственную жизнь. Конечно, можно въ большей или меньшей мѣрѣ измѣнять особенности болѣе обычныхъ опредѣленій къ дѣятельности, но подъ условіемъ измѣненія особенностей обычнаго самочувствія, или путемъ измѣненія условій унаслѣдованія, или путемъ измѣненія условій воспитанія и жизни, или же путемъ измѣненія тѣхъ и другихъ. Пока же обычное самочувствіе будетъ оставаться безъ измѣненій, до тѣхъ поръ *и общій характеръ дѣятельности* будетъ сохранять свой прежній колоритъ. Злой человѣкъ, т. е. человѣкъ, въ самочувствіи котораго звучатъ злобные тоны, съ такою же необходимостью *въ общемъ* золъ и вреденъ, съ какою добрый человѣкъ добръ и полезенъ. Поэтому правильно образовать и развить самочувствіе—это величайшая и труднѣйшая задача воспитанія.

Обращаясь послѣ всего сказаннаго къ оцѣнкѣ особенностей самочувствія Gabrielle Bompard, поскольку особенности эти выяснились изъ совокупности всѣхъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ, что видимъ и что находимъ мы? Въ исторіи образованія натуры Bompard мы прежде всего сталкиваемся съ фактомъ развитія истеріи, которая болѣзненно поражаетъ и извращаетъ чувствительность, а слѣдовательно и самочувствіе, а чрезъ то вліяетъ на содержаніе мышленія, на желанія и волевыя опредѣленія. При истеріи, какъ мы знаемъ, отдѣльныя *и часто чрезвычайно* важныя въ экономіи душевной жизни чувствованія иногда выпадаютъ со-

всѣмъ и временно перестаютъ звучать въ настроеніи, какъ будто ихъ не существуетъ. Иногда же они только разномѣрно ослабляются, или чрезмѣрно повышаются, обостряются и даже вовсе извращаются и начинаютъ звучать совсѣмъ необычными тонами. Какъ рѣшительно вліяетъ истерія на характеръ чрезъ самочувствіе, всего лучше наблюдать при ея развитіи. До ея начала характеръ представляется болѣе или менѣе нормальнымъ и органы чувствъ функціонируютъ болѣе или менѣе правильно. Но вотъ, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, развивается истерія, и картина измѣняется. Субъектъ становится раздражителенъ, нетерпѣливъ; онъ по временамъ бываетъ подавленъ, а по временамъ чрезмѣрно возбужденъ. Все въ характерѣ становится у него болѣе или менѣе капризнымъ, субъектъ начинаетъ испытывать странныя ощущенія и его внутренній міръ глубоко измѣняется.

Но какъ ни важенъ фактъ истеріи, тѣмъ не менѣе самъ по себѣ *въ данномъ случаѣ* онъ говоритъ еще мало. При всей неустойчивости, бѣглости и причудливости чувствованій, истерики бываютъ прекрасными характерами. Истерія, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, это то общее, что образуетъ неврозъ, который обыкновенно развивается на весьма различной унаслѣдованной и различно предшествующею жизнію подготовленной почвѣ, иначе говоря, развивается при различныхъ особенностяхъ организаціи, а потому даетъ и различные результаты со стороны характера. Gabrielle Bompard не просто истеричная, а истеричная, у которой существовали аномаліи въ половой сферѣ.

Но и по одному факту преждевременности мы не могли бы составить себѣ опредѣленнаго представленія о направленіи его вліянія; мы могли бы утверждать только необходимость его существованія. Но тутъ къ намъ на помощь приходятъ факты изъ дѣтства и ранней юности Bompard, которые громко говорятъ намъ, что это вліяніе, какъ это часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, шло въ направленіи нравственнаго извращенія и развитія грубой и черствой чувственности. Дѣвочка спозаранку является бичемъ для всѣхъ окружающихъ, всѣ открещиваются отъ нея и называютъ ее порочною. Допускаю, что неблагопріятныя воспитательныя воздѣйствія оказали свою долю вліянія, но несомнѣнно, что главную роль всетаки играли прирожденныя особенности инстинктивной природы, развившіяся при томъ, повидимому, на почвѣ органической слабости, унаслѣдованной отъ матери.

Таковы факторы, подъ вліяніемъ которыхъ слагалась и развивалась психическая личность Gabrielle Bompard. Не мудрено поэтому, что характеръ ея отличается крайней впечатлительностью, чрезвычайной неустойчивостью, измѣнчивостью, чувственностью, слабоволіемъ, усиленнымъ развитіемъ эгоистическихъ чувствъ и движеній и полной нравственной слѣпотой, благодаря которой ей чужды раскаяніе и угрызенія совѣсти, а нравственныя понятія являются лишь мертвыми абстракціями и не могутъ оказывать рѣшающаго вліянія на дѣятельность.

Очевидно, что человѣкъ *съ такой разстроенной и извращенной основой нравственнаго существа не можетъ быть названъ душевно нормальнымъ*. Такія особенности могутъ возникать только на почвѣ дурного унаслѣдованія и неправильнаго патологическаго развитія. Со стороны правильности своихъ отношеній къ окружающимъ такія лица представляются, быть можетъ, болѣе глубоко разстроенными, нежели люди страдающіе нѣкоторыми бредовыми идеями, потому что первые слишкомъ часто неправильно и извращенно чувствуютъ и, вслѣдствіе того, неправильно и извращенно мыслятъ и дѣйствуютъ.

Къ величайшему сожалѣнію, главнымъ и почти исключительнымъ мѣриломъ для своей оцѣнки эксперты избрали умственныя способности и обратили преимущественное вниманіе на ихъ кажущуюся нетронутость и формальную логическую правильность, что особенно ясно доказывается словесными объясненіями проф. Brouardel, который заявлялъ, что съ нравственной стороны всѣ преступники представляетъ прорѣхи, но что нравственный упадокъ только тогда влечетъ за собою уголовную безотвѣтственность, когда на ряду съ нимъ наблюдается и упадокъ умственный. Поэтому, отмѣтивъ у Gabrielle Bompard важныя прорѣхи въ сферѣ чувствъ вообще и нравственнаго чувства въ частности, эксперты тѣмъ не менѣе въ основѣ своего заключенія недостаточно оцѣнили тѣсную и непосредственную связь между областью чувствъ, содержаніемъ и направленіемъ мышленія и характеромъ дѣятельности. Отсюда и странное признаніе важныхъ разстройствъ одной области и цѣлости другой, отсюда и конечное необыкновенное заключеніе о способности къ уголовной отвѣтственности.

Между тѣмъ про Gabrielle Bompard съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что кому мало дано, съ того должно мало и взыскиваться. А ей отъ природы, по истинѣ, было мало дано, да и то, что дано—съ отрицательнымъ характеромъ. Неблагопріятная и несчастная прирожденная психо-физическая организація съ болѣзненно разстроеннымъ и извращеннымъ самочувствіемъ, небрежное и, повидимому, нравственно заброшенное воспитаніе, неблагопріятныя вліянія въ домѣ холоднаго къ ней отца, слишкомъ ранняя несчастная встрѣча, послѣдующее одиночество и отсутствіе средствъ среди блестящаго громаднаго города съ его разгуломъ и развратомъ въ обществѣ различныхъ макро и альфонсовъ — таковы условія развитія нравственной личности Gabrielle Bompard. Назначеніе ей, и то по снисхожденію, двадцати лѣтъ каторжныхъ работъ, по моему мнѣнію, представляетъ собою мѣру глубоко нераціональную. Мѣсто для Bompard вовсе не въ каторжной тюрьмѣ. Въ Gabrielle Bompard мы имѣемъ передъ собою личность съ несомнѣнно *патологической основой характера*, происхожденіе которой едва ли даже возможно вмѣнить въ вину ея личной прошлой жизни. Основа эта можетъ быть усилена, но не создана ею—она прирождена.

Значитъ вы стоите за безотвѣтственность такихъ лицъ, какъ Gabrielle

Bompard?—спросятъ меня нѣкоторые. Избави Боже! Подобныя личности слишкомъ опасны для общества и для его спокойствія какъ своими пороками и преступленіями, такъ и своимъ развращающимъ примѣромъ, и общество безусловно должно быть ограждено отъ нихъ. Говоря о Gabrielle Bompard, я настаиваю лишь на нераціональности и даже несправедливости примѣненія къ ней, какъ къ другимъ болѣе удачно сложившимся личностямъ, собственно уголовныхъ мѣръ кары, подобныхъ каторжной тюрьмѣ. Для такихъ особыхъ личностей, разъ онѣ впадаютъ въ преступленіе, должны существовать и особыя спеціально-приспособленныя учрежденія, въ которыя онѣ должны помѣщаться вовсе не на впередъ опредѣленное число лѣтъ, назначенное неизвѣстно по какимъ разумнымъ основаніямъ, а впредь до пріобрѣтенія увѣренности въ ихъ обезвреженіи, если таковое наступитъ. Подобныя учрежденія, подобно азилямъ для душевно-больныхъ, въ нужное время обезопасятъ общество, но они не будутъ разсчитаны на наказаніе въ собственномъ смыслѣ.

Я знаю, что такой взглядъ встрѣтитъ возраженія и найдетъ противниковъ. Нѣкоторые, по примѣру обвинителя въ дѣлѣ Bompard, заговорятъ, пожалуй, по этому поводу объ уничтоженіи нравственности, объ «упраздненіи законовъ» и даже «о закрытіи книги вѣчнаго правосудія». Но все это только громкія фразы, способныя неосновательно смущать нѣкоторыхъ. Ни нравственности, ни закона, ни правосудія я, разумѣется, не думалъ и не думаю отрицать и признаю ихъ важнѣйшими основами общежитія. Я полагаю лишь, что битье уже отъ природы подбитаго и глубоко разстроеннаго едва ли можно назвать правосудіемъ, и притомъ битье по формуламъ напередъ опредѣленныхъ наказаній. По поводу ихъ я только на дняхъ получилъ горячій протестъ со стороны лица долго и близко стоявшаго и стоящаго къ нашимъ ссыльнымъ. Относительно существующихъ формулъ наказанія нельзя не припомнить мнѣнія проф. Beaunis, высказаннаго по поводу все того же дѣла Bompard, что наступило время для пересмотра вопроса объ уголовной отвѣтственности, на основаніи наукою доставляемыхъ данныхъ. Къ величайшему сожалѣнію, по отношенію къ этому вопросу мы и до сихъ поръ еще продолжаемъ находиться какъ бы подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія со стороны отдаленной, сѣдой старины съ ея жаждой отмщенія, о потребности въ которомъ и теперь иногда говорятъ, возражая противъ возможности введенія болѣе раціональныхъ мѣръ борьбы съ преступленіемъ. Но пора уже поближе и повнимательнѣе присмотрѣться къ истиннымъ факторамъ преступности, къ ихъ природѣ и особенностямъ, и въ соотвѣтствіи съ этимъ избрать и средства воздѣйствія, возможно болѣе согласныя, какъ съ безопасностью и благомъ общества, такъ, по возможности, и съ истинными интересами все же человѣческой личности самого преступника.

Процессъ Eyraud-Bompard, какъ и большая часть уголовныхъ процес-

совъ, весьма интересенъ въ общественномъ отношеніи и надъ такими процессами не мѣшаетъ почаще и поглубже задумываться. Справедливо говорятъ, что общество заслуживаетъ своихъ преступниковъ и нарушителей закона. И дѣйствительно, преступленія представляютъ собою проявленія болѣзненности общества, въ которыхъ ярко отражаются наиболѣе темныя явленія общественной жизни. Этой своей стороной уголовные процессы и представляютъ наибольшій интересъ для насъ. Въ нихъ проявляются порчи людей, постепенно создаваемыя условіями наслѣдственной и личной жизни. Въ уголовныхъ процессахъ въ качествѣ героевъ обыкновенно фигурируютъ матеріально, физически и нравственно, или только физически и нравственно недостаточные члены общества, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою долгую созидающую исторію и является продуктомъ цѣлой массы подготавливающихъ условій, дѣйствующихъ на подобіе стихійныхъ силъ въ нѣдрахъ общества.

Въ процессѣ Eyraud-Bompard передъ нами выступаетъ женщина съ *патологическимъ* характеромъ, весьма предрасположенная, вслѣдствіе того, при извѣстныхъ условіяхъ, къ пороку и преступленію. Но эта женщина обладаетъ достаточной внѣшней разумностью, логичностью и даже остроуміемъ, которыя дозволяютъ ей до поры до времени безпрепятственно жить въ обществѣ, считаться въ немъ нормальнымъ, хотя, можетъ быть и нѣсколько страннымъ субъектомъ и оказывать большее или меньшее вліяніе на окружающихъ. Подобныя личности, при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстные періоды, могутъ и дѣйствительно нарождаются въ сравнительно значительномъ числѣ. Однѣ изъ нихъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ вліяній впадутъ въ преступленіе и появятся на скамьѣ подсудимыхъ, тогда какъ другія и въ значительно большемъ количествѣ останутся свободными въ обществѣ—что и составляетъ важнѣйшую сторону вопроса— и внесутъ свою большую или меньшую долю вреда и развращенія въ экономію общественной жизни. Не наказанію, какъ думалъ прокуроръ въ дѣлѣ Bompard, бороться съ вредоносным вліяніемъ такихъ личностей. Говоря это, я, конечно, далекъ отъ мысли отрицать наказаніе; я имѣю въ виду лишь болѣе правильно опредѣлить его дѣйствительное значеніе,—второстепенное и подсобное.

Преступленія, какъ учитъ опытъ, измѣняются въ своемъ характерѣ и количествѣ въ соотвѣтствіи съ экономическими и нравственными колебаніями и измѣненіями въ обществѣ, и въ явленіяхъ этихъ областей кроется ихъ источникъ. Успѣшно же бороться съ вредоносными явленіями можно только въ ихъ источникѣ, путемъ его улучшеній. А если такъ, то можно сказать, что только нравственное оздоровленіе и упорядоченіе общества въ его взаимныхъ отношеніяхъ можетъ вполнѣ побороть занимающее насъ зло и обезопасить общество отъ нарожденія и развитія въ его средѣ патологическихъ характеровъ съ ихъ разстроеннымъ и извращеннымъ самочувствіемъ, въ которомъ, *при наличности извѣстныхъ окружающихъ условій,* и кроется ближайшая причина преступленій. Уголовные про-

цессы нашего времени, внимательно и подробно изучаемые какъ въ отдаленныхъ, такъ и въ ближайшихъ производящихъ преступленіе причинахъ, ясно указываютъ на необходимость такого оздоровленія и упорядоченія, особенно при существующей осложненности общественныхъ отношеній и ожесточенности спора за мѣста на пиру жизни, при наличности которыхъ люди часто безпощадно и неразумно давятъ другъ друга.

Д. Дриль.

ОТВѢТЪ АВТОРА.

По поводу статьи гг. Нечаева и Ланге „Русская книга о Лоренцѣ фонъ-Штейнѣ“.

Въ февральской книжкѣ «Юридическаго Вѣстника» за текущій годъ помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Русская книга о Лоренцѣ фонъ-Штейнѣ», составленная гг. Нечаевымъ и Ланге.

Эта статья вызываетъ насъ на нижеслѣдующія строки.

Л. Штейнъ оставилъ послѣ себя политическую, соціальную и юридическую теорію. Каждая изъ этихъ теорій можетъ быть предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія. Почему я избралъ для своего изложенія *юридическую* теорію Штейна, объ этомъ сказано у меня въ сочиненіи (стр. 3). Разсмотрѣніе же политическаго и соціальнаго ученія Штейна составитъ предметъ особыхъ моихъ занятій.

Происхожденіе и развитіе юридической теоріи Штейна обусловливается двумя факторами: одинъ изъ нихъ жизненный, а другой научный (экономическій строй Франціи и господствовавшія и господствующія нѣмецкія юридическія теоріи). Перваго фактора я не коснулся потому, что о немъ будетъ рѣчь при оцѣнкѣ политическаго и соціальнаго ученія Штейна (тогда я разберу и вліяніе соціалистическихъ французскихъ ученій на складъ идей Штейна). Я остановился только на второмъ факторѣ и притомъ на нѣмецкихъ юридическихъ теоріяхъ, потому что эти теоріи всего ближе соприкасаются съ юридической теоріей Штейна. Нѣмецкія юридическія теоріи мною сведены къ двумъ группамъ—субъективнымъ и объективнымъ теоріямъ [1]).

При обозрѣніи современной *нѣмецкой* юридической литературы не

[1]) Для устраненія недоразумѣнія, по поводу выраженій „субъективизмъ и „объективизмъ“, я считаю нужнымъ замѣтить, что къ группѣ субъективистовъ относятся какъ писатели, имѣющіе, при уясненіи права, исходнымъ пунктомъ субъекта, такъ равно и тѣ, которымъ свойственно произвольное отношеніе къ изучаемому ими предмету,—писатели, которые выводили понятіе права изъ предвзятой идеи, произвольно поставленнаго принципа. Въ такомъ значеніи

трудно замѣтить фактъ постепеннаго отрѣшенія писателей раціоналистовъ отъ субъекта и субъективнаго фактора общественной жизни, какъ исключительной основы права, и послѣдовательный переходъ ихъ къ изученію соціальной среды, какъ сферы образованія права. Современные нѣмецкіе ученые уже оставили мнѣніе, что личность самоцѣль, что она подчиняется самоданнымъ законамъ, что всѣ люди равны по природѣ, что свобода есть право, самостоятельность личности—основа права и т. д.

Подъ вліяніемъ положительнаго знанія нѣмецкіе мыслители стали утверждать, что право не есть царство осуществившейся свободы, а составляетъ результатъ необходимости регулировать взаимныя отношенія людей, соединенныхъ въ общество, съ цѣлью поддержанія совмѣстной жизни людей. Начали утверждать, что въ правѣ выражается не свобода, а нормы фактическихъ отношеній. При рѣшеніи вопроса о правѣ не слѣдуетъ останавливаться на субъектѣ и его психической жизни; на психическую жизнь людей слѣдуетъ смотрѣть, какъ на результатъ окружающей человѣка среды. Человѣкъ—атомъ міроваго движенія. Человѣкъ живетъ не своею жизнью, а жизнью соціальнаго организма. Онъ—рабъ природы. Только библейская наивность могла представить человѣка господиномъ природы.

Право—продуктъ соціальнаго организма, представляющаго часть природы. Цѣль права не расширеніе, а ограниченіе свободы. Право регулируетъ отношенія людей посредствомъ ограниченія интересовъ одного въ пользу другаго, съ цѣлью достигнуть возможно большаго блага всѣхъ лицъ, составляющихъ общество. Въ обществѣ потребности каждаго ограничиваются потребностями всѣхъ, а это обстоятельство существенно важно при опредѣленіи природы права.

Интересы общества составляютъ то, что выгодно *всѣмъ,* а не одному, на чемъ всѣ могутъ сойтись. Основа права—не индивидуальная свобода, а общество и его интересы. Поэтому, чтобъ понять право, нужно изучить общество и условія его существованія. Право есть выраженіе могущества общества надъ индивидомъ. Право есть сила, оберегающая интересы общіе всѣмъ отъ угрожающаго имъ частнаго интереса (въ томъ смыслѣ, что сила и власть всѣхъ превосходитъ силу и власть отдѣльнаго лица). Прогрессъ въ развитіи государства состоитъ въ постоянномъ возвышеніи требованій, обращаемыхъ имъ къ индивиду. Можно сказать, нѣтъ той сферы, въ которую лицо не могло бы открыть доступъ государству и оно (лицо) должно его открыть, потому что интересы государства суть интересы и индивида.

субъективизмъ обнимаетъ субъективный и объективный раціонализмъ, что и было обозначено на стр. 158 моего сочиненія. При чтеніи отдѣльныхъ мѣстъ сочиненія каждому не трудно понять, въ какомъ смыслѣ и значеніи мною употребляется выраженіе „субъективизмъ“ (ср. напр. стр. 266, 244 и друг.). О значеніи же выраженія „объективизмъ“ см. стр. 224.

Современная наука права, говорятъ намъ поклонники общественнаго интереса, признавая интересы общежитія основой права, вовсе не имѣетъ въ виду показать, что у общества есть *свои* особые интересы, помимо интересовъ лицъ, его составляющихъ. Современная наука права возстаетъ только противъ господствующаго стремленія юристовъ, сводящихъ все къ личности. Полезное всѣмъ, т. е. обществу, должно стоять выше интересовъ отдѣльнаго лица. А такъ какъ право регулируетъ отношенія людей, соединенныхъ въ общество, то оно основывается не на частномъ, а на общемъ интересѣ. Въ этомъ случаѣ интересы общества и индивида солидарны (полезное всѣмъ, полезно каждому).

Противоположности между частнымъ и публичнымъ интересомъ существовать не должно. Между частнымъ и публичнымъ правомъ существуетъ единство: *оба права служатъ интересамъ общества.* Чтобы выяснить право, нужно изучить общество и дѣйствующіе въ немъ факторы.

Таково, насколько намъ пришлось замѣтить, въ главныхъ чертахъ, распространяющееся мнѣніе среди современныхъ нѣмецкихъ юристовъ относительно природы права и его основъ.

Юридическое ученіе Штейна находится посрединѣ между субъективизмомъ и объективизмомъ. Оба эти направленія развивались на глазахъ Штейна и оставили свои слѣды на его юридической теоріи. Чтобъ выяснить невозможность соединенія этихъ направленій и показать ослабленіе перваго и укрѣпленіе втораго, мнѣ всего удобнѣе казалось остановиться на Штейнѣ, какъ на мыслителѣ, который со старыми началами вступаетъ въ новый міръ. У Штейна болѣе, чѣмъ у другихъ писателей переходнаго направленія, осязательно и одновременно переплетаются раціоналистическія и реалистическія идеи.

Оцѣнка политико-юридической теоріи Штейна есть вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнка двухъ направленій, еще господствующихъ въ современной нѣмецкой наукѣ права. Желая опредѣлить мѣсто, занимаемое Штейномъ въ нѣмецкой наукѣ, я коснулся, съ одной стороны, направленія, которое вліяло на философскій складъ юридическихъ идей Штейна, а съ другой—направленія, сопровождавшаго, дополнявшаго и исправлявшаго ученіе Штейна.

Вслѣдствіе стремленія Штейна примирить раціонализмъ съ реализмомъ явились у него противоположности и противорѣчія, которыя онъ искусственнымъ образомъ примиряетъ и уничтожаетъ. При этомъ его идеалъ всегда разбивается о дѣйствительность. Его свободная, равная вѣчно, ненарушимая личность оказывается въ дѣйствительности несвободною, неравною, зависимою. Государство Штейна, какъ царство свободныхъ и равныхъ личностей, въ дѣйствительности (воспринявъ въ себя общество) является царствомъ организованнаго неравенства. Его система равнаго права на самомъ дѣлѣ есть система права неравнаго и т. д.

Юридическая теорія Штейна, стоя среди современныхъ нѣмецкихъ юридическихъ теорій, дополняетъ ихъ. Такъ, она является дополненіемъ тео-

ріи исторической школы, а именно: Штейнъ указалъ на *объективный* факторъ образованія права, а историческая школа выводила право изъ «духа народа» (субъективный факторъ).

Мысль объ органическомъ представленіи между наукой о государствѣ, наукой права и наукой объ обществѣ въ послѣднее время все болѣе и болѣе распространяется между нѣмецкими учеными. Эта мысль не чужда и Штейну. Штейнъ призналъ правовѣдѣніе вѣтвью государствовѣдѣнія, а послѣднее обусловилъ ученіемъ объ обществѣ. Но, поставивъ право въ зависимость отъ соціальныхъ явленій, отъ жизни, Штейнъ мало занимается анализомъ юридическихъ нормъ и съ этой стороны его юридическое ученіе является слабымъ.

Подобно современнымъ ученымъ (напр., Іерингъ, Тоонъ), Штейнъ старался установить единство публичнаго и частнаго интереса, публичнаго и частнаго права, подчинивъ исключительность послѣдняго господству перваго. Онъ до очевидности доказалъ присутствіе публичнаго права въ частномъ правѣ. Но Штейнъ еще не возвысился до точнаго опредѣленія отношеній между частнымъ и публичнымъ правомъ, что сдѣлали уже другіе.

Обусловивъ право общественнымъ порядкомъ, а общественный порядокъ народнымъ хозяйствомъ, Штейнъ тѣмъ самымъ указалъ, что право есть созданіе опредѣленной соціальной среды, созданной особымъ видомъ владѣнія, слѣдовательно, обусловилъ право экономическимъ строемъ общества, признавъ классы факторами, участвующими въ созданіи права. Эта глубокая мысль о возникновеніи права въ опредѣленной соціальной средѣ, обусловленной экономическимъ элементомъ общества, только въ болѣе широкомъ значеніи, проводится и современными мыслителями, изучающими право сравнительно. Означенное направленіе юриспруденціи имѣетъ не мало послѣдователей въ новѣйшей нѣмецкой юридической литературѣ (на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы указали, наприм, на Арнольда, Данкварта). Недостатокъ Штейна въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что онъ соціальныя явленія подчинилъ *исключительно* экономическому элементу общества, игнорируя другіе факторы, созидающіе общество и дѣйствующее въ немъ право. За то зависимость права отъ (экономическаго) состоянія общества имъ формулирована неподражаемо.

Вѣрный раціоналистической философіи, Штейнъ не могъ отказаться отъ мысли, что есть особая наука—философія, въ смыслѣ краеугольнаго камня всего человѣческаго знанія. Философія права у него занимается сущностью права. Словомъ, по Штейну, человѣческое знаніе состоитъ изъ философіи и положительнаго знанія; у него нѣтъ еще единой общей науки, отыскивающей необходимое отношеніе между явленіями.

Философія права въ томъ видѣ, какъ ее предлагаетъ Штейнъ, не нужна.

У Штейна мы видимъ образцовую систему управленія и указаніе на то, что право нельзя разсматривать только какъ средство охраненія и опредѣленія общежитія, но что его нужно разсматривать и какъ предметъ управленія.

Система права, установленная у Штейна философіей права, не выдерживаетъ научной критики, потому что она выведена изъ предвзятой идеи. Мысль же Штейна о томъ, что система права должна соотвѣтствовать системѣ жизненныхъ отношеній, является совершенно вѣрною, только она не выражена Штейномъ вполнѣ удовлетворительно.

Оставаясь вѣрнымъ своему взгляду на значеніе экономическаго элемента общества въ совмѣстной жизни людей, Штейнъ выяснилъ вліяніе этого элемента не только на публичное, но и на частное право. Но, говоря о гражданскомъ правѣ, Штейнъ впалъ въ крайность, потому что утверждалъ, будто бы гражданское право есть формулированная политическая экономія. Гражданское право обнимаетъ не только хозяйственную жизнь людей, а и интересы, чуждые имущественнаго характера. Понятіе права, выведенное Штейномъ изъ старой философіи, является одностороннимъ; права an sich не было и нѣтъ; это выдумка раціоналистовъ, точно такъ, какъ нѣтъ равныхъ личностей и равнаго неизмѣннаго права.

Дѣйствительное право представляетъ организацію господства однихъ надъ другими (мысль эту, только по своему, проводитъ Гумпловичъ), установленную въ интересахъ общежитія. Въ такомъ смыслѣ понимаетъ право и Штейнъ, когда онъ стоитъ на реальной почвѣ; только онъ считаетъ такое значеніе права не согласнымъ съ справедливостью.

Наконецъ, опредѣленіе задачи правовѣдѣнія,—какъ науки познающей право-производящія силы, является недостаточнымъ на томъ основаніи, что правовѣдѣніе занимается не только силами, создающими право, но и самимъ правомъ, созданнымъ ими.

Вотъ въ краткихъ словахъ тѣ идеи, которыя проводилъ я въ своемъ сочиненіи и тѣ факты, которые я замѣтилъ при разсмотрѣніи современной нѣмецкой юридической литературы *по поводу* Штейна. Мнѣ было бы пріятно услышать мнѣніе ученыхъ специалистовъ о тѣхъ выводахъ, къ которымъ я пришелъ въ своемъ сочиненіи, для того, чтобы при обработкѣ политической и соціальной теоріи Штейна избѣжать возможныхъ недосмотровъ, недостатковъ. Что касается юридической теоріи, то здѣсь наши ожиданія отъ критики не оправдались. Рецензенты совмѣстно дошли только до 204 страницы (изъ 430 стр.) моего сочиненія. Объ остальной части сочиненія они заявили, что она «имѣетъ для меня лишь, такъ сказать, справочное значеніе» (стр. 237).

Мое сочиненіе носитъ заглавіе: «право *и* его содержаніе». Поэтому, удобнѣе всего начать съ замѣчанія гг. рецензентовъ, будто бы я не уяснилъ себѣ того, что Штейнъ считаетъ *содержаніемъ* права (der Inhalt des Rechts). Гг. рецензенты говорятъ: «ясно, что подъ содержаніемъ права Штейнъ разумѣетъ тѣ жизненныя силы, которыя его производятъ, жизненныя отношенія, а не объекты юридическихъ опредѣленій. Послѣдніе представляютъ собою право, уже развившееся изъ жизненныхъ силъ». «У Штейна въ учебникахъ (многотомныхъ) показано, какъ изъ жизненныхъ отношеній возникаютъ *юридическія нормы*, составляющія *объекты*

юридическихъ опредѣленій, которыя г. Чижовъ принялъ за содержаніе права» (стр. 240; курсивъ принадлежитъ мнѣ).

Рецензенты вывели это мнѣніе изъ чтенія примѣч. № 2, помѣщеннаго на стр. 3 моего сочиненія (гдѣ мимоходомъ я упоминаю о содержаніи права). Но вопросъ о томъ, что̀ такое содержаніе права, изложенъ у меня не только на 2—3 стр., но и на другихъ, которыя нельзя упускать изъ виду, если желательно понять Штейна хотя бы въ изложеніи Чижова. На стр. 44 и 45 и въ примѣч. 86 мною показано, что подъ содержаніемъ права Штейнъ понимаетъ именно *объекты* юридическихъ опредѣленій и что объекты юридическихъ опредѣленій не составляютъ *юридическихъ нормъ*, права, какъ утверждаютъ гг. рецензенты.

На этихъ страницахъ ясно указано, что Штейнъ подъ содержаніемъ права разумѣетъ все, что обнимается юридическою нормою, правомъ (напримѣръ, благо, честь, капиталъ, государственное управленіе и т. п. жизненныя явленія); а что̀ право обнимаетъ, то оно опредѣляетъ, что же опредѣляетъ, то составляетъ объектъ опредѣленій. Значитъ, содержаніе права, по Штейну, нужно понимать не такъ, какъ утверждаютъ гг. рецензенты, а какъ понимаетъ самъ Штейнъ, который говоритъ:

„Niemandem fällt es auf, dass wir von einem Recht *des* Eigenthums, *des* Besitzes, *des* Pfandes, *des* Vertrages, *des* Irrthums—dass wir von einem Recht *der* Familie, *der* Staats, *der* Verwaltung und so fort reden. *Ist* nun das Eigenthum, der Besitz, der Irrthum, — oder *ist* der Staat und *ist* die Verfassung und Verwaltung, ein Recht, oder *haben* sie ein Recht? Es ist gewiss, dass eigentlich nur das letzere genau der Sache entspricht. Ich sage sogar unbedenklich, dass ich ein Recht *auf* das Eigenthum, *auf* die Folgen des Irrthums, *auf* die Verfassung, *auf* die Akte der Verwaltung habe. Das Recht ist nach der Sprache mein; das, *worauf* ich ein Recht habe, oder *woraus* mein Recht ensteht—das *Object*, Eigenthum, Besitz, Zahlung oder die Bestimmungen der Verfassung, oder die Pflicht der Verwaltung—ist ausser mir, und ich soll es erst vermöge des Rechts erhalten. Kann ich mir die vernünftige Weise auch nur vorstellen, dass das, worauf oder wodurch ich ein Recht habe, dieses Recht selber sei? Es ist wohl kein Zweifel, dieses *Object*, oder besser dieser Inhalt des Rechts ist überhaupt *kein Recht*, sondern etwas für sich Seiendes, und das „Recht" dieses Jnhalts, das Recht *des* Eigenthums, *des* Irrthums, *der* Familie, der Post oder der Wege, ist ganz etwas anderes — es bezeichnet, so wie ich es für sich betrachte, nur ein bestimmtes *Verhältniss* der ersteren zu einer bestimmten Persönlichkeit. Das steht wohl fest". (Gegenwart, стр. 90 91).

На стр. 140 у меня сказано: первый моментъ системы гражданскаго права есть лицо, второй—капиталъ, третій—оборотъ, четвертый—бракъ и семейство, пятый—смерть. Въ силу своей природы, говоритъ Штейнъ, всѣ эти моменты дѣйствуютъ, какъ хозяйственныя, такъ и общественныя *силы* (als wirthschaftliche und selbst als gesellschaftliche *Kräfte*); они станутъ юридическими понятіями, если ихъ разсматривать факторами и

условіями капитало-образованія по отношенію къ другимъ (Gegenwart, 97, 225).

Основная идея Штейна объ отношеніи права къ его содержанію состоитъ въ слѣдующемъ.

Право есть граница самостоятельности одной личности по отношенію къ другой; святость ихъ — принципъ права (Gegenwart, 93). Каждое понятіе и явленіе личной жизни должно быть опредѣлено по отношенію къ волѣ и дѣянію другаго лица—оно должно быть *формулировано*. Чрезъ формулированіе жизненное понятіе, какъ-то: благо, трудъ, собственность, устройство, управленіе... становятся *содержаніемъ* права, которое (т. е. содержаніе), не будучи правомъ, требуетъ, производитъ и измѣняетъ право. Это содержаніе права, напр., собственность, измѣняется по законамъ, независимымъ отъ права. Измѣненіе собственности, капитала и т. д., совершающееся по экономическимъ законамъ, измѣняетъ и право, ее опредѣляющее, потому что право, какъ говоритъ самъ Штейнъ, folgt nur wie die Gränze dem Körper der sich bildet und gestaltet (Geg. 97. См. мое сочиненіе: Энц. и философія права въ герм. унив., стр. 58, примѣч. 1). Вотъ это-то содержаніе и представляетъ собою тѣ *силы*, которыя производятъ право. Теперь для того, чтобы уяснить процессъ вліянія жизненнаго понятія, жизненнаго *содержанія* права (напримѣръ, собственности) на самое *право* собственности, Штейнъ и говоритъ, что нужно познать эту хозяйственную *силу* (собственность), развивающую и измѣняющую право, нужно изучить этотъ *объектъ*, опредѣляемый юридическою нормою. Изъ приведеннаго выше изложенія ясно, что гг. рецензенты неправильно представляютъ себѣ основной вопросъ въ ученіи Штейна объ отношеніи между правомъ и его содержаніемъ. И сколько бы ни утверждали, что *собственность* (какъ объектъ юридическаго опредѣленія) *есть* «самое *право* собственности», есть «юридическая норма», что «фактическія отношенія суть юридическія нормы», такое утвержденіе не выдержитъ критики юриста.

Доказавъ, такимъ образомъ, что «содержаніе права, по Штейну, есть самое право», что «объекты юридическихъ опредѣленій суть юридическія нормы», гг. рецензенты переходятъ къ указанію на дальнѣйшее непониманіе мною Штейна. Для примѣра берутъ слово: *die Gemeinschaft*, которое у меня передается словомъ: общеніе, совмѣстная жизнь, въ противоположность *die Gesellschaft* — общество.

Гг. рецензенты говорятъ: «на стр. 19 г. Чижовъ пишетъ: «совмѣстная жизнь (die Gemeinschaft) отличается отъ жизни индивида тѣмъ, что она превращаетъ самостоятельность индивида въ одинъ изъ своихъ моментовъ». Фраза эта не имѣетъ смысла, потому что г. Чижовъ не желаетъ знать, что *die Gemeinschaft* означаетъ «общество» (стр. 245). «Насколько важна эта ошибка, продолжаютъ мои критики, въ переводѣ слова Gemeinschaft, едва ли нужно говорить. У г. Чижова на рядѣ страницъ говорится о «совмѣстной жизни людей» вмѣсто «общества», «со-

вмѣстная *жизнь*» становится у него «юридической личностью» (стр. 19), возвышается «до личности» (46) и т. д. Смыслъ ученія Штейна вездѣ искаженъ. Г. Чижовъ не воспользовался даже здѣсь переводомъ г. Тарасова, у котораго эти слова переведены вѣрно» (стр. 245 и прим. 4).

Но гг. рецензенты ошибаются.

Понятіе «Gemeinschaft» (или das Gesammtleben, Verbindung oder Vereinigung der Einzelnen, Syst. II, 28, Vielheit der Einzelnen, Begriff der Gesellschaft, XIV) выясняется Штейномъ не только въ его сочиненіи Gegenwart, но и въ другихъ его трудахъ, а именно—System der Staatwissenschaft и Begriff der Gesellschaft, гдѣ вопросъ объ отношеніи совмѣстной жизни, общенія къ обществу, Gemeinschaft къ Gesellschaft обстоятельно разобранъ, а также въ Verwaltungslehre.

У Штейна, какъ всѣмъ извѣстно, жизнь личности есть исходный пунктъ образованія всѣхъ соединеній людей. Личное существованіе содержитъ двѣ области: *бытіе* (das Sein) и *дѣяніе* (die That) личности. Первое представляетъ, если можно такъ выразиться, состояніе личности въ покоѣ, а второе—самосознательное движеніе этого бытія, развитіе. *Бытіе* личности основывается на *das Wesen* der Persönlichkeit, на равной у *всѣхъ* сущности личности, дѣяніе личности покоится на способности личности къ постоянному развитію, на das *Werden;* вслѣдствіе этой способности личности къ развитію возникаютъ измѣненія, которыя претерпѣваетъ природа личности подъ вліяніемъ внѣ ея лежащихъ силъ. Словомъ говоря, въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ личностью an sich, а въ во второмъ — съ личностью дѣйствительною, вступившею въ реальный міръ.

На возможности *представить себѣ* отдѣльно эти состоянія личности, по Штейну, зиждется какъ особенность содержанія отдѣльныхъ областей человѣческой жизни, такъ и особенность вѣтвей человѣческаго знанія.

На *бытіи* (das Sein) личности основывается *die Gemeinschaft* — совмѣстная жизнь, общеніе, подъ которымъ Штейнъ разумѣетъ общую форму совмѣстной жизни людей, обнимающую всѣ виды человѣческихъ соединеній. Въ доказательство, что это такъ, я приведу слова самого Штейна. На стр. 111 соч. Gegenwart... мы читаемъ: «Diese Gemeinschaft ist zuerst allerdings eine natürliche Thatsache in *der Familie;* dann wird sie zu einem Produkt der thätigen Willens der Einzelnen in *Gesellschaft* und *Verein*; dann endlich erhebt sie sich zur selbstbestimmten Persönlichkeit in Wille und That als *Staat*». На стр. XXXI сочиненія Begriff der Gesellschaft находимъ: «*Staat* und *Gesellschaft*.... sind die *beiden Lebenselemente aller menschlichen Gemeinschaft*».

Основываясь на органическомъ *бытіи* личности, которое вытекаетъ изъ всегда равной сущности личности, совмѣстная жизнь, общеніе является соединеніемъ равныхъ, самостоятельныхъ и свободно опредѣляющихся личностей. Въ этой формѣ совмѣстной жизни людей развивается и *общество* — die Gesellschaft, благодаря экономическому закону раздѣленія

владѣнія между людьми. Основаніемъ общества у Штейна является *die That* — дѣяніе личности, какъ выраженіе способности ея къ развитію. Дѣяніе, по Штейну, есть первоисточникъ всякой жизни, которая состоитъ въ подчиненіи личному самоопредѣленію внѣшняго міра (Syst. I. 5, 7, 11—14. Begr. XVI, Drei Fragen... 15, 16). При подчиненіи личностью посредствомъ дѣянія внѣшняго міра оказывается, что личныя силы людей различны, вслѣдствіе чего количество и качество пріобрѣтенныхъ личностью благъ является неодинаковымъ, а обладаніе неодинаковымъ количествомъ пріобрѣтенныхъ благъ (матеріальныхъ и духовныхъ) порождаетъ различія между людьми, которое изъ фактическаго, хозяйственнаго становится юридическимъ неравенствомъ лицъ, при чемъ владѣющіе большимъ количествомъ благъ подчиняютъ себѣ менѣе владѣющихъ и господствуютъ надъ послѣдними. Изъ Gemeinschaft — совмѣстной жизни образуется Gesellschaft—общество, изъ общаго типа совмѣстной жизни людей—особенный тогда, когда вслѣдствіе неодинаковаго распредѣленія личныхъ, хозяйственныхъ и духовныхъ благъ между индивидами возникаетъ подчиненіе однихъ другимъ. Общество, такимъ образомъ, представляетъ систему зависимости однихъ отъ другихъ, основанную на неодинаковомъ раздѣленіи владѣнія. Такимъ образомъ, совмѣстная жизнь есть единство равныхъ по своей сущности личностей, а общество является въ ней организаціей неравенства личностей, развившейся изъ дѣянія личности. Но подчиняя себѣ внѣшній міръ, естественное бытіе (благо), личность сама ему подчинилась, такъ какъ добытое во внѣшнемъ мірѣ (благо) обусловило существованіе личности въ обществѣ.

Хотя *бытіе* (das Sein) личности можно *представить* отдѣльно отъ ея *дѣянія* (die That), тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, они не существуютъ разъединенными другъ отъ друга, и оба входятъ въ совмѣстную жизнь, при чемъ бытіе личности является основаніемъ *личнаго* элемента совмѣстной жизни, а дѣяніе—*естественнаго* (блага). Такъ что, совмѣстная жизнь (die Gemeinschaft) обнимаетъ множество (Viellheit) лицъ, равныхъ по сущности, но неравныхъ въ дѣйствительности. Представителемъ равенства лицъ, личнаго элемента совмѣстной жизни, является *государство* (der Staat ist die persönliche Gemeinschaft der Menchen, Begr. XVII), а на естественномъ элементѣ совмѣстной жизни, создавшемъ систему зависимости и неравенства лицъ, образуется *общество* (die Gesellschaft). Поэтому, государство и общество суть два жизненные элемента совмѣстной жизни (ibid. XXXI).

Послѣднее то есть общество есть общеніе людей, не возвысившееся до самоопредѣляющейся личности: оно безлично. Только Gemeinschaft по своей сущности, въ своемъ личномъ элементѣ, можетъ стать *юридическою* личностью и обратиться, такимъ образомъ, въ государство. Вотъ почему Штейнъ и опредѣляетъ государство, какъ общежитіе людей (Gemeinschaft), возвысившееся до самостоятельной личности. Штейнъ самъ говоритъ:... «Die letztere (die Gemeinschaft) ihrem eigenen

Inhalt nach sellbt schon ein *persönliches* Verhältniss, dessen Elemente das Ich, der Wille und die That schon durch seinen Begriff in ihm enthalten sind. Allein wie alles persönliche Leben ist auch dieses ein werdendes; diess Werden zur höchsten persönlichen Selbstbestimmung erscheint in verschiedenen Stufen u. s. w». (Gegenw., 129). А между тѣмъ гг. рецензенты удивляются, что вслѣдствіе непониманія г. Чижовымъ слова «Gemeinshaft» говорится, «что совмѣстная жизнь становится юридическою личностью», возвышается до личности и т. д. (ссылки на стр. 19, 46).

Далѣе, общество у Штейна представляетъ противорѣчіе принципу самостоятельности, равенству, свободы личности, а совмѣстная жизнь— die Gemeinschaft уничтожаетъ это противорѣчіе, обратившись въ государство (Geg. 104, Syst. II, 26. Begr. XIII). Наконецъ, область совмѣстной жизни людей у Штейна есть область *публичнаго права*, область права совмѣстной жизни людей (öffentliches Recht, Gemeinschaftssrecht), а общество входитъ въ *общественное* право (das gesellschaftliche Recht). Мнѣ кажется ясно, что у Штейна слово «общество» (Gesellschaft) имѣетъ специфическое значеніе въ противоположность общенію, совмѣстной жизни (die Gemeinschaft); эти два понятія такъ же противоположны между собою, какъ противоположно das Sein und die That der Persönlichkeit, какъ равенство противоположно различію лицъ.

Гг. рецензенты заявляютъ, «что г. Чижовъ даже не воспользовался переводомъ г. Тарасова, у котораго die Gemeinschaft переведено вѣрно» (стр. 250, примѣч. 4). На самомъ же дѣлѣ критики только сличаютъ первыя слова §§ моего сочиненія съ соотвѣтствующими §§ г. Тарасова, переводящаго ученіе Штейна въ томъ же порядкѣ, какъ и я, потому что у насъ у обоихъ для перевода было одно и то же сочиненіе Штейна «Verwaltungslehre» (1—VIII Bd.).

Воспользуемся совѣтомъ гг. рецензентовъ и обратимся къ переводу г. Тарасова. Вотъ что г. Тарасовъ говоритъ на стр. 128, № 3, «Кіев. Унив. Изв.», 1874, передавая слово Gemeinschaft: «государство есть общество (общность)»... «Чтобы не затемнить терминологію, продолжаетъ тотъ же г. Тарасовъ, я помѣстилъ со словомъ «общество»—«общность», потому что слову «общество» (Gesellschaft) Штейнъ придаетъ совсѣмъ другое значеніе, общностью же (Gemeinschaft) онъ называетъ всѣ вообще формы общежитія—всякую совокупность лицъ». Слѣдовательно, г. Тарасовъ какъ разъ говоритъ не о томъ, на что обращали мое вниманіе гг. рецензенты.

Не довольствуясь этимъ, обратимся къ тѣмъ изъ русскихъ ученыхъ, которые спеціально занимались Штейномъ. Проф. *Андреевскій* die Gemeinschaft передаетъ — общеніе (стр. 3, 516), проф. *Блокъ* — единеніе людей, общежитіе (сочиненія указаны въ моемъ трудѣ, стр. 412—413), проф. *Ворошиловъ*—единство людей (стр. 403), проф. *Сергѣевичъ* — общеніе отдѣльныхъ личностей, общеніе людей (стр. 114) и т. д., и никто изъ нихъ не переводитъ die Gemeinschaft—общество.

Итакъ, въ чемъ же мои искаженія Штейна?

Допустимъ, что гг. рецензенты правильно понимаютъ, что̀ значитъ die Gemeinschaft у Штейна. Будемъ переводить этотъ терминъ словомъ *«общество»*.

Штейнъ въ оригиналѣ.	**Штейнъ, истолкованный гг. рецензентами.**
Staat und *Gesellschaft* bilden ihrem innersten Wesen nach nicht blos zwei verschiedene Gestaltungen des menschlichen Daseyns, sondern sie sind eben die *beiden Lebenselemente aller menschlichen Gemeinschaft.* (Begriff, XXXI).	*Государство* и *общество*... суть два жизненныхъ элемента *общества*.
Die Grundlage *der Gesellschaft* ist der Begriff der menschlichen *Gemeinschaft,* welche die Gesammtheit aller Einzelnen als gleichberechtigter und gleichbestimmter Persönlichkeiten enthält (Handbuch, 1-te Aufl. Dritter Theil, стр. 393; рус. пер. 516 стр.).	Основа *общества* есть понятіе человѣческаго *общества*, которое заключаетъ въ себѣ совокупность всѣхъ индивидовъ, какъ личностей равноправныхъ и имѣющихъ одинаковое назначеніе.
Aus der menschlichen *Gemeinschaft* geht die menschliche *Gesellschaft* hervor u. s. w. (ibid.).	Изъ человѣческаго *общества* вытекаетъ человѣческое *общество* и т. д.
... es ist wahr, dass diese beiden Pole, der Staat und die *Gesellschaft*, das Leben der menschlichen *Gemeinschaft* bilden... (Begr. XLIII).	Несомнѣнно, что эти два полюса— государство и *общество* — образуютъ жизнь человѣческаго *общества*.

Перехожу къ взгляду гг. рецензентовъ на то, какъ слѣдовало бы мнѣ излагать «право и его содержаніе по ученію Лоренца фонъ-Штейна» и къ замѣчанію о томъ, будто бы я не понялъ отношенія между правомъ и неправомъ.

Гг. Нечаевъ и Ланге пишутъ: «просматривая книгу г. Чижова, судя по заглавію нужно было бы думать, что ея задачей является уясненіе общефилософскаго ученія Штейна о правѣ и его содержаніи». «Рѣчь должна идти здѣсь, по мнѣнію гг. рецензентовъ, обыкновенно о понятіи права въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ, о дѣленіи права на публичное и частное и т. д. Иную систему нельзя и придумать, такъ какъ всѣ (?) спорные вопросы до сихъ поръ пріурочивались къ ней. Читатель не найдетъ въ книгѣ г. Чижова вообще ни одной рубрики, посвященной ученію о правѣ и его содержаніи» (стр. 237).

Почему гг. рецензенты не могутъ придумать другой системы изложенія, чѣмъ ту, которую они рекомендуютъ мнѣ и къ которой будто бы «пріурочивались всѣ спорные до сихъ поръ вопросы», этого я не знаю. Гг. рецензенты игнорируютъ, что Штейнъ имѣлъ въ виду не исключительно общую часть *гражданскаго права*, а всѣ области права,

а поэтому система рецензентовъ не приложима къ изложенію политико-юридической теоріи Штейна. Въ сущности, даже со стороны самихъ гг. рецензентовъ, ихъ система не нужна, такъ какъ обстоятельно ознакомиться съ юридическими и политическими ученіями Штейна можно и при разсмотрѣніи права съ государствомъ, какъ предметовъ правовѣдѣнія, государствовѣдѣнія и философіи права, что мною и сдѣлано было [2]).

Выбирая отдѣльныя фразы изъ разныхъ мѣстъ, ничѣмъ не связанныя между собою и сами по себѣ не имѣющія значенія, напр., «подъ системой министерствъ мы понимаемъ раздѣленіе всей области управленія на отдѣльныя министерства (стр. 76), генеральный штабъ есть административный организмъ въ войскѣ и арміи» (102) и т. д., гг. рецензенты пропустили въ моемъ сочиненіи изложеніе ученія Штейна о правѣ и увѣряютъ, «что вопросъ о понятіи права затрогивается лишь мимоходомъ», что я предложилъ вмѣсто ученія *о правѣ* ученіе *«о мѣстѣ»* занимаемомъ разными науками въ системѣ человѣческаго знанія» (стр. 238, 239). По поводу этого, я считаю нужнымъ замѣтить, что опредѣленіе *мѣста*, занимаемаго государствовѣдѣніемъ и правовѣдѣніемъ въ общемъ научномъ организмѣ, у меня находится на стр. 5—14; затѣмъ изложены: ученіе о правѣ и его системѣ съ философской стороны (стр. 14 и слѣд.), область науки о государствѣ, какъ сфера правопроизводящихъ силъ (стр. 21 и слѣд.), область науки права, въ которой опредѣлена природа права и его вѣтви: общественное, публичное право и частное право (стр. 44—154). Такъ какъ гг. рецензенты не нашли въ моемъ изложеніи понятія о правѣ Штейна, то я укажу, что оно выяснено на стр. 14, 44, 45, 47, 49 и на множествѣ другихъ страницъ. Больше понятій о правѣ извлечь изъ сочиненій Штейна было нельзя, а такъ какъ я излагалъ Штейна по Штейну, то не считалъ себя вправѣ пополнять Штейна не затронутыми имъ ученіями.

Не болѣе справедливъ такъ же упрекъ, будто бы вмѣсто ученія о *правѣ* я предложилъ ученіе о *мѣстѣ*, занимаемомъ государствовѣдѣніемъ и правовѣдѣніемъ въ научномъ организмѣ. И этотъ упрекъ меня особенно поражаетъ въ виду замѣчаній самихъ же гг. рецензентовъ. Въ своей замѣткѣ на мое сочиненіе они говорятъ слѣдующее: «первая часть изложенія ученія Штейна у Чижова есть просто переводъ, иногда сокращенный... сочиненія Штейна Gegenwart»... «Въ Gegenwart und Zukunft Штейна

---

2) Систему гг. рецензентовъ я не встрѣчалъ почти ни у одного писателя, излагавшаго право или государство по какому-либо мыслителю. Возьмемъ для примѣра диссертацію *Карасевича:* „Право, мораль и государство по ученію Гербарта“. Въ этой диссертаціи нѣтъ совершенно рѣчи о правѣ въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ, о правоспособности и дѣеспособности лицъ, о вліяніи пола на правоспособность лица и т. п., а въ ней излагается значеніе философіи, ея раздѣленіе, практическія идеи и т. д., согласно съ порядкомъ Гербарта, точно такъ, какъ у меня удержанъ планъ самого Штейна.

есть несомнѣнно блестяще имъ самимъ сдѣланное изложеніе своего ученія о правѣ и его содержаніи и для г. Чижова было бы разумѣется не простительно, если бы онъ имъ не воспользовался» (стр. 238).

Спрашивается: какъ же это такъ вышло у гг. рецензентовъ, что я, давая переводъ сочиненія Штейна «Gegenwart», *гдѣ блестяще сдѣлано Штейномъ изложеніе своего ученія о правѣ* и его содержаніи, вмѣсто ученія о *правѣ* представилъ ученіе о «*мѣстѣ*», занимаемомъ правовѣдѣніемъ и государствовѣдѣніемъ въ общемъ научномъ организмѣ? Мнѣ кажется, если я далъ переводъ сочиненія Штейна Gegenwart, слѣдовательно, переводъ блестящаго Штейновскаго изложенія о правѣ, то тѣмъ самымъ уже, значитъ, я далъ обстоятельное изложеніе ученія Штейна о правѣ, и о замѣнѣ ученія о правѣ ученіемъ о «мѣстѣ» государствовѣдѣнія и правовѣдѣнія въ научномъ организмѣ едва ли можетъ быть и рѣчь. Очевидно изъ сказаннаго, что гг. рецензенты встали въ противорѣчіе сами съ собой.

Перехожу еще къ одному возраженію гг. рецензентовъ. Гг. рецензенты говорятъ: «г. Чижовъ не выяснилъ себѣ самой существенной стороны въ Штейновскомъ ученіи о *правѣ* и *неправдѣ*. Неправда, по мнѣнію гг. рецензентовъ, получается изъ столкновенія *воли*, не могущей не признать личности въ другомъ по самому существу, и *дѣянія*, обращающаго личность въ фактъ; отсюда противорѣчіе дѣятельной воли съ самой собой, т. е. неправда» (стр. 245, 246).

Такимъ образомъ, по мнѣнію рецензентовъ, неправо (а не неправда, какъ они утверждаютъ) есть результатъ внутренняго разногласія между волей и дѣяніемъ.

Чтобы уяснить вопросъ о томъ, что Штейнъ понимаетъ подъ *неправомъ* (Unrecht), слѣдуетъ коснуться понятія права по Штейну.

Каждый индивидъ, по Штейну, долженъ быть самостоятельной личностью, въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы личностью, а простымъ естественнымъ фактомъ (ein Stück des natürlichen Dasein). Чѣмъ я долженъ быть для себя, тѣмъ долженъ быть для меня и другой равный мнѣ. Если я своею волей и дѣяніемъ или, точнѣе, волею превратившеюся въ дѣяніе, отрицаю святость и ненарушимость личности въ другомъ, то тѣмъ самымъ я отрицаю свою собственную личность (Gegenw. 93). Въ этомъ случаѣ, мое дѣяніе, чрезъ отрицаніе личности въ другомъ, и отрицаетъ мою собственную личность и, такимъ образомъ, я становлюсь въ противорѣчіе съ самимъ собою (я считаю личность вообще не тѣмъ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ).

На признаніи ненарушимости одной личности по отношенію къ волѣ и дѣянію другой покоится *право*, которое по своему высшему принципу, говоритъ Штейнъ, есть святость и ненарушимость жизненной сферы другаго по отношенію къ моимъ волѣ и дѣянію (Syst. II, 222, Gegen. 93). Если я считаю другое лицо простымъ *фактомъ*, то тѣмъ самымъ не признаю другого за личность, хотя и долженъ былъ признавать его та-

ковою. А признавая другаго фактомъ, слѣдовательно, не личностью, я отрицаю и противорѣчу праву, требующему признанія этой личности,—я совершаю *неправо*. Такимъ образомъ, дѣяніе, нарушающее личность другаго, которая должна быть для каждаго ненарушимою, есть *неправо, злодѣяніе*. Неправо, у Штейна, входитъ въ область *уголовнаго* права. Система уголовнаго права есть система дѣянія, содержаніе котораго дается нарушеніемъ личности другаго (ср. Handbuch der Verwaltungslehre, 3-te Auf., стр. 364. См. въ книгѣ моей, примѣч. 29).

Такимъ образомъ, неправо возникаетъ не изъ противорѣчія воли съ дѣяніемъ, какъ утверждаютъ гг. рецензенты, а изъ нарушенія моимъ дѣяніемъ (волей, выразившейся во внѣ) неприкосновенности личности другаго, признанной правомъ и имѣющей быть ненарушимою.

Теперь перейдемъ къ тому, какъ гг. рецензенты знакомятъ читателя съ моимъ сочиненіемъ. Рецензія начинается словами: «врядъ-ли кому либо изъ русскихъ юристовъ не извѣстна исторія философіи права, хотя бы по *Чичерину*, или что имена Савиньи, Пухты, Іеринга съ ихъ ученіями для нихъ новость, по крайней мѣрѣ въ томъ объемѣ, въ которомъ г. Чижовъ излагаетъ ихъ ученія въ двухъ частяхъ. Мы думаемъ, поэтому, что и для г. Чижова эти отдѣлы имѣютъ лишь, такъ сказать, справочное значеніе» (стр. 236, 237).

Изъ изложеннаго выше содержанія моего сочиненія можно было убѣдиться, что *очеркъ* современной нѣмецкой юридической литературы (не только Савиньи, Пухты, Іеринга) далеко не имѣлъ для меня только справочное значеніе. Какъ изложеніе философскихъ системъ мнѣ необходимо было для указанія идей, на которыхъ сложилась юридическая теорія Штейна, такъ очеркъ современной нѣмецкой юридической литературы далъ мнѣ возможность указать на поворотъ въ нѣмецкой юридической литературѣ, состоящій въ отрѣшеніи юристовъ отъ субъективнаго фактора образованія права и въ переходѣ къ изученію объективныхъ условій созданія права. Въ современной юридической литературѣ мною указано развитіе въ юриспруденціи теоріи общественнаго интереса и превращеніе *догматическаго* направленія правовѣдѣнія, если можно выразиться, въ соціологическое. Мнѣ кажется, отмѣченные факты не дѣлаютъ мой *очеркъ* излишнимъ и несущественнымъ въ моемъ сочиненіи.

Послѣ Неволина никто еще не представлялъ у насъ изложенія ученій нѣмецкихъ ученыхъ о правѣ. Пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей наукѣ было одною изъ моихъ задачъ, что я и сдѣлалъ, но только въ *очеркѣ* нѣмецкой литературы и при томъ по поводу *юридической* теоріи Штейна.

Пусть гг. рецензенты укажутъ мнѣ въ русской юридической литературѣ сочиненіе, которое излагало бы современную нѣмецкую юридическую литературу въ томъ объемѣ, въ какомъ излагаю ее я, тогда я соглашусь съ ихъ словами, «что нѣмецкія ученія не новость, по крайней мѣрѣ въ томъ объемѣ, въ какомъ ихъ излагаетъ г. Чижовъ». На сколько

же мнѣ извѣстно, такого очерка и въ томъ объемѣ, какъ у меня, нѣтъ въ русской литературѣ.

Гг. рецензентамъ не нравятся слѣдующія слова моего сочиненія: «рѣшеніе затронутыхъ нами задачъ потребовало отъ насъ изученія всѣхъ его сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ праву» (стр. 2).

Гг. рецензенты утверждаютъ, что—не *всѣхъ* сочиненій, а только нѣкоторыхъ. Такъ, они говорятъ, что первая часть моего изложенія политико-юридической теоріи Штейна переведена изъ сочиненія Штейна «Gegenwart»...; другая — заимствована изъ учебника Штейна объ управленіи, переведеннаго проф. *Андреевскимъ* [3]) (при этомъ указывается, что хотя есть уже 3 изданіе этого учебника—три тома, тѣмъ не менѣе Чижовъ пользуется только *первымъ* изданіемъ, хотя на первомъ планѣ цитируетъ *третье*); третья часть ученія Штейна изложена у г. Чижова по сочиненію г. Тарасова «Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву» (1874 г.) (стр. 238, 239, 240). Словомъ, ученія Штейна, по словамъ гг. рецензентовъ, я списалъ изъ сочиненій Штейна же—то въ русскомъ переводѣ, то въ подлинникѣ.

Но можно ли передавать политико-юридическую теорію Штейна не переводя сочиненій Штейна или не пользуясь переводами его сочиненій, сдѣланными другими? Я даю отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Я считаю и буду считать, что, гдѣ нужно, всегда слѣдуетъ излагать мысли автора его же словами, т. е. переводить, что я и сдѣлалъ; пользованіе же русскими переводами сочиненій Штейна не только нельзя ставить кому либо въ вину, но даже я находилъ для себя необходимымъ это пользованіе для установленія единообразія терминологіи Штейна въ нашемъ языкѣ для лучшаго пониманія Штейна. На русскій переводъ «учебника» Штейна у меня вездѣ сдѣланы ссылки; что же касается того обстоятельства, что я пользовался при изложеніи политико-юридической теоріи Штейна переводомъ г. Тарасова сочиненія Штейна «Verwaltungslehre», то это обозначено мною на стр. 150, что и извѣстно самимъ гг. рецензентамъ (см. стр. 241). Какими же сочиненіями я пользовался при изложеніи политико-юридической теоріи Штейна, о томъ сказано на стр. VII и VIII моего сочиненія.

А что я читалъ не только тѣ три сочиненія Штейна, на которыя ссылаются гг. рецензенты, а всѣ относящіяся къ праву, то пусть читатель

---

[3]) Гг. рецензенты приводятъ даже два мѣста моего изложенія Штейна по переводу Андреевскаго, и говорятъ, что изложеніе г. Чижова идетъ буквально по русскому переводу (стр. 243). Рѣшительно не понимаю, къ чему понадобилось цитированное мною сочиненіе Штейна „Учебникъ объ управленіи“ сопоставлять съ моимъ изложеніемъ. Разъ я дѣлаю ссылку, что извѣстное мѣсто взято изъ рус. пер. Андреевскаго, то, мнѣ кажется, нужно было бы провѣрять не тождество, а несоотвѣтствіе моего текста съ переводомъ Андреевскаго.

судитъ по нижеслѣдующему. Такъ, вопреки увѣреніямъ гг. рецензентовъ, ученіе объ обществѣ и общественныхъ порядкахъ, кромѣ сочиненія «Gegenwart», у меня изложено по System der Staatswissenschaft, Begriff der Gesellschaft, Verwaltungslehre, Drei Fragen des Grundbesitzes (что у меня указано на стр. 23 и слѣд., гдѣ читатель найдетъ соотвѣтствующія ссылки на означенныя сочиненія, по которымъ я прошу провѣрить меня и тѣмъ раскрыть справедливость замѣчаній гг. рецензентовъ). Въ тѣхъ же сочиненіяхъ Штейна значительно подробнѣе изложено развитіе классовъ, чѣмъ въ Gegenwart (у меня стр. 34 и слѣд.); формы господства одного класса надъ другимъ изображены Штейномъ въ Begriff и System (у меня 37 и слѣд.); отношеніе матеріальнаго владѣнія къ духовному изложено только въ System (стр. 38); опредѣленіе отношенія между обществомъ и государствомъ, ихъ противорѣчіе и устраненіе этого противорѣчія можно найти только въ Begriff (у меня стр. 40 и слѣд.); ученіе о правѣ находится не только въ Gegenwart, но и въ V. L. (I, 1), Syst. II (стр. 44 и слѣд.), общественное право помѣщено только въ System (у меня 52 стр.), характеристическія черты публичнаго права и право управленія—не только въ учебникѣ Андреевскаго и въ V. L., но и въ Handbuch., 3-te Aufl. и т. д. и т. д.

Гг. рецензенты говорятъ, что я пользовался *исключительно первымъ* изданіемъ учебника Штейна объ управленіи, подставляя при этомъ цитаты изъ *третьяго* изданія этого учебника.

Посмотримъ, на сколько и въ этомъ случаѣ гг. рецензенты правы.

Въ моемъ сочиненіи читатель найдетъ такіе отдѣлы политико-юридической теоріи Штейна, которыхъ совершенно нѣтъ не только въ *первомъ* изд. учебника Штейна, но и во всѣхъ его сочиненіяхъ, а есть только въ *третьемъ* изданіи.

Такъ, въ *третьемъ* изд. Handbuch der Verwaltungslehre Штейнъ представилъ своеобразную систему права (право госуд. устройства, государственно-гражданское право (уголовное и гражданское право) и право государственнаго управленія), что у меня можно найти на стр. 13 примѣч. 26, на стр. 106 примѣч. 123-е и на что гг. рецензенты не пожелали обратить вниманія. Въ *третьемъ* изд. Handbuch Штейнъ *впервые* представилъ всѣ пять областей управленія, въ собственномъ смыслѣ: 1) управленіе международными отношеніями, 2) военное управленіе, 3) финансовое управленіе, 4) управленіе юридическою жизнью общества, 5) внутреннее управленіе; въ *первомъ* же изданіи учебника есть *только* внутреннее управленіе, а остальныхъ областей управленія нѣтъ. Вообще надо замѣтить, что до появленія въ свѣтъ Handbuch der Verwaltungslehre 3-te Aufl. (1888 г.) Штейнъ разработалъ только *три* области управленія: военное, финансовое и внутреннее, такъ что управленіе международными сношеніями и юридическою жизнью общества мною *впервые* сдѣлано въ русской литературѣ (см. книгу стр. 95 и слѣд., стр. 106 и слѣд.).

Изъ вышеизложеннаго читатель легко можетъ убѣдиться, что упрекъ,

дѣлаемый мнѣ гг. рецензентами въ подтасовкѣ цитатъ, едва ли имѣетъ какое либо основаніе.

Далѣе, коснемся обвиненія, взводимаго на меня гг. рецензентами въ томъ, что *порядокъ* моего изложенія ученія Штейна объ управленіи совпадаетъ съ изложеніемъ г. Тарасова. Отсюда гг. рецензенты выводятъ заключеніе, что я предлагаю не результатъ своихъ собственныхъ розысканій въ области сочиненій Штейна, а лишь то, что уже розыскано г. Тарасовымъ (стр. 242). Дѣйствительно, у г. Тарасова и у меня, при изложеніи ученія Штейна объ управленіи, было подъ руками одно и то же сочиненіе Штейна—die Verwaltungslehre. И излагая ученіе Штейна объ управленіи, г. Тарасовъ не дѣлаетъ никакихъ «розысканій», открытій, а только передаетъ изъ сочиненія Штейна то, что, по его мнѣнію, казалось заслуживающимъ вниманія, и притомъ слѣдуетъ порядку самого Штейна. Передавая ученіе Штейна о томъ же предметѣ, о которомъ говоритъ г. Тарасовъ, и я не могъ иначе поступить, какъ излагать мысли Штейна по системѣ Штейна. Отсюда—совпаденіе порядка моего изложенія ученія Штейна объ управленіи съ порядкомъ изложенія г. Тарасова. Едва ли бы было цѣлесообразно, изъ стремленія къ оригинальности и нежеланія совпаденій порядка моего изложенія съ изложеніемъ г. Тарасова, мнѣ начинать съ 8 т. V. L., а не съ 1,—съ конца каждаго тома, а не съ начала, и въ иномъ порядкѣ, чѣмъ Штейнъ. Или же, если Штейнъ считаетъ четыре органа исполнительной власти: верховнаго главу государства, правительство, самоуправленіе и личные союзы, то уже ли мнѣ разсматривать ихъ въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ Штейнъ, только потому, чтобы не было совпаденія порядка моего изложенія съ порядкомъ г. Тарасова? А гг. рецензенты этого и требуютъ (см. стр. 241).

Гг. рецензенты говорятъ, что у меня замѣчается не только послѣдовательное совпаденіе порядка изложенія ученія Штейна объ управленіи съ изложеніемъ г. Тарасова, но и «послѣдовательное сходство цитатъ изъ Verwaltungslehre I, I, 1» (стр. 241) (вѣроятно, I, 1?).

На сколько основательны доводы въ этомъ случаѣ гг. рецензентовъ, не трудно убѣдиться изъ сопоставленія цитатъ г. Тарасова и моихъ:

г. Тарасовъ.	**Чижовъ.**
V. L. I. 1. *Органы исполнительной власти.* § 5. Стр. 129—133, 135, 204—231, 124, 126 и слѣд.	V. L. I. 1. *Органы исполнительной власти.* (у меня стр. 64 и слѣд.) Стр. 121 — 126, II Bd. V. L. стр. 4, 5. Lehrbuch der Finanzw. I, стр. 9—11.
г. Тарасовъ.	**Чижовъ.**
Конституціонное право правительства. §§ 6—12. V. L: I. 1. Стр. 169, 117, 180, 269, 277, 284,	*Конституціонное право правительства* (стр. 66 и слѣд.). V. L. I. 1. Стр. 138, 139, 147—151, 171, 172,

281, 302 flg., 329, 358 и слѣд. 405—408.

177, Heerwesen, 4. V. L. I. i: 180—186, 197, 198, 204 — 207, 216, 217, 223 — 226, 253, 236, 239, 240, 242, 244, 247, 248, 250, 255 — 257, 260, 265, 272, 274, 277, 280 (ср. V. 131), 295, 296, 299—304, 308, ср. 162, 357, 315—325, 330—334, 342, 345, 348 — 370, 382, 390, 403.

Чтобы доказать, что у меня нѣтъ «послѣдовательнаго совпаденія цитатъ съ цитатами г. Тарасова и въ слѣдующемъ томѣ Verwaltungslehre», я приведу опять фактическія данныя:

г. Тарасовъ.	Чижовъ.
§ 13, о *самоуправленіи.*	*О самоуправленіи* (стр. 83 и слѣд.)
V. L. I. 2.	V. L. I. 2.
Стр. 109 и слѣд., 119 — 124, 150, 151, 152, 312, 332, 333.	Стр. 5, 6—12, 24, 28, 32, 35, 38, 39, 42 — 43, 54, 55, 58, 59, 61, 64, 23, 109, 115, 117, 127 и слѣд., 128—132, 149 и слѣд., 152, 153, 182, 206 и слѣд., 306—307, 326, 339, 344, 345.

Разсмотримъ еще замѣчанія гг. рецензентовъ опять таки по поводу цитатъ.

Въ рѣдкомъ сочиненіи можно не встрѣтить опечатокъ, пропусковъ, недосмотровъ и т. п. провинностей. Отъ нихъ не избавилось и мое сочиненіе. Эти опечатки все таки дали гг. рецензентамъ основаніе заявить, что у меня указываются ссылки на такія страницы сочиненій Штейна, которыя не имѣютъ даже отдаленнаго сходства съ излагаемымъ (стр. 243—244). Такъ, на стр. 3 въ примѣч. у меня есть ссылка на сочиненіе Штейна System der Staatswiss., гдѣ вмѣсто стр. 222 напечатана стр. 218; на стр. 10 въ примѣч. 19 вмѣсто Verwaltungslehre I, ¹, 21, 22 напечатано V. L. V, 121, 122, и вотъ, воспользовавшись этими опечатками и еще опечаткой wirklich—дѣйствующій, вмѣсто *дѣйствительный*, гг. рецензенты заявляютъ, что я подбираю ни къ чему не относящіяся ссылки на сочиненія Штейна. Читатель легко пойметъ, что если бы гг. рецензенты читали у Штейна только не то мѣсто, на которое у меня есть ссылка, а цѣликомъ сочиненіе его System, то ясно увидѣли бы, что приводимыя мною мысли Штейна находятся на соотвѣтствующихъ страницахъ, т. е. вм. 218 на 222, вм. V, 121, 122—въ I, ¹, 21, 22 стр. Что же касается слова *wirklich*, то оно вездѣ передается мною словомъ *дѣйствительный* (см. стр. 9, 6, 12 и друг.) и только въ одномъ мѣстѣ я его перевожу дѣйствующій, что, очевидно, опять недосмотръ.

Это «wirklih» для меня теперь получило особый интересъ, въ виду его толкованія гг. рецензентами. Они утверждаютъ: «государствовѣдѣніе

занимается *дѣйствительнымъ* правомъ, тогда какъ области правовѣдѣнія подлежитъ лишь *дѣйствующее* право» (стр. 244, 245). Несостоятельность въ этомъ отношеніи толкованія гг. рецензентами Штейна я докажу словами самого Штейна. Вотъ что онъ говоритъ: «die Staatswissenschaft ist Wissenschaft der rechtsbildende Kräfte» (Gegenw. 322). Wenn ich nun diese Gesammtheit von *geltenden* Rechtbestimmungen (Rechtssätzen) als Gegenstand der objectiven Kenntniss irgendwie und irgendwo zusammenfasse, so ensteht das, was wir die *Rechtskunde* nennen» (ibid., стр. 11, 12). По мнѣнію Штейна, то учебное заведеніе, въ которомъ изучаютъ только дѣйствующее право (geltende Rechtssätze), слѣдовательно, въ которомъ процвѣтаетъ Rechtskunde—законоискусство, какъ выражался блаженной памяти Горюшкинъ, не достойно имени ни факультета, ни университета (Ibid., стр. 13). Штейнъ даетъ даже слишкомъ обширное опредѣленіе правовѣдѣнію и, какъ я замѣтилъ въ сочиненіи (примѣч. 24), этимъ опредѣленіемъ перешелъ границу, отдѣляющую государствовѣдѣніе отъ правовѣдѣнія. Штейнъ говоритъ, что правовѣдѣніе должно раздѣлять ученіе о правопроизводящихъ силахъ отъ образованнаго ими права (Geg., 102, 103), и должно стоять выше простаго знанія дѣйствующаго права (über dem Gebiet der Rechtskunde): die Wissenschaft des Rechts ist die der Kräfte, welche das Recht erzeugen (ib. 82, VII).

Для оцѣнки философскихъ ученій, изложенныхъ у меня въ книгѣ, гг. рецензенты ограничились 163—186 стр. моего сочиненія, т. е. коснулись писателей начиная съ Гуго Гроція и кончая Фихте, которые приведены мною съ спеціальною цѣлью указать на тотъ фактъ, что философская сторона юридической теоріи Штейна есть результатъ вліянія на Штейна этихъ мыслителей. Этою спеціальною цѣлью объясняется и объемъ изложенія ученій этихъ философовъ.

Признаюсь, если бы я совершенно выкинулъ Г. Гроція, Пуфендорфа, Томазія, Гоббса, Спинозу, то мое сочиненіе ничего не потеряло бы въ научномъ отношеніи. Для меня было бы достаточно одного упоминанія о Кантѣ и Гегелѣ, изъ которыхъ первый вліялъ на опредѣленіе права Штейна, а второй—указалъ ему методу. Такъ что и рецензентамъ не стоило бы слишкомъ долго останавливаться на означенныхъ старыхъ философахъ, т. е. они должны были различать въ *очеркѣ* литературы существенное и не существенное.

Но разъ гг. рецензенты уже занялись моимъ изложеніемъ мыслителей, начиная съ Г. Гроція и кончая Фихте, то я не считаю себя вправѣ пройти мимо ихъ замѣчаній.

Не обращая вниманія на спеціальную цѣль моего сочиненія, гг. рецензенты поражаются нѣкоторыми пробѣлами онаго и говорятъ: «проф. Чижовъ счелъ возможнымъ ни словомъ не упомянуть ни о родоначальникѣ (?) новыхъ понятій о государствѣ—Макіавелли, ни о Боденѣ, ни о Мильтонѣ, ни о Локкѣ; о Руссо онъ говоритъ только по поводу диссертаціи Sur l'origine de l'inégalité, а о Монтескье упоминаетъ только

въ одномъ коротенькомъ подстрочномъ примѣчаніи, между тѣмъ какъ Монтескье оказалъ несомнѣнное вліяніе на Штейна» (стр. 246).

Такъ какъ я писалъ *о правѣ,* а не о государствѣ по Штейну, то Макіавелли не имѣетъ для меня никакого значенія. Было бы вмѣстѣ съ тѣмъ очень интересно, если бы гг. рецензенты сами указали, какимъ образомъ Макіавелли вліялъ на *юридическую* теорію Штейна и привели бы основанія, почему Макіавелли, а въ томъ числѣ и другихъ указанныхъ ими авторовъ, нужно было мнѣ приводить въ сочиненіи. Что же касается Бодена, Мильтона, то о нихъ совсѣмъ не стоило упоминать, какъ о писателяхъ, не имѣвшихъ рѣшительно никакого вліянія на Штейна. Ужъ, если гг. рецензенты совѣтуютъ мнѣ излагать теорію Бодена и пр., то отчего же они пропустили, напримѣръ, Данте, Меланхтона, Ольдендорна, Винклера, Гемминга и друг., которыхъ можно было не мало заимствовать въ оглавленіи четырехъ томовъ сочиненія того же Чичерина и которые для Штейна ничего не значили. Про нихъ тоже гг. рецензенты, съ равнымъ правомъ, какъ и про Бодена, могли бы, пожалуй, сказать, что «они имѣли рѣшительное вліяніе на Штейна».

Увѣреніе гг. рецензентовъ, что «*Монтескье оказалъ несомнѣнное вліяніе на Штейна*», даетъ возможность думать, что они не имѣютъ свѣдѣній ни о Монтескье, ни о Штейнѣ, такъ какъ изъ сравненія ихъ сочиненій убѣдились бы, что Монтескье *совершенно* не вліялъ на *юридическую* теорію Штейна, а на политическую *почти* не вліялъ. Ужъ если нужно было говорить о французскихъ писателяхъ, вліявшихъ на Штейна, то мнѣ слѣдовало бы указать на французскихъ соціалистовъ и преимущественно на *Фурье,* но и о нихъ я не упомянулъ, потому что я считаю *ихъ* ученія болѣе важными для политической, а не юридической теоріи Штейна.

Доказавъ неполноту моего *очерка* юридической литературы, гг. рецензенты переходятъ къ подробностямъ. Останавливаются на Гоббсѣ, Томазіи, Спинозѣ, Кантѣ, Фихте.

Какъ извѣстно всѣмъ, школа естественнаго права явилась протестомъ противъ средневѣковыхъ ученій о правѣ и государствѣ, о принципахъ того и другаго. Если въ средніе вѣка утверждали, что естественное право есть выраженіе воли Божіей, то представители школы естественнаго права говорили, что основа права и государства не природа и свойства Бога, а свойства и разумъ человѣка (см. стр. 161 и слѣд.). Эти идеи были безспорно *либеральными* идеями сравнительно съ средневѣковыми. Поэтому, на стр. 164 я и сказалъ: «Потребность въ новыхъ основахъ общественной и юридической жизни, сообразныхъ съ новыми *либеральными* идеями, сказавшимися въ XVI ст., выразилъ въ Англіи Ѳома Гоббсъ, который стремился построить соціальный порядокъ на незыблемыхъ естественныхъ законахъ, покоющихся въ человѣческой природѣ».

Вотъ въ какомъ смыслѣ я назвалъ Гоббса выразителемъ либеральныхъ идей, и, какъ видно изъ самого у меня изложенія ученія Гоббса, вовсе

не считаю всѣ его политическія идеи либеральными. Выхвативъ отдѣльно вышеприведенную фразу, гг. рецензенты впали въ очевидную ошибку и стали увѣрять, что Гоббсъ цезаропапистъ и т. д. Изъ страницъ 161, 162 моего сочиненія, можно понять смыслъ употребляемыхъ мною выраженій.

Гг. рецензенты говорятъ, что я безразлично пользовался двумя сочиненіями Томазія: Institutiones jurisprudentiae divinae и Fundamenta juris. «Г. Чижову, продолжаютъ гг. рецензенты, повидимому неизвѣстно, что эти два сочиненія весьма другъ отъ друга отличны въ самыхъ основныхъ вопросахъ о природѣ права и соотвѣтствуютъ *разнымъ* ступенямъ въ развитіи самого Томазія» (стр. 246, 247). Но все это находится у Чичерина, во второмъ томѣ его исторіи политическихъ ученій, на стр. 230 и слѣд., гдѣ Чичеринъ прямо называетъ Fundamenta Томазія плодомъ *новаго* направленія сравнительно съ Institutiones.

Что два сочиненія Томазія не одно и то же сочиненіе, едва ли въ этомъ кто либо станетъ сомнѣваться. Но пользуясь ими *обоими,* я изложилъ ученіе Томазія о правѣ, различіе права отъ морали, о нравственной обязанности въ отличіе отъ юридической, объ естественномъ правѣ, неизмѣнномъ, познаваемомъ каждымъ изъ разума и т. д. Противорѣчій въ изложеніи Томазія у меня нѣтъ. Значитъ, пользованіе, хотя и двумя сочиненіями Томазія, не отразилось вредно на представленіи его ученія мною; а этого только я и желалъ.

Гг. рецензентамъ не нравится мое изложеніе Фихте («не ясно», говорятъ они) и требуютъ отъ меня, чтобъ, для уясненія *индивидуализма* Штейна, соприкасающагося съ *индивидуализмомъ* Фихте, я непремѣнно изложилъ сочиненія Фихте: «Der Geschlossene Handelsstaat» (1800), «Reden an die deutsche Nation» (1808), «System der Rechtslehre» (1812). «Между тѣмъ, говорятъ гг. рецензенты, именно эти сочиненія знаменуютъ появленіе трехъ (прибавлю отъ себя, для меня не имѣющихъ никакого значенія при опредѣленіи *юридической* теоріи Штейна) первостепенной важности идей новаго времени: идеи о нравственныхъ задачахъ государства, въ противоположность прежнему натуралистическому взгляду на него, идеи о національномъ государствѣ въ противоположность космополитическимъ теоріямъ предыдущихъ мыслителей и идеи государственнаго соціализма въ противоположность старому индивидуализму» (стр. 247). Гг. рецензенты не хотятъ обратить вниманія на то обстоятельство, что я, съ одной стороны, не излагаю *исторію философіи права,* а съ другой—изложеніе содержанія означенныхъ сочиненій нисколько не содѣйствовало бы уясненію индивидуалистическаго направленія Фихте, которое безспорно отразилось на Штейнѣ. Приведенный выше упрекъ невольно наводитъ на мысль, что гг. рецензентамъ хотѣлось указать на то, что они знаютъ о существованіи и другихъ сочиненій, кромѣ тѣхъ, которыя я цитирую. «Упустивъ все это изъ виду (т. е. означенныя выше сочиненія Фихте), продолжаютъ гг. рецензенты, г. Чи-

жовъ неудовлетворительно излагаетъ и ученіе (перваго періода) Фихте». Спрашивается, почему же? А потому, отвѣчаютъ гг. рецензенты, «что г. Чижовъ передаетъ это ученіе по двумъ сочиненіямъ: Grundlage des Naturrechts и System der Sittenlehre, при чемъ на стр. 185 считаетъ первое «дополненіемъ» второго, хотя оно въ дѣйствительности вышло двумя годами раньше и не замѣчаетъ, что между этими двумя сочиненіями есть весьма существенныя различія во взглядѣ на природу права» (стр. 247, 248).

Изъ этихъ замѣчаній видно, что, по мнѣнію гг. рецензентовъ, сочиненіе, вышедшее двумя годами раньше, не можетъ быть, въ извѣстномъ отношеніи, дополненіемъ сочиненія позднѣйшаго. Насколько эти мысли гг. рецензентовъ вѣрны, предоставляю судить читателю. Съ своей же стороны я замѣчу, что Фихте обращалъ на одни стороны права въ своемъ сочиненіи Grundlage des Natusrechts менѣе вниманія, чѣмъ въ System der Sittenlehre, а поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если я сказалъ, что послѣднее сочиненіе составляетъ «дополненіе» перваго. А что существенное различіе между этими сочиненіями имѣется, такъ я противнаго не утверждалъ въ своемъ сочиненіи; поэтому такое замѣчаніе ко мнѣ относиться не должно.

Гг. рецензенты не одобряютъ того, зачѣмъ я помѣстилъ Спинозу предъ Шеллингомъ, а не рядомъ съ Гоббсомъ (стр. рецензіи 248) и не упомянулъ ни словомъ объ отличительныхъ признакахъ *государственной* теоріи Спинозы» (да къ чему же это?) Опять приходится повторять, что я не излагаю *государственное* ученіе Штейна, а преимущественно его юридическую теорію (см. стр. 1 и 3 моего сочин.); политической же теоріи я касался на столько, на сколько это было необходимо для выясненія юридической теоріи. Съ другой стороны, я не пишу исторію философіи права, а *очеркъ* теорій, вліявшихъ на складъ юридическихъ идей Штейна, а поэтому подробное и критическое изложеніе ученій всѣхъ философовъ не входило въ мою задачу.

Помѣщеніе же Спинозы не рядомъ съ Гоббсомъ, а предъ Шеллингомъ обусловливается основною цѣлью моего сочиненія, въ которомъ мнѣ хотѣлось представить рядъ нѣмецкихъ мыслителей, постепенно отрѣшающихся отъ субъекта при объясненіи природы права. На стр. 197, 201 мною указано, что Спиноза, по словамъ самого Шеллинга, имѣлъ вліяніе на послѣдняго въ качествѣ представителя *объективнаго* раціонализма. Въ другомъ своемъ сочиненіи «Источникъ и формы права» (1878), преслѣдуя другую цѣль, я поставилъ Спинозу послѣ Гоббса; но въ настоящемъ трудѣ это было бы непослѣдовательностью.

На стр. 200—201 моего сочиненія сказано: «отсюда вытекаетъ (у Спинозы) *полное* подчиненіе личности государству», а гг. рецензенты говорятъ, что Спиноза употребляетъ подчиненіе личности государству въ *ограниченномъ* смыслѣ (стр. 248). Если бы даже и было такъ, то мое сочиненіе отъ такой поправки не много выиграло бы. А что я имѣлъ

основаніе говорить такъ, какъ обозначено у меня въ моемъ сочиненіи, для доказательства я приведу слова самого Спинозы, помѣщенныя въ моемъ же сочиненіи въ примѣчаніи 348 и соотвѣтствующій мой переводъ этихъ словъ.

Спиноза.	У Чижова.
Tractatus politicus, III, § 5. Videmus itaque, unumquemque civem non sui, sed civitatis juris esse, cujus omnia mandata tenetur exequi, nec ullum habere jus decernendi, quid aequum, quid iniquum, quid pium, quidque impium sit; sed contra, qui a imperii corpus una veluti mente duci debet et consequenter civitatis voluntas pro omnium voluntate habenda est, id quod civitas justum et bonum esse dicernit, tanquam ab unoquo decretum esse, censendum est; atque adeo, quamvis subditus civitatis decreta iniqua esse censeat, tenetur nihilominus eadem exequi.	Подданный не имѣетъ права рѣшать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, ибо все это опредѣляется государствомъ. (Да оно и понятно, потому что у Спинозы отдѣльная личность безсильна предъ государствомъ и его властью, ибо omnes omne suum jus in summam potestatem transtulerunt, (tr. th. pol. XVI), ибо: imperii jus sola potentia definitur (tr. pol. XVII, § 25).

Развѣ это не полное подчиненіе личности государству?

Надо замѣтить еще, что нѣкоторые листы моего сочиненія, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, во время печатанія, мною просматриваемы не были, а потому въ книгу вкрались нежелательные недосмотры, ошибки, замѣтивъ которые, я выпустилъ «дополненіе» къ моему сочиненію отдѣльною брошюрою, гдѣ и старался, по возможности, исправить недосмотрѣнныя погрѣшности и, между прочимъ, исправилъ слѣдующее мѣсто изъ Канта: «diese (Freiheit) ist selbst die formale Bedingung aller Maxime, unter der sie allein mit dem obersten praktischen Gesetze zusammenstimmen können» такимъ образомъ: «которая сама (т. е. свобода) служитъ формальнымъ условіемъ всѣхъ правилъ, подъ которымъ только они и могутъ быть согласны съ высшимъ практическимъ закономъ».

Эта брошюра была подъ руками у гг. рецензентовъ, когда они писали свои замѣчанія на мое сочиненіе (о чемъ они сами дважды говорятъ на стр. 250), тѣмъ не менѣе они выписываютъ означенную фразу неисправленною и дѣлаютъ выводъ: «что такими искажающими смыслъ переводами изобилуетъ книга г. Чижова» (стр. 247).

Въ заключеніе, гг. рецензенты говорятъ: «г. Чижовъ буквально списываетъ фраза за фразой сочиненіе Чичерина (Исторія политическихъ ученій), *ни словомъ и никакимъ другимъ знакомъ не обозначая этихъ заимствованій*" (стр. 249), при этомъ приводятъ два мѣста изъ Спинозы, будто бы взятыя мною изъ *перевода* Чичерина.

Иначе говоря, гг. рецензенты утверждаютъ, что вся вторая часть моего сочиненія съ Гуго Гроція до Гегеля включительно *списана* съ Чичерина.

Въ этомъ замѣчаніи, какъ не трудно убѣдиться, особенную силу гг. рецензенты придаютъ славу «списано», которое можетъ указывать на заимствованіе мной *идей* и выводовъ Чичерина безъ всякой ссылки на Чичерина. Но здѣсь, собственно говоря, слово «списано» означаетъ то, что я заимствую у Чичерина не идеи, а пользуюсь его переводомъ нѣкоторыхъ философовъ.

Не желая получить упрекъ въ «списываніи», свѣряя свой переводъ философовъ съ другими русскими переводами, я привелъ въ примѣчаніяхъ подлинныя слова философовъ, съ тѣмъ, чтобы читатель, при возникшемъ сомнѣніи, сразу же могъ исправить и себя и меня [1]). А то, что я пользовался переводомъ Чичерина, указано мною на стр. 201 примѣч. 349., и что труды г. Чичерина служили мнѣ пособіемъ, указано на стр. VIII моего сочиненія. Этихъ указаній я считалъ достаточнымъ, чтобъ освободить себя отъ всякихъ упрековъ. Такъ что утверждать, что «фраза за фразой—все у меня списано съ Чичерина» значитъ утверждать то, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Утвержденіе это гг. рецензентовъ такъ же вѣрно, какъ ихъ мнѣніе о заимствованіи мною цитатъ у г. Тарасова.

У Чичерина философскія ученія съ Гроція до Гегеля включительно (именно тѣ, которыя у меня встрѣчаются) занимаютъ 270 страницъ, у меня же они помѣщены на 50 стр.; если принять во вниманіе, что почти эти страницы у меня занимаютъ выдержки изъ самыхъ сочиненій авторовъ, мною приводимыхъ, то все изложеніе философовъ съ Гроція до Гегеля включительно займетъ не болѣе 25 страницъ. Такимъ образомъ, гдѣ же у меня встрѣчается «списываніе», фраза за фразой, сочиненія г. Чичерина.

Что касается двухъ мѣстъ изъ Спинозы, будто бы заимствованныхъ мною изъ *перевода* Чичерина, то рецензенты забываютъ, что у Чичерина есть только ссылка на соотвѣтствующее мѣсто изъ Спинозы, у меня же приведенъ самый текстъ сочиненія Спинозы, что, мнѣ кажется, является лучшимъ доказательствомъ пользованія мною подлинными сочиненіями Спинозы. При чемъ пользованіе оригиналомъ сказалось то же въ разницѣ моего изложенія, приводимаго гг. рецензентами въ доказательство буквальной переписки Чичерина. Эту разницу пропустили гг. рецензенты, а между тѣмъ она легко замѣчается, если внимательно прочесть приведенныя рецензентами же мѣста. Такъ, между прочимъ, слова Спинозы:... adeoqne pisces summo naturali jure aqua potiuntur et magni minores comedunt (Tr. theol. pol. 359) нельзя переводить—рыбы *владѣютъ* водою,..

[1]) То же я сдѣлалъ и въ сочиненіи своемъ „Источникъ и формы права" (1878), откуда я перенесъ нѣсколько страницъ въ настоящее мое сочиненіе. Ужели и здѣсь можно утверждать: Чижовъ *списалъ* у Чижова? (хотя на „Источникъ" у меня сдѣлана ссылка на стр. 161).

какъ это дѣлаетъ г. Чичеринъ, а нужно передавать такъ, какъ сдѣлано у меня: рыбы имѣютъ своею сферою воду... (стр. 198). Я взялъ для примѣра только то мѣсто, которое приводятъ сами же гг. рецензенты, какъ образчикъ «списыванія». Во всемъ же сочиненіи читатель найдетъ массу отступленій отъ русскихъ переводовъ, благодаря обращенію моему къ подлиннымъ сочиненіямъ приводимыхъ мною авторовъ.

Вотъ тѣ замѣчанія, которыя я находилъ необходимымъ высказать по поводу статьи гг. Нечаева и Ланге, посвященной моему сочиненію «Право и его содержаніе по ученію Л. фонъ-Штейна».

Н. Чижовъ.

ЕЩЕ О РУССКОЙ КНИГѢ О ЛОРЕНЦѢ ФОНЪ-ШТЕЙНѢ

(по поводу предшествующей статьи).

Свои возраженія на отвѣтъ намъ г. Чижова (выше, стр. 560 — 584) мы считаемъ необходимымъ изложить не только въ принятомъ нами раньше порядкѣ, но и точно держась основныхъ пунктовъ нашихъ замѣчаній на книгу г. Чижова.

I.

Задачей той части нашей рецензіи, которая касалась изложенія г. Чижовымъ теорій Лоренца Штейна, заключалась въ томъ, чтобы показать, что книга г. Чижова не удовлетворяетъ своему назначенію въ трехъ отношеніяхъ. 1) Книга г. Чижова не даетъ въ дѣйствительности спеціальнаго изложенія ученія Лоренца Штейна о правѣ и его содержаніи, такъ какъ авторъ смѣшалъ ученіе о *правѣ* съ ученіемъ о *наукѣ права* и далъ вмѣсто ученія о правѣ ученіе о мѣстѣ, занимаемомъ разными юридическими науками въ системѣ человѣческаго знанія, съ одной стороны, а съ другой наполнилъ свою книгу юридическими опредѣленіями, взятыми изъ учебниковъ Штейна, принявъ «объекты» этихъ *опредѣленій* за содержаніе права. 2) Это обстоятельство стоитъ въ связи съ составомъ книги. Книга г. Чижова не представляетъ изъ себя продукта *изученія* г. Чижовымъ Штейна по разнообразнымъ его сочиненіямъ и не даетъ систематическаго изложенія его политико-юридическихъ идей, а является лишь сборникомъ механически соединенныхъ между собою переводовъ отрывковъ, главнымъ образомъ, изъ трехъ сочиненій Штейна: *Gegenwart und Zukunft*, *Verwaltungslehre* I, 1 и *Handbuch der Verwaltungslehre*,—сочиненій, преслѣдующихъ разныя цѣли и въ значительной мѣрѣ знакомыхъ русскимъ читателямъ, такъ какъ сочиненіе *Verwaltungslehre* изложено было уже раньше г. Тарасовымъ, въ сравненіи съ которымъ г. Чижовъ не даетъ ничего новаго, а *Handbuch der Verwaltungslehre* перепечатанъ г. Чижовымъ въ свою книгу, съ сокращеніями,

прямо словами сдѣланнаго подъ редакціей проф. Андреевскаго русскаго перевода. 3) Тѣ части «изложенія» г. Чижова, которыя не заимствованы у другихъ русскихъ авторовъ или не переведены съ помощью послѣднихъ, наполнены искажающими смыслъ ошибками въ переводѣ словъ и передачѣ мыслей Штейна. Въ такомъ порядкѣ мы разсмотримъ и отвѣтныя замѣчанія г. Чижова.

1) Свое заключеніе о томъ, что вмѣсто ученія о правѣ г. Чижовъ далъ намъ ученіе о наукѣ права и мѣстѣ, занимаемомъ разными ея вѣтвями въ системѣ человѣческаго знанія, мы основали, во 1-хъ, на составѣ заглавій отдѣловъ въ первой трети изложенія г. Чижовымъ Штейна и *содержаніи* этихъ отдѣловъ. Заглавія эти слѣдующія: 1) «мѣсто, занимаемое государствовѣдѣніемъ и правовѣдѣніемъ въ системѣ человѣческаго знанія»; 2) «область философіи права»; 3) «область науки о государствѣ»; и 4) «область науки права» (стр. 1—50). Что касается содержанія, то мы указали въ рецензіи, что оно есть переводъ главнымъ образомъ (съ нѣкоторыми вставками изъ System въ ученіи объ области науки о государствѣ) изъ Gegenwart und Zukunft Штейна, — книги, преслѣдующей спеціальную цѣль опредѣленія взаимнаго отношенія юридическихъ наукъ для построенія системы юридическаго образованія, — цѣль, совсѣмъ отличную отъ цѣли г. Чижова. А такъ какъ г. Чижовъ беретъ изъ Gegenwart und Zukunft не только матеріалъ для ученія о правѣ, но и *выводы Штейна, и своихъ выводовъ не даетъ,* то читатель и получаетъ то, что даетъ Штейнъ, т. е. опредѣленіе взаимнаго отношенія юридическихъ наукъ. Г. Чижовъ отвѣчаетъ намъ на это, что «ознакомиться съ юридическими воззрѣніями Штейна можно также хорошо и въ системѣ Штейна», и что дѣло идетъ не объ общей части гражданскаго права. Отвѣтъ на это возраженіе есть въ нашей рецензіи. «Система книги и порядокъ изложенія, говорили мы, — есть дѣло, конечно, субъективное; они опредѣляются ходомъ мыслей автора и его намѣреніями. Но всякой субъективности есть предѣлъ. Если г. Чижовъ пишетъ книгу о *правѣ и его содержаніи*, то онъ и долженъ былъ дать это ученіе, или по крайней мѣрѣ выставить его на первый планъ. А г. Чижовъ даетъ намъ вмѣсто этого цѣлый рядъ не относящихся къ дѣлу рубрикъ, умалчивая о главномъ предметѣ [1])!». Мы рекомендовали г. Чижову обычную систему, какъ наиболѣе подходящую къ его цѣли. На это г. Чижовъ отвѣчаетъ, что обычная система не приложима къ политико-юридической теоріи Штейна. Но г. Чижовъ, судя по его словамъ, приведеннымъ и въ предисловіи къ его отвѣту намъ, въ своей книгѣ и желалъ опредѣлить, излагая ученіе о правѣ, во 1-хъ, отношеніе объективнаго и субъективнаго элементовъ, а во 2-хъ, отношеніе права публичнаго и частнаго. Ученіе о правѣ въ обычной системѣ какъ разъ и даетъ нужную ему постановку вопросовъ. Оно говоритъ о правѣ вообще, о правѣ въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ и дѣленіи права на публичное и частное. Г. Чижовъ не принялъ этой системы, и, благодаря этому, между

прочимъ, его «изложеніе» ученія о правѣ совсѣмъ не даетъ ему основаній для выводовъ, которые онъ дѣлаетъ въ предисловіи къ его отвѣту намъ и въ своей книгѣ. Въ изложеніи г. Чижовымъ Штейна выводы его ничѣмъ не подтверждены, такъ какъ Штейнъ не имѣлъ ихъ въ виду въ той книгѣ, которую переводитъ г. Чижовъ подъ видомъ «изложенія». Г. Чижовъ совершенно напрасно думаетъ, что «больше чѣмъ извлекъ (т. е. перевелъ) онъ изъ сочиненій Штейна понятій о правѣ извлечь нельзя». Извлечь можно было очень много, но для этого было мало перевести книгу, не совсѣмъ подходящую.

Переходимъ къ понятію *содержанія права*. Свое заключеніе о томъ, какъ г. Чижовъ понимаетъ ученіе Штейна объ этомъ предметѣ, мы основывали на подлинныхъ словахъ г. Чижова и опять на содержаніи книги. Онъ самъ сказалъ въ книгѣ, что подъ содержаніемъ права Штейнъ понималъ и «объекты юридическихъ опредѣленій» и теперь подтверждаетъ это; затѣмъ вторая и бо́льшая часть его книги наполнена какъ разъ «юридическими опредѣленіями» или «объектами юридическихъ опредѣленій», взятыми изъ учебниковъ Штейна. Зачѣмъ ученая диссертація г. Чижова наполнена этими опредѣленіями, которымъ мѣсто въ учебникахъ, это понять трудно, если не предположить, что это и должно обозначать ученіе и содержаніе права. Возражая г. Чижову, мы и показали, что подъ содержаніемъ *права* Штейнъ разумѣетъ *жизненныя отношенія*, что эти отношенія онъ разсматриваетъ, какъ силы, производящія право, и что, поэтому, г. Чижову слѣдовало показать въ ученіи о содержаніи права именно процессъ образованія права изъ этихъ силъ. Въ отвѣтъ на это г. Чижовъ приводитъ длинную выписку изъ Штейна, доказывающую, что подъ содержаніемъ права Штейнъ разумѣетъ жизненныя отношенія. Но вѣдь это самое мы и доказывали! Дѣло, повидимому, въ недоразумѣніи. Но и послѣднее на сторонѣ г. Чижова. Г. Чижовъ смѣшиваетъ юридическую *норму* (право) съ юридическимъ *опредѣленіемъ*. Но вѣдь норма и опредѣленіе не одно и то же. Норма (право) есть продуктъ жизненныхъ отношеній, а опредѣленіе (definitio, Bestimmung) есть продуктъ теоретической, научной дѣятельности. Нормы даетъ законъ и обычай, а юридическія опредѣленія наука и учебники. Объектомъ *опредѣленія* всегда является *норма* (право, или правомочіе, когда говорятъ о правѣ въ субъективномъ смыслѣ), а объектомъ *нормы—жизненное отношеніе*. Право не опредѣляетъ, а нормируетъ, регулируетъ; опредѣляетъ же наука права. Г. Чижовъ опять смѣшалъ науку права съ правомъ! «Изъ приведенныхъ мѣстъ до очевидности ясно, пишетъ г. Чижовъ,—что содержаніе *права* есть объектъ *права* (собственность, государство), а не юридическія нормы». Содержаніе *права*—да, но не содержаніе юридическихъ *опредѣленій*. Приведемъ примѣръ. «Право собственности есть полное и исключительное господство лица надъ вещью»—это юридическое *опредѣленіе*; объектъ его—*право* собственности (норма, охраняющая господство); содержаніе же самой *нормы* есть жизненное отношеніе. Надѣемся, что мы

говоримъ ясно. Поэтому, въ ученіи о содержаніи права г. Чижовъ долженъ былъ дать намъ ученіе о *жизненныхъ отношеніяхъ:* собственности, владѣніи, договорѣ и т. д., матеріаловъ для котораго у Штейна множество, а не наполнять свою книгу юридическими опредѣленіями этихъ предметовъ, составляющими уже продуктъ научной дѣятельности. Г. Чижовъ, повидимому, догадывается, чего мы отъ него хотимъ, и указываетъ теперь, что у него такое содержаніе права изложено въ главѣ «объ области науки о государствѣ». Это не вѣрно. Въ указанной главѣ говорится о происхожденіи государства и гражданскаго общества, и предметы, составляющіе содержаніе права, затрогиваются лишь мимоходомъ, съ совершенно другой цѣлью. Г. Чижовъ въ книгѣ о содержаніи права долженъ былъ дать спеціальное изложеніе, а «объекты юридическихъ опредѣленій» выбросить вонъ; нужно было бы приняться за изученіе соціально-экономическихъ трактатовъ Штейна, находящихся во многихъ его сочиненіяхъ.

По поводу содержанія права у г. Чижова необходимо сдѣлать еще одно замѣчаніе. Г. Чижовъ приписываетъ намъ слова, которыхъ нѣтъ въ рецензіи. Г. Чижовъ пишетъ: «сколько бы ни утверждали, что *собственность есть самое право собственности*, что юридическія нормы суть объекты юридическихъ опредѣленій, что *фактическія отношенія суть юридическія нормы*, такое утвержденіе не выдержитъ критики юриста». Мы говорили только, что объектами юридическихъ *опредѣленій* являются *нормы* и сейчасъ доказали это. Остальнаго подчеркнутаго нами мы не говорили.

2) Авторъ оспариваетъ и наши замѣчанія о *составѣ* его книги. Въ виду того, что этотъ составъ имѣетъ особенную цѣну для опредѣленія научнаго достоинства книги г. Чижова, мы подробно разсмотримъ всѣ возраженія г. Чижова.

а) Авторъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не сказали читателямъ, будто изъ его книги видно, что онъ «читалъ» и другія сочиненія Штейна, кромѣ нами названныхъ. Въ доказательство послѣдняго авторъ приводитъ указанія на то, что многіе затронутые имъ вопросы излагаются не только по Gegenwart und Zukunft, но и по другимъ сочиненіямъ, на которыя г. Чижовъ и обратилъ вниманіе въ своемъ изложеніи. Изъ этихъ сочиненій авторъ упоминаетъ *System der Staatswiss.*, *Begriff der Gesellschaft*, Verwaltungslehre I, 1, 3-е изд. Handbuch der Verwaltungslehre и Drei Fragen des Grundbesitzes. Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ указаній, мы прежде всего приведемъ слѣдующія слова изъ нашей рецензіи. «Г. Чижовъ, писали мы, можетъ возразить намъ, что въ его «изложеніи» встрѣчаются выписки и цитаты не только изъ Gegenwart, но и изъ другихъ *нѣмецкихъ* сочиненій Штейна. *Мы признаемъ правильность этого заявленія*. Кое гдѣ есть, дѣйствительно, выписки изъ System der Staatswissenchaft, и чтенія г. Чижовымъ нѣсколькихъ страницъ этого сочиненія мы отрицать не будемъ, но лишь нѣсколькихъ страницъ».

Отсюда видно, что мы указали пользованіе г. Чижовымъ System. Что касается другихъ сочиненій, то о Verwaltungslehre тоже упомянуто. Говоря о второй части изложенія Штейна, мы сказали, что она составляетъ переводъ изъ *Verwaltungslehre* I, 1, по которому сдѣлано и изложеніе г. Тарасова. Въ указанныхъ же теперь г. Чижовымъ мѣстахъ имѣются цитаты только изъ V. L. I, 1, т. е. изъ того сочиненія, о пользованіи которымъ г. Чижовымъ нами было сказано. А затѣмъ у г. Чижова въ изложеніи «области науки о государствѣ» встрѣчаются только *цитаты* изъ V. L., но обильнаго украшенія книги г. Чижова цитатами, въ видѣ цифръ, изъ всевозможныхъ сочиненій Штейна мы никогда не отрицали. Выписка изъ V. L. есть только на стр. 54, но здѣсь мы имѣемъ переходъ къ «полицейскому праву» г. Тарасова, да и ссылки въ «области науки о государствѣ» касаются вопросовъ, затрогиваемыхъ въ 1—2 § изложенія г. Тарасова, слѣд. не выходятъ за предѣлы указаннаго нами знакомства г. Чижова съ Verwaltungslehre I, I. Указаній на 3-е изд. *Handbuch* и *Drei Fragen*, мы не можемъ признать правильными. По словамъ г. Чижова, по 3-му изд. *Handbuch* у него изложены «характеристическія черты публичнаго права и права управленія». Обращаемся къ § «публичное право» и находимъ здѣсь слѣдующую фразу, составляющую отдѣльный абзацъ, со ссылкою на *Handbuch*: «основной принципъ права главы государства состоитъ въ томъ, чтобы быть личнымъ выраженіемъ *единства всѣхъ* силъ и интересовъ государственной жизни» (*Handb.* 1³, 242 и слѣд.). Обращаемся къ *Handb.* въ указанномъ мѣстѣ, просматриваемъ не только 242, но 243—4 стр., обнимающія отдѣльный §, и фразы, выписанной отсюда г. Чижовымъ, не находимъ... Также тщетны оказались наши поиски выписокъ или передачи содержанія изъ *Drei Fragen*. Повѣряя, напр., изложеніе на стр. 140—145, гдѣ есть цитаты изъ Drei Fragen, находимъ, что изложеніе—простой переводъ отрывковъ исключительно изъ *Gegenwart* безъ всякихъ вставокъ изъ *Drei Fragen*, хотя послѣднее сочиненіе и цитируется такъ: «стр. 16 слѣд». Повѣряемъ цитату и находимъ, что у г. Чижова дѣло идетъ объ опредѣленіи понятій вещнаго права и собственности, а § Drei Fragen, обнимающій указанныя имъ страницы, говоритъ «о первоначальной внутренней организаціи германцевъ-завоевателей» и содержитъ общую характеристику этихъ завоевателей. Таковы же и всѣ ссылки на Drei Fragen, встрѣчающіяся въ отдѣлѣ «области науки о государствѣ» (прим 58, 59, 66 и др.). Вездѣ указанныя мѣста не совпадаютъ съ текстомъ, который идетъ или по Gegenwart или по System... Мы признаемъ правильнымъ лишь одно замѣчаніе г. Чижова, касающееся *Begriff der Gesell.*, или вѣрнѣе *предисловія* къ этому сочиненію, которое одно только имъ и цитируется. Цитаты изъ этого сочиненія мы замѣтили раньше, но такъ какъ онѣ почти всѣ стоятъ вмѣстѣ съ цитатами изъ System, очень близкими къ тексту г. Чижова, то мы и зачислили двѣ—три небольшихъ выписки изъ Begriff на счетъ System. Охотно исправляемъ этотъ недо-

смотръ, но должны замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ цитаты изъ Begriff подобны остальнымъ цитатамъ: Begriff цитируется, но выписокъ изъ него нѣтъ; переводъ идетъ или по Gegenwart или по System (см. пр. 41, 42, 43, 66 и др.).

Мы вынуждены сознаться и еще въ одной неточности. Опредѣляя составъ третьей трети изложенія г. Чижовымъ Штейна, обнимающей около 50 стр., мы сказали, что *значительная часть* ея выписана изъ русскаго перевода 1-го изданія учебника Штейна объ управленіи (до 20 страницъ), около 10 страницъ составлено по учебнику финанс. права и брошюрѣ о войскѣ (русск. пер.), «конецъ же этой трети, сказали мы, занимаетъ опять переводъ изъ Gegenwart». Къ послѣднимъ словамъ мы добавимъ теперь, что переводъ изъ Gegenwart вновь занимаетъ 12 стр. Г. Чижовъ упрекаетъ насъ теперь въ пропускѣ главъ «о международныхъ сношеніяхъ» (4 стр.) и «объ управленіи юридической жизнью» (4 съ небольшимъ страницы), составленныхъ по 3-му изданію Handbuch'a Штейна, «изложенныхъ имъ *впервые* (курсивъ г. Чижова) въ русской литературѣ» и переведенныхъ прямо съ нѣмецкаго, безъ помощи русскихъ переводовъ. Мы дѣйствительно проглядѣли двѣ маленькихъ главы, стоящія раздѣльно другъ отъ друга, и не повѣрили ихъ по цитатамъ. Но справедливо упрекая насъ въ этомъ, г. Чижовъ самъ неправильно передаетъ слова нашей рецензіи. Г. Чижовъ увѣряетъ читателей, что «гг. рецензенты говорятъ, что я пользовался *исключительно* (курсивъ г. Чижова) *первымъ* изданіемъ учебника Штейна». Ничего подобнаго мы не говорили; у насъ нигдѣ нѣтъ слова «исключительно». У насъ сказано только, что изложеніе г. Чижова въ *точно указанныхъ нами мѣстахъ* идетъ *буквально* по русскому переводу съ перваго изданія, хотя рядомъ съ первымъ цитируется и третье. Эти слова совершенно вѣрны. Сейчасъ показано, что мы говорили о *значительной части* изложенія, а не о всей; по отношенію къ этой послѣдней 3-е изданіе только цитируется, а на излагаемое въ текстѣ не вліяетъ, текстъ же состоитъ изъ дословныхъ выписокъ изъ русскаго перевода съ перваго изданія. Этого не рѣшится опровергать и проф. Чижовъ. 3-е изданіе повліяло только на 8 страницъ, о которыхъ мы не сказали ни слова.

б) По поводу указаній на сходство «изложенія» г. Чижова съ изложеніемъ г Тарасова, авторъ утверждаетъ, что это простое совпаденіе, объясняемое пользованіемъ однимъ и тѣмъ же Verw.-Lehre I. Въ нашей рецензіи по поводу связи книги г. Чижова съ книгой г. Тарасова сказано, что пользованіе ею г. Чижова доказывается «однородностью *вопросовъ*, затрогиваемыхъ г. Чижовымъ и г. Тарасовымъ (чего нѣтъ у г. Тарасова, того нѣтъ и у г. Чижова), *послѣдовательнымъ сходствомъ цитатъ изъ Verwaltungslehre 1, 1* и собственнымъ признаніемъ г. Чижова». Теперь г. Чижовъ и опровергаетъ это послѣдовательное сходство цитатъ, приводя три сравнительныя таблицы цитатъ своихъ и г. Тарасова. По поводу послѣдней изъ этихъ таблицъ мы замѣтимъ, что

мы говорили о сходствѣ цитатъ изъ Verw.-Lehre I, 1, а не 1, 2. Что же касается V. L. I, 1, то цитаты г. Чижова имѣютъ несомнѣнно послѣдовательное сходство съ цитатами г. Тарасова; для доказательства этого мы, подобно ему, предлагаемъ читателямъ сравнительную ихъ табличку, но цифры для нея беремъ не изъ середины, какъ дѣлаетъ г. Чижовъ, а съ самаго начала, съ главы «исполнительная власть».

Цитаты г. Тарасова.	Цитаты г. Чижова.
1) 58, (ср. 29), 70, 71, 74, 82, 85, 86, 121—123, 135, (204 — 231), 124, 126 слѣд., 135, 169, 171 [1]), 180, 269, 277, 284, 281, 302 слѣд., 329, 358, 405—408.	58—72, 73 — 78, 79 — 86, 88, 89, 121—126, 128, 129, 138, 139 (147 — 151), 172, 171, 177, 180—186 (197, 198), 204—207, 209, 216, 217, 223—226, 253, 236, 239, 240, 242, 244, 247, 248, 250, 255—7, 260—265, 295, 296, 299—304, 308 (ср. 162, 357), 315 — 325, 330—334, 342, 345, 348 — 370, 382, 290, 403.
2) 58—70—71—74, 82, 85=58—86 (слѣд.).	58—72, 73—78, 79, 86, 88, 89=58—89.
3) 121 и 123, 124, 126 слѣд., 135, 121—129—135 (слѣд.).	121—126, 128, 129, 138, 139=121—129 (138—9).
4) (147—151), 169, 171, 180=147,—180 (слѣд.).	147—151, 172, 171, 177, 180—186 (197, 198)=147—186 (197, 198).
5) 204—231, 269, 277, 281, 302 сл., 329, 358, 384, 405, 408=204—408.	204—207, 209, 216, 217, 223 — 226, 236 (253), 239, 240, 242, 247, 248, 250, 255 — 257, 260 — 265, 295, 296 — 299—304, 309, 315—325, 330—334—345—348—70, 299 — 370, 382—403=204—403.

По поводу этой таблицы нужно сдѣлать слѣдующія объясненія. Во первыхъ надобно обратить вниманіе на то, что г. Тарасовъ излагаетъ *своими словами* мѣста, переводимыя г. Чижовымъ, и цитаты ставитъ тогда, когда приводитъ подлинныя слова Штейна. Поэтому, если у г. Тарасова стоитъ 58, 70, 71, 74, 82, 85, 86, то это не значитъ, что у него излагаются только отдѣльныя страницы, а не вся совокупность, т. е. 58—86 слѣд. Наоборотъ, это именно и значитъ, что изложеніе дѣлается въ предѣлахъ этихъ страницъ, а отдѣльныя страницы указываютъ на выписки. Г-нъ же Чижовъ *переводитъ* буквально излагаемое г. Тарасовымъ; указанія на отдѣльныя страницы ему не нужны, поэтому онъ цитируетъ совокупность страницъ. Большій или меньшій промежутокъ между цифрами обусловливается у г. Тарасова именно тѣмъ, какъ часто приводятся у него подлинныя слова, такъ что, напр. промежутокъ между стр. 231—269, заполненный г. Чижовымъ (236, 240 и т. д), не излагается г. Тарасовымъ; это значитъ, что онъ здѣсь не приводитъ подлинныхъ выраженій, и изложеніе идетъ какъ разъ въ предѣлахъ стра-

ницъ, щедро разсыпаемыхъ г. Чижовымъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о разницѣ конца цитатъ въ рядѣ 5: послѣ 281 стр. г. Тарасовъ не цитируетъ подлинныхъ выраженій, хотя изложеніе у него идетъ до 296. Иногда это изложеніе гораздо подробнѣе у г. Тарасова, чѣмъ у г. Чижова, не смотря на то, что г. Чижовъ переводитъ подлинникъ, а не передаетъ его. Для доказательства этого ср. §§ 7—10 г. Тарасова и стр. 72—83 г. Чижова, обнимающіе 5 рядъ цитатъ въ нашей табличкѣ. Изъ нея, повидимому, слѣдуетъ, что цитатъ у г. Чижова больше, слѣд. и изложеніе полнѣе. Ничуть не бывало; въ данномъ мѣстѣ и въ предѣлахъ цитатъ г. Чижова изложеніе г. Тарасова послѣдовательнѣе и подробнѣе, только подлинныя слова Штейна рѣже цитируются.

Чтобы придать окончательную убѣдительность нашей табличкѣ, мы должны объяснить нѣкоторыя допущенныя нами перестановки, добавленія къ цитатамъ г. Тарасова и отличія цитатъ г. Чижова. Въ ряду 4-мъ мы добавили къ цитатамъ г. Тарасова стр. 147 — 151, находящіяся у г. Чижова; для убѣжденія въ справедливости этого добавленія мы просимъ сравнить стр. 69 — 72 перевода г. Чижова съ § 6 изложенія г. Тарасова; здѣсь, какъ у г. Чижова, такъ у г. Тарасова, рѣчь идетъ совершенно объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Затѣмъ мы переставили изъ 4-го ряда въ 5-й цитату (204 — 231) г. Тарасова. Это опять совершенно правильно. Цитата относится къ ученію о должностяхъ и должностныхъ лицахъ. У г. Тарасова оно излагается въ § 7, соотвѣтствующемъ стр. 72 и слѣд. г. Чижова, къ которымъ у послѣдняго и относится цитата 204—231; въ § 7 у г. Тарасова такой цитаты нѣтъ, но потому, что въ § 5-мъ у него содержится общая классификація формъ управленія; здѣсь упомянуты и должности (Aemter) съ цитатой 204—231. Переставляя ее въ нашей табличкѣ, мы ставили ее на надлежащее мѣсто.

Теперь—объ отличіяхъ г. Чижова отъ г. Тарасова въ цитатахъ. Одно такое отличіе есть, — это цитаты, поставленныя въ скобкахъ въ рядѣ 4-мъ. Они относятся къ *одной страницѣ* въ книгѣ г. Чижова, посвященной нѣкоторымъ подробностямъ, не внесеннымъ г. Тарасовымъ въ ученіе о должностныхъ лицахъ, именно нѣсколько замѣчаній о правахъ и обязанностяхъ чиновниковъ. Вопросъ, повидимому, показался интереснымъ г. Чижову, и онъ на этотъ разъ не выбросилъ то, что выброшено г. Тарасовымъ.

Пусть затѣмъ читатель судитъ по нашимъ итогамъ о томъ, имѣютъ ли цитаты г. Чижова послѣдовательное сходство съ цитатами г. Тарасова. Мы думаемъ, что не только имѣютъ, но и показываютъ, что г. Чижовъ, за однимъ исключеніемъ, переставалъ переводить Verwaltungslehre I, 1 тамъ, гдѣ переставалъ излагать г. Тарасовъ. Отъ 89 стр. какъ у г. Чижова, такъ и у г. Тарасова переходъ прямо къ 121, отъ 135 — 9 къ 147 и т. д.

Теперь нѣсколько словъ по поводу нашей фразы: «чего нѣтъ у г. Та-

расова, того нѣтъ у г. Чижова». Какъ изъ нашей рецензіи, такъ и изъ сдѣланныхъ сейчасъ разъясненій, было видно, что то, что есть у г. Тарасова, есть и у г. Чижова. Чего же нѣтъ у г. Чижова, и что слѣдовало ему внести, независимо отъ г. Тарасова, напр., въ свое ученіе о конституціонномъ правѣ правительствъ, главѣ государства и т. д.? Вотъ чего. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ говоритъ, что ея задачей было выяснить юридическую теорію Штейна въ ея отношеніи *къ политическому ученію* (стр. 2), а на стр. 55, составляющей переходъ къ ученію Штейна объ управленіи, пишетъ: «публичное право, по Штейну, опредѣляетъ задачи и дѣятельность: 1) главы государства, 2) законодательства и 3) управленія». Ученіе о главѣ государства въ его отношеніи къ народному собранію и законодательной власти, этой послѣдней—къ исполнительной и вообще все *политическое* ученіе Штейна не вошло въ книгу г. Чижова. Теперь, правда, г. Чижовъ увѣряетъ, что онъ, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду *юридическую* теорію Штейна. Но это увѣреніе имѣетъ цѣну только для лицъ, незнакомыхъ съ Штейномъ. Исходный пунктъ всѣхъ воззрѣній Штейна—правовое государство. Штейнъ не знаетъ права, независимаго отъ государства [3]); онъ сторонникъ государственнаго вмѣшательства въ частное право, какъ показываетъ это и г. Чижовъ. *Штейнъ вообще не знаетъ науки права внѣ науки о государствѣ*, какъ это мы ниже убѣдительно докажемъ г. Чижову. Да и самъ г. Чижовъ, какъ въ книгѣ, такъ и въ отвѣтѣ намъ, не вездѣ держится своего заявленія о томъ, что онъ имѣлъ въ виду только юридическое ученіе; въ однихъ мѣстахъ онъ пишетъ: «политико-юридическую теорію», въ другихъ: юридическую. Онъ, очевидно, чувствуетъ неудобства своего заявленія о юридической теоріи, независимой отъ политической. Къ сожалѣнію, о политической-то теоріи и не говорится ни слова; нѣтъ рѣчи даже о «законодательствѣ», которое самъ г. Чижовъ упоминаетъ въ переходной главѣ. Почему? Потому только, что этого нѣтъ у г. Тарасова: послѣдній, въ отличіе отъ г. Чижова, имѣетъ намѣреніе изложить лишь *полицейское право*. Г. же Чижовъ, по обыкновенію, слѣпо слѣдуетъ за книжкой, которой пользуется.

в) По поводу нашихъ замѣчаній о цитатахъ г. Чижова, послѣдній упрекаетъ насъ въ томъ, что мы, пользуясь *опечатками*, взводимъ на него обвиненіе въ подстановкѣ неподходящихъ цитатъ. Мы позволимъ себѣ выяснить характеръ нашихъ замѣчаній о цитатахъ. Цитатъ у г. Чижова много въ книгѣ, но какое отношеніе имѣютъ они къ тексту, это понять довольно затруднительно. Какъ мы уже не разъ говорили, текстъ идетъ только по одной книжкѣ и есть, по большей части, ея простой переводъ. Цитаты же — простыя цифры и служатъ лишь доказательствомъ, какъ думаетъ г. Чижовъ, его эрудиціи. Сравнивая, однако, указываемыя въ цитатахъ мѣста другихъ сочиненій съ текстомъ, легко видѣть, что эти мѣста далеко не всегда говорятъ о тождествѣ содержанія перевода съ цитируемымъ мѣстомъ, и это вотъ почему. Въ однихъ случаяхъ г. Чижовъ,

повидимому, ставитъ цитаты просто по оглавленіямъ книгъ, и тогда обыкновенно получается указаніе на тождество *предмета* изложенія, а не содержанія; послѣднее въ цитатѣ иногда рѣзко отличается отъ текста. Для примѣра укажемъ цитату изъ Verw.-Lehre VII, 72, на стр. 52. Менѣе рѣзко, но все же значительно отличны отъ текста мѣста изъ Handbuch 1³, приводимыя г. Чижовымъ въ гл. «Область философіи права». Такихъ цитатъ, вообще говоря, большинство. Въ другихъ случаяхъ г. Чижовъ, повидимому, бѣгло просматриваетъ самъ и свой текстъ, и цитаты, но тогда получаются слѣдующіе «недосмотры»: «Gegenw. 322. Нѣсколько иначе стр. VII, 11, 12, 82, 102, 117» (цитата г. Чижова въ пр. 21). Т. е. текстъ подтверждается *одной* страницей, тогда какъ *шесть* говорятъ, будто бы, за «нѣсколько иныя» мысли Штейна. На самомъ дѣлѣ, разумѣется, ничего подобнаго нѣтъ; у Штейна одна мысль вездѣ; мы указывали на это г. Чижову, и онъ намъ ничего не отвѣтилъ. Иногда г. Чижовъ идетъ и дальше. Прочитавъ текстъ другаго, а не «излагаемаго» сочиненія Штейна, и найдя его близкое сходство съ излагаемымъ, онъ выписываетъ въ текстъ содержаніе цитаты. Такъ произошли выписки изъ System и изъ Begriff. Послѣдняго рода цитаты и суть только дѣйствительныя дополненія къ тексту. Ихъ очень не много. За то у г. Чижова есть рядъ такихъ цитатъ, предъ которыми невольно останавливаешься въ недоумѣніи. Тексты цитируемыхъ книгъ совсѣмъ не совпадаютъ съ текстомъ и даже иногда не имѣютъ отдаленнаго сходства. По поводу послѣднихъ г. Чижовъ и отвѣчаетъ, что это опечатки. Всѣхъ приведенныхъ нами цитатъ г. Чижовъ не касается, онъ останавливается только на двухъ нашихъ указаніяхъ. Повидимому, это дѣйствительно опечатки: дѣло идетъ о System и Verwalt.-Lehre I, которыми г. Чижовъ несомнѣнно пользовался. Но мы всетаки замѣтимъ г. Чижову, что цитаты ставятся для облегченія справокъ, и заставлять читателя читать всѣ сочиненія Штейна для повѣрки цитатъ г. Чижова едва ли основательно. System мы читали, и гдѣ могли исправили опечатки. Напримѣръ, у г. Чижова въ примѣчаніи 12 значится: «System... I, 60, 62; II, 227, 228»; Здѣсь «опечатка»; слѣдуетъ: «System II, 60—62, 227, 228»; въ ней мы его не упрекали. Но у него ужъ слишкомъ много «опечатокъ», особенно при указаніи сочиненій, пользованіе которыми сомнительно. Изъ нашихъ указаній г. Чижовъ поправилъ два, а ихъ сдѣлано было нѣсколько. Выше приведены и новые примѣры.

Послѣ сказаннаго мы считаемъ себя въ правѣ поддерживать наши заключенія о составѣ книги г. Чижова.

Что, однако, доказываетъ этотъ составъ? О чемъ идетъ споръ? Г. Чижовъ, повидимому, не понимаетъ, зачѣмъ мы упрекаемъ его въ пользованіи книгой г. Тарасова, русскимъ переводомъ г. Андреевскаго, и зачѣмъ указываемъ «недосмотры» и «опечатки». «Можно ли передавать, спрашиваетъ г. Чижовъ, политико-юридическую теорію Штейна, не переводя сочиненій Штейна или не пользуясь переводами его сочиненій,

сдѣланными другими? Я даю отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Я считаю и буду считать необходимымъ, гдѣ нужно, излагать мысли автора его словами, т. е. переводить, *что я и сдѣлалъ въ большей части своего изложенія Штейна*». Напрасно г. Чижовъ не понимаетъ. Дѣло идетъ объ *оцѣнкѣ научнаго достоинства* книги. Какъ мы показали, одна часть перевода сдѣлана изъ книги, не вполнѣ подходящей къ задачамъ автора въ ея изложеніи Штейномъ и заставившей его смѣшать право съ наукой права, а содержаніе права съ «объектами юридическихъ опредѣленій»; какъ видѣлъ изъ нашей рецензіи и увидитъ дальше читатель, и переводъ этой книги наполненъ самыми грубыми ошибками и искаженіями мыслей Штейна, такъ что и самъ по себѣ не имѣетъ цѣны. Остальныя части хорошо извѣстны русскимъ читателямъ и безъ труда г. Чижова. Зачѣмъ же онъ «излагалъ, т. е. переводилъ» и «излагалъ, т. е. выписывалъ» то, что хорошо извѣстно? Неужели, ради 8 страницъ, «*впервые* излагаемыхъ въ русской литературѣ» безъ помощи русскаго перевода?

3) Въ нашей рецензіи былъ указанъ рядъ ошибокъ въ переводѣ изъ Gegenwart, искажающихъ мысли Штейна. Указаніе имѣло значеніе *примѣрнаго;* число указаній можетъ быть увеличено; но во всякомъ случаѣ было приведено достаточно для оцѣнки перевода г. Чижова. Въ своемъ «отвѣтѣ» г. Чижовъ останавливается далеко не на всѣхъ и изъ этихъ указаній. Онъ беретъ только три примѣра и увѣряетъ читателей, что наши замѣчанія основаны на непониманіи Штейна. Посмотримъ.

а) Болѣе подробно г. Чижовъ останавливается на словѣ: *die Gemeinschaft* и, приводя три мѣста изъ Штейна, гдѣ слово die Gemeinschaft встрѣчается въ одной фразѣ вмѣстѣ съ die Gesellschaft, и гдѣ слѣд. переводъ обоихъ будто бы долженъ быть сдѣланъ нами безразличнымъ «общество», пространно объясняетъ намъ отличіе die Gemeinschaft отъ die Gesellschaft.

Слѣдующія разъясненія покажутъ, правъ ли г. Чижовъ.

Указаніе на неправильный переводъ слова *die Gemeinschaft* мы сдѣлали по поводу слѣдующей фразы Штейна: «Iede Gemeinschaft unterscheidet sich von dem Einzelnen dadurch, dass sie die Selbständigkeit des Einzelnen zu einem Moment in ihrem Leben macht». Г. Чижовъ перевелъ эту фразу такъ: «совмѣстная жизнь отличается отъ жизни индивида тѣмъ, что она превращаетъ самостоятельность индивида въ одинъ изъ своихъ моментовъ». Мы сказали, что здѣсь слѣдуетъ передать слово *Gemeinschaft* словомъ «общество». Мы думаемъ, что мы были правы, дѣлая это замѣчаніе. Фраза г. Чижова дѣйствительно не имѣетъ смысла: *совмѣстную* жизнь можно противополагать только *одинокой* жизни, — а жизнь *индивида* (личную жизнь) жизни *общественной*. Затѣмъ совмѣстная жизнь не обусловливаетъ сама по себѣ ограниченія самостоятельности индивида; самостоятельность индивида ограничиваетъ только общество, устанавливающее *связь* между совмѣстно живущими людьми. Изъ даль-

нѣйшаго изложенія Штейна, вслѣдъ за разбираемой фразой, и видно, что при установленіи die Gemeinschaft происходитъ отказъ индивидовъ отъ нѣкоторыхъ сторонъ своей самостоятельности въ пользу общества: «Auf diese Weise wird aus der *Vielheit* der Einzelnen eine *Gesammtheit*, deren Inhalt wesentlich jener Theil des persönlichen Lebens bildet, den die Einzelnen *der Gemeinschaft* hingeben» (стр. 129). Наконецъ и въ спорной фразѣ *die Gemeinschaft* противо полагается *индивиду*, а не жизни индивида, а индивиду можетъ быть противопоставлено только *общество*. Само по себѣ, взятое въ отдѣльности, слово *die Gemeinschaft* имѣетъ два значенія: оно означаетъ и *общность*, и *общество*. Первый смыслъ оно имѣетъ, когда указываетъ на *связь*, соединяющую людей; второй, когда указываетъ на самую форму общенія, какъ такую. Die Gütergemeinschaft означаетъ, разумѣется, общеніе имуществъ; но въ спорной фразѣ и рядѣ другихъ, ономожетъ значить только общество. Приведемъ еще примѣръ изъ Штейна. «Das zweite Gebiet (системы права) enthält *die Gesammtheit* aller Lebensverhältnisse, welche dadurch entstehen, dass *der Einzelne* nicht mehr absolut selbstbestimmt, sondern *ein Theil der Gemeinschaft*, und mithin *ihrem Willen* unterworfen ist». (Handb. d. Verw. 1^3, xv). Что передать die Gemeinschaft здѣсь слѣдуетъ словомъ общество, это едва ли нужно говорить. Тотъ или иной смыслъ слова зависитъ отъ строя фразы и контекста рѣчи. Г. Чижовъ ссылается на гг. Блока, Андреевскаго, Ворошилова и др., которые передаютъ это слово вездѣ: общеніе, единеніе, общежитіе и т. д. Но, во первыхъ, онъ самъ не воспользовался переводомъ названныхъ лицъ, вѣроятно, не находя его подходящимъ къ дѣлу, а во вторыхъ, если перевести die Gemeinschaft въ спорной фразѣ словами общеніе, единеніе, общежитіе людей, то придется говорить о *жизни* общенія, единенія и общежитія. Это будетъ неправильно, не смотря на авторитетъ названныхъ авторовъ.

Г. Чижовъ опасается перевести слово *die Gemeinschaft* словомъ общество, такъ какъ для *общества* у Штейна есть спеціальное названіе *die Gesellschaft*. Но вѣдь общество обществу рознь; одно можетъ покоиться на естественной связи (die Gemeinschaft), другое быть образовано искусственно, это—die Gesellschaft. Die Gesellschaft въ противоположеніи государству и естественному обществу означаетъ то, что называютъ *гражданскимъ обществомъ*. Совпаденія *общества* съ *обществомъ* въ переводѣ всегда легко избѣжать, означая, о какомъ обществѣ идетъ рѣчь, а когда будетъ нарушено благозвучіе, можно прибѣгнуть къ описанію. Приводимыя г. Чижовымъ мѣста доказываютъ не то, что die Gemeinschaft не значитъ общество, а то, что въ русскомъ языкѣ часто имѣется одно слово для двухъ нѣмецкихъ понятій. Совпаденіе значеній можетъ быть и не въ одномъ Gemeinschaft, а и въ рядѣ другихъ. Во всякомъ случаѣ выраженіе «совмѣстная жизнь» не избавляетъ и г. Чижова отъ необходимости подбирать въ переводѣ слова, согласныя съ смысломъ рѣчи у Штейна, доказательствомъ чему можетъ служить, напримѣръ, слѣдующее мѣсто

Штейна, гдѣ die Gemeinschaft стоитъ рядомъ съ das Gesammtleben. Иначе получится слѣдующая несообразность:

Stein, Handb. d. Verw. I³. 370.	**Предполагаемый переводъ г. Чижова.**
Wie daher jedes Dasein und jeder Act des Einzelnen stets Momente besitzt, durch welche er in das *Leben der Gemeinschaft* hineingreift, so muss auch *die Gemeinschaft* ihrerseits diese Einzelnen wieder in Person, Eigenthum und Verkehr, als immanenten Theil ihrer selbst *im Gesammtleben* festhalten.	Такъ какъ въ существованіи индивида и каждомъ актѣ его дѣятельности всегда заключаются моменты, благодаря которымъ онъ вступаетъ въ *жизнь совмѣстной жизни,* то и *совмѣстная жизнь* съ своей стороны должна удерживать индивидовъ *въ совмѣстной жизни* и т. д.

Мы указывали и указываемъ г. Чижову на невѣрный переводъ *слова*, искажающій смыслъ дальнѣйшей его рѣчи, и дѣлающій ее непонятной. Этотъ смыслъ и можно придать рѣчи, только переведя die Gemeinschaft словомъ *общество*. Вотъ, напр., образецъ перевода одного изъ мѣстъ Штейна, гдѣ встрѣчается слово die Gemeinschaft. «Какъ общество (Gemeinschaft), такъ и каждый индивидъ, во всѣхъ проявленіяхъ своей дѣятельности, должны быть самостоятельными личностями. Индивидъ безъ самостоятельности не личность. Признаніе самостоятельности личности рядомъ съ признаніемъ самостоятельности *общественнаго организма* есть необходимое условіе личнаго и общественнаго развитія». *Общественный организмъ*—это вотъ и есть истинное значеніе *die Gemeinschaft* у Штейна. Такъ думалъ и переводилъ когда-то г. Чижовъ: приведенное сейчасъ мѣсто мы заимствуемъ изъ его прежняго сочиненія «Энциклопедія и философія права въ германскихъ и австрійскихъ университетахъ» (О. 1883), стр. 59, 49 и др. Теперь онъ, повидимому, забылъ свой прежній и вѣрный переводъ.

По поводу die Gemeinschaft мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ одномъ мѣстѣ своей книги г. Чижовъ заявляетъ, что книга г. Тарасова была ему особенно полезна при переводѣ «техническихъ словъ и выраженій, присущихъ только Штейну». Имѣя въ виду это заявленіе, мы и замѣтили г. Чижову въ своей рецензіи, что напрасно онъ не воспользовался при переводѣ *die Gemeinschaft* въ указанномъ мѣстѣ книгой г. Тарасова, въ которой это слово передано вѣрно: «общество». На это мы получаемъ въ отвѣтъ, что мы обращали вниманіе не на то, что говоритъ г. Тарасовъ. Г. Чижовъ говоритъ, что хотя г. Тарасовъ и переводитъ die Gemeinschaft словомъ общество, но оговариваетъ его отличіе отъ Gesellschaft. Ну, а мы на что обращали вниманіе?

г) Слѣдующее возраженіе г. Чижова касается пониманія мыслей Штейна относительно неправа или неправды (Unrecht) [4]). Здѣсь онъ обвиняетъ насъ въ незнаніи уголовнаго права, говоритъ, что ни одинъ криминалистъ

не учитъ такъ, какъ, по нашимъ словамъ, учитъ Штейнъ, и увѣряетъ, что наше непониманіе Штейна зависитъ отъ того, что мы не обратили вниманія на Verw.-Lehre III, —томъ, говорящій о санитарной полиціи [5]), — и на учебникъ объ управленіи Штейна, процитированный г. Чижовымъ (3-е изданіе). По этому поводу мы позволимъ себѣ сказать, что свое заключеніе мы составили на основаніи подлинныхъ словъ Штейна, приведенныхъ нами въ рецензіи и искаженныхъ въ переводѣ г. Чижова. Слова эти слѣдующія: «Wenn der *thätige Wille* des Einen den Andern, den er *als Persönlichkeit erkennt* (г. Чижовъ переводитъ: *не* признаетъ), *nur* als reine natürliche Thatsache setzt, so setzt er ihn eben damit als rechtlos; denn die Thatsache hat mir gegenüber kein Recht. Allein der *Wille* und die *That* die das thun, *sind mit sich selbst im Widerspruch*, indem sie, sei es aus was *immer für einem Motive*, *die Persönlichkeit als das setzen was sie nicht ist*. Das Wollen und Thun des Einzelnen daher, welches das Persönliche als unpersönlich setzt, ist die Negotion des Rechts, *das sie selber doch anerkennen*». Смыслъ словъ ясенъ: дѣятельная воля, признавая личность личностью, слѣд. признавая за ней права и въ то же время относясь къ ней какъ къ факту, т. е. дѣлая ее безправною, стоитъ въ противорѣчіи сама съ собою. Ошибка г. Чижова состоитъ въ томъ, что онъ перевелъ слово «erkennt»—«не признаетъ» вмѣсто *признаетъ*. Отсюда вышло, что дѣятельная воля, не признавая личности личностью и обращая ее въ фактъ, впала въ противорѣчіе сама съ собою. Но какое же тутъ противорѣчіе? Не признавать личности и обращать ее въ фактъ— это дѣйствіе вполнѣ логичное, а не противорѣчіе. Теперь, упрекая насъ въ незнакомствѣ съ Штейномъ, г. Чижовъ опять пишетъ: «если я *отрицаю* посредствомъ своей воли и дѣянія (или точнѣе, осуществившейся во внѣ воли, т. е. дѣянія, Handb. 1³, 365) святость личности въ другомъ, то тѣмъ самымъ я отрицаю собственную личность, становлюсь въ самоотрицаніе, въ самопротиворѣчіе съ самимъ собою». Но у Штейна сказано, что воля не отрицаетъ, а *признаетъ* личность; самопротиворѣчіе-то въ томъ и состоитъ, что, съ одной стороны, воля отрицаетъ личность, а съ другой, признаетъ ее (а признаетъ потому, что не можетъ этого не дѣлать по самому существу, ибо имѣетъ дѣло съ равнымъ себѣ фактомъ, о чемъ Штейнъ ясно говоритъ въ словахъ, приведенныхъ нами въ рецензіи). Цитируемый г. Чижовымъ «Handbuch» ничего не поясняетъ въ переводѣ г. Чижова. Здѣсь сказано только: «das erste dieser Momente ist der zur That werdende Wille dessen, der die Unverletzlichkeit des Dritten durch seine That zum Inhalt seiner Selbstbestimmung macht». Это мѣсто доказываетъ только, что нарушеніе неприкосновенности личности совершается черезъ *дѣяніе*, а это именно мы и говорили.

b) Обращаемся къ слову «wirklich». Здѣсь, по словамъ г. Чижова, недосмотръ, ибо въ другихъ мѣстахъ оно передано вѣрно. Но мы указывали г. Чижову на то, что онъ, благодаря этому недосмотру, искажаетъ все ученіе Штейна объ отношеніи правовѣдѣнія и государствовѣдѣ-

нія: «по Штейну, сказали мы,—государствовѣдѣніе именно и занимается дѣйствительнымъ правомъ, тогда какъ области правовѣдѣнія подлежитъ лишь дѣйствующее право». И вотъ теперь въ доказательство своего «недосмотра» г. Чижовъ старается показать, что нашъ взглядъ на отношеніе наукъ у Штейна «несостоятеленъ». Почему же? Какъ въ своемъ сочиненіи, такъ и въ отвѣтѣ намъ г. Чижовъ самъ доказываетъ, что наука права, какъ и наука о государствѣ,—обѣ занимаются изученіемъ правопроизводящихъ силъ, а die Rechtskunde (правовѣдѣніе?)—есть дѣйствующее право. Но въ чемъ же тутъ противорѣчіе съ Штейномъ? Мы и сказали, что правовѣдѣніе занимается дѣйствующимъ правомъ. Или, можетъ быть, государствовѣдѣніе и наука права занимаются не *дѣйствительнымъ* правомъ? Но на стр. 150 у самого г. Чижова сказано: «наука права установляетъ систему *дѣйствительнаго* права», и что она есть «одинъ изъ моментовъ» государствовѣдѣнія... Повидимому, на сторонѣ г. Чижова недоразумѣніе. И мы нашли его причину. Онъ смѣшиваетъ правовѣдѣніе съ наукой права, а такъ какъ у Штейна и наука о государствѣ есть наука силъ, производящихъ право («die Staatswissenschaft ist die Wissenschaft der Rechtsbildende Kräfte», цитируетъ и г. Чижовъ изъ Штейна въ отвѣтѣ намъ) и наука права—тоже («die Wissenschaft des Rechts ist die der Kräfte, welche das Recht erzeugen», опять цитируетъ г. Чижовъ тамъ же), то г. Чижовъ и упрекаетъ какъ въ книгѣ, такъ и въ своемъ отвѣтѣ, уже не насъ, а Штейна, который будто бы смѣшалъ области государствовѣдѣнія и правовѣдѣнія. Само собой разумѣется, однако, что смѣшалъ не Штейнъ, а г. Чижовъ. Штейнъ точно отдѣляетъ правовѣдѣніе отъ науки права: «Die Wissenschaft des Rechts ist keine Rechtswissenschaft, sondern die Wissenschaft der Kräfte, welche dasselbe erzeugen». Rechtswissenschaft здѣсь и есть Rechtskunde (Gegenw., стр. VII). Разница между юридическими науками у Штейна такая: философія права—наука о правѣ an sich, государствовѣдѣніе (наука права тожъ)—наука образованнаго жизненными силами, слѣд. дѣйствительнаго, въ противоположность праву an sich, права, а Rechtskunde (правовѣдѣніе) есть наука дѣйствующаго права. Послѣднее есть ничто иное, какъ догматика права, господствующая въ нѣмецкихъ университетахъ; противъ этого исключительнаго господства ея и написано все сочиненіе Штейна: «Gegenwart und Zukunft der Rechtswissenschaft». Догматика изучаетъ не силы, производящія право, а современное право съ цѣлью практическаго примѣненія къ жизни; наука же права (государствовѣдѣніе) изучаетъ право съ точки зрѣнія силъ, его производящихъ. Въ этомъ и отличіе правовѣдѣнія отъ государствовѣдѣнія. Вотъ слова самого Штейна: «Alles geltende Recht ist Anwendung des Reinen Rechtsbegriffes oder der Unverletzlichkeit der einen Persönlichkeit durch die That der andern auf einem *bestimmten wirtschaftlichen oder gesellschaftlichen Zustand*. Es ist damit selbst zunächst wieder *eine Thatsache*, die Thatsache des bestimmten allgemeinen Willens, und *die Kentniss*

dieser Thatsache ist die Rechtskunde, deren Quelle die formale Erscheinung des allgemeinen Willens ist» (Gegenw. 117). Такимъ образомъ правовѣдѣніе есть изученіе права, какъ факта. «Will ich aber das Wesen des positiven Rechts und seines Zustandes erkennen, продолжаетъ Штейнъ,— *so muss ich dasselbe, als Consequenz der Kräfte begreifen,* welche es als solches erzeugt haben» (ibid.). А такъ какъ познаніемъ силъ, производящихъ право, занимается наука о государствѣ, то Штейнъ и пишетъ подчеркивая: *die Staatswissenschaft ewig die einzige und wahre Quelle aller Rechtswissenschaft und ihrer Geschichte sein wird*» (ibid.).

Ничего этого г. Чижовъ не желаетъ знать, и это игнорированіе доходитъ до слѣдующаго. Въ своей книгѣ г. Чижовъ, переводя Gegenwart, излагающую вышеприведенныя мысли, создалъ изъ перевода цѣлую главу, которой нѣтъ у Штейна, и назвалъ ее: «область науки права». Такой главы у Штейна нѣтъ, и «области науки права» внѣ «области науки о государствѣ» Штейнъ не знаетъ. «Ошибка» произошла отъ того, что г. Чижовъ, составляя книгу *о правѣ и его содержаніи*, не замѣтилъ, что переводимая имъ почти дословно глава называется у Штейна: «Der Rechtsbegriff und sein doppelter Inhalt»... Для Штейна эта глава, говорящая о содержаніи права, служитъ исходнымъ пунктомъ для опредѣленія задачъ философіи права и государствовѣдѣнія. Содержаніе права двоякое. Право an sich состоитъ въ священности и неприкосновенности личности; это — область философіи права; право же дѣйствительное образуется жизненными силами,—изученіемъ ихъ занимается государствовѣдѣніе. Только эти двѣ науки и знаетъ Штейнъ; правовѣдѣніе же—не наука, а практическая дисциплина. Не замѣтивъ *права и его содержанія* у Штейна, г. Чижовъ обратилъ вниманіе только на отношеніе между науками, опредѣленіе котораго, какъ мы говорили, главнымъ образомъ, и занимаетъ Штейна. Но такъ какъ это отношеніе между науками обусловливается пониманіемъ содержанія права, которое для г. Чижова «объекты юридическихъ опредѣленій», составляющіе предметъ догматики (Rechtskunde), то и получилось смѣшеніе правовѣдѣнія съ наукой права, невозможность отличить его отъ государствовѣдѣнія, и т. д.

II.

Въ своей статьѣ мы показали, что «г. Чижовъ буквально списываетъ фраза за фразой съ извѣстнаго сочиненія Чичерина (Ист. полит. ученій), ни словомъ и никакимъ другимъ знакомъ не обозначая этихъ заимствованій». Нынѣ г. Чижовъ, признавая въ существѣ дѣла эти «заимствованія», претендуетъ однако на насъ за слова «фраза за фразой», ибо, говоритъ онъ, это значитъ, что онъ списалъ на свои 50 страницъ 270 страницъ Чичерина. Въ этомъ отношеніи и мы можемъ подтвердить, что несомнѣнно, г. Чижовъ списалъ не всѣ 270 страницъ, а только часть ихъ.

Напрасно только г. Чижовъ приписываетъ *намъ* такое предположеніе, ибо что именно г. Чижовъ списалъ съ Чичерина, нами точно и прямо указано въ видѣ перечня заимствованныхъ страницъ (см. нашу рецензію, стр. 249 sq.).

Напрасно также г. Чижовъ говоритъ, что «рецензенты *забываютъ* (курсивъ нашъ), что у Чичерина есть только ссылка на соотвѣтствующія мѣста изъ Спинозы, у меня же приведенъ самый текстъ сочиненія Спинозы», ибо въ нашей рецензіи въ примѣчаніи шестомъ это обстоятельство указано en toutes lettres. Вотъ что сказано буквально въ этомъ примѣч. нашемъ (стр. 250 рецензіи): «въ этихъ мѣстахъ (заимствованныхъ у Чичерина) вся работа г. Чижова состояла въ томъ, что онъ выписалъ въ примѣчанія тѣ цитаты, которыя у Чичерина тоже даны, но въ видѣ указаній на страницы и параграфы подлинниковъ».

Предчувствуя необходимость признать фактъ сходства указанныхъ нами мѣстъ сочиненія Чичерина со своей книгой, г. Чижовъ приводитъ три оправдательныхъ аргумента. Во первыхъ, онъ утверждаетъ, что поправлялъ переводы Чичерина и указываетъ въ подтвержденіе того на находящуюся у него на стр. 198 фразу «рыбы имѣютъ сферою воду», тогда какъ у Чичерина сказано «рыбы владѣютъ водой». Какъ ни незначительна эта поправка, но и она не въ пользу г. Чижова, ибо подлинное выраженіе Спинозы (pisces aqua potiuntur) означаетъ, что рыбы, какъ предназначенныя природою къ плаванью, по праву *пользуются* водою. Такъ именно это выраженіе и объяснено, напр., въ хорошемъ переводѣ *E. Saisset* [6]). Да если бы г. Чижовъ дѣйствительно внимательно сравнивалъ переводы Чичерина съ подлинниками, онъ легко убѣдился бы, что часто это вовсе и не переводы, а весьма вольныя парафразы [7]). Вотъ тутъ то и могла бы обнаружиться самостоятельность г. Чижова, но здѣсь то онъ цѣликомъ и переноситъ слова Чичерина. Второй оправдательный аргументъ г. Чижова таковъ: онъ утверждаетъ, что въ своей книгѣ указалъ, что «пользовался переводомъ Чичерина»; это «указано мною, говоритъ онъ, на стр. 201, примѣч. 349 и что труды г. Чичерина служили мнѣ пособіемъ, указано на стр. VIII моего сочиненія». Что касается до стр. VIII, то это простой списокъ всѣхъ вообще книгъ, которыми авторъ пользовался; и такое указаніе очевидно недостаточно для буквальнаго списыванія. Смотримъ далѣе на первую изъ указанныхъ страницъ — 201, прим. 349. Въ этомъ примѣчаніи находимъ только слѣдующее: «по неимѣнію при печатаніи подъ руками полнаго собр. соч. Шеллинга, *его* (курсивъ нашъ) ученіе изложено нами по Шталю и Чичерину». Не говоря уже о томъ, что и эти слова не указываютъ буквальнаго заимствованія, суть дѣла состоитъ въ томъ, что объ изложеніи Шеллинга мы вовсе не упоминали въ нашей рецензіи, а говорили только о заимствованіи Спинозы, Гоббса и отчасти Канта, а объ нихъ то указанное примѣчаніе ничего и не говоритъ. Наконецъ, въ третьихъ, г. Чижовъ претендуетъ на насъ за употребленное нами слово «списано»; это слово, говоритъ онъ, «можетъ указывать на

заимствованіе мною *идей* (курсивъ г. Чижова) и выводовъ Чичерина», а не его переводовъ. На этотъ разъ мы тоже можемъ успокоить г. Чижова, ибо отнюдь не думали, что онъ «списываетъ идеи», а именно только переводы, что, впрочемъ, *мы же* указали въ примѣч. 6 нашей рецензіи.

Въ нашей рецензіи было далѣе показано, что историческій очеркъ философскихъ теорій о правѣ, данный г. Чижовымъ, страдаетъ крайне важными пропусками: онъ не говоритъ ничего ни о Макіавелли, ни о Мильтонѣ, ни о Локкѣ, почти ничего о Руссо и Монтескье и излагаетъ Фихте такъ, какъ будто бы второй половины дѣятельности этого мыслителя вовсе и не было. Г. Чижовъ старается объяснить эти странные пропуски двумя обстоятельствами: нѣкоторыя изъ этихъ ученій не оказали, говоритъ онъ, никакого *прямаго* вліянія на Штейна, другія важны для его политическихъ теорій, а не юридическихъ, каковыя только г. Чижовъ и изслѣдовалъ. Это объясненіе невозможно, однако, признать удовлетворительнымъ. Ибо, во первыхъ, г. Чижовъ несомнѣнно задавался въ своей книгѣ болѣе широкими цѣлями, чѣмъ изложить философскія ученія лишь *непосредственно* вліявшія на Штейна; если бы это было такъ, то для чего онъ излагалъ Гроція, Гоббса, Пуффендорфа и мн. др.? вѣдь не оказали же они непосредственнаго вліянія на Штейна. Что касается, далѣе, втораго аргумента, то мы весьма сомнѣваемся въ возможности излагать философское ученіе о правѣ, не касаясь природы государства. И г. Чижовъ, когда писалъ свою книгу, былъ того же мнѣнія, ибо излагалъ не только собственно юридическія, но отчасти и политическія теоріи философовъ (какъ, напримѣръ, Гоббса, Спинозы, Гегеля). Итакъ, одно изъ двухъ: или тотъ планъ, котораго держался г. Чижовъ, когда писалъ свою книгу, ложенъ,—или указанные нами пропуски дѣйствительно важны.

Въ нашей рецензіи мы поставили г. Чижову въ упрекъ то обстоятельство, что онъ назвалъ Гоббса, крайняго абсолютиста, представителемъ *либеральныхъ* идей. Въ своемъ «Отвѣтѣ» г. Чижовъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ свое выраженіе. «Если въ средніе вѣка утверждали, говоритъ онъ, что естественное право есть выраженіе божественной воли, то школа естественнаго права (а въ ней Гоббсъ) проводила мысль, что основа права и государства не природа и свойства Бога, а природа человѣка. Это были безспорно *либеральныя* идеи сравнительно со средневѣковыми». На это мы замѣтимъ, что такой не точный способъ выраженія пригоденъ, можетъ быть, для публициста, почитающаго все новое либеральнымъ, но отнюдь не отвѣчаетъ требованіямъ философіи права. Если Гоббсъ выводилъ право изъ *природы человѣка*, то такое ученіе мы должны назвать натурализмомъ (въ противоположность сверхъ-естественной теоріи); если онъ выводилъ право изъ разума, безъ помощи откровенія, то это—раціонализмъ (въ противоположность традиціонализму); если, наконецъ, ученіе Гоббса было ново и оригинально, то онъ новаторъ; но либерализма ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ случаѣ никакого нѣтъ. Ученія вполнѣ раціоналистическія бывали крайне кон-

сервативны, и обратно, ученія весьма либеральныя имѣли нерѣдко супранатуралистическій характеръ. Что же касается въ частности Гоббса, то лучшимъ доказательствомъ того, что и въ то время его ученіе не казалось либеральнымъ, можетъ служить то обстоятельство, что оно вызвало рѣшительную полемику со стороны либеральной партіи, представителями которой явились писатели такъ называемой демократической школы (Мильтонъ).

Въ нашей рецензіи было показано, что г. Чижовъ крайне неправильно понимаетъ политическія ученія Спинозы, утверждая, что этотъ послѣдній училъ «*полному* подчиненію личности государству», тогда какъ на самомъ дѣлѣ Спиноза, въ противуположность Гоббсу, защищалъ свободу мнѣній и вѣроисповѣданія, написалъ ради этой защиты особый трактатъ и полагалъ, что то государство, которое пожелаетъ нормировать эти отношенія, само себя погубитъ. Нынѣ г. Чижовъ, не опровергая нашихъ доказательствъ, приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія цитату изъ Спинозы, въ которой сказано, что «ни одинъ гражданинъ не имѣютъ права самъ рѣшать, что справедливо, что несправедливо» (quid aequum, quid iniquum). Но о значеніи этой именно цитаты (Tract. polit. III, § 5) мы уже говорили въ нашей рецензіи. Если бы, вмѣсто того, чтобы вырывать одну фразу изъ контекста Спинозы, г. Чижовъ сравнилъ ее съ тѣмъ, что за ней слѣдуетъ (§ 6, 8 и сл.) и съ тѣмъ, что ей предшествуетъ (§ 3), онъ нашелъ бы, въ какомъ *ограниченномъ* смыслѣ употребилъ Спиноза приведенныя слова. Именно, нѣсколько строкъ выше, Спиноза, сказавъ о томъ, что никоимъ образомъ законъ не можетъ позволить каждому гражданину жить по своему, прибавляетъ: должно замѣтить, что я говорю о дозволеніи черезъ законъ, ибо строго говоря естественныя права каждаго не вполнѣ прекращаются въ общественномъ строѣ. Если бы г. Чижовъ принялъ это къ соображенію, онъ увидѣлъ бы, что и въ приводимой имъ цитатѣ слова Спинозы, запрещающія гражданину рѣшать произвольно quid aequum, quid iniquum, относятся не ко всякому его рѣшенію, но только къ тѣмъ, которыя государство считаетъ нужнымъ нормировать [8]).

Мы упрекали далѣе г. Чижова въ томъ, что излагая ученіе Томазія по двумъ его сочиненіямъ (Institutiones и Fundamenta), онъ упустилъ изъ виду, что эти сочиненія соотвѣтствуютъ двумъ *разнымъ ступенямъ* въ развитіи самого Томазія. На это г. Чижовъ, замѣтивъ, что, конечно, «два сочиненія Томазія не одно и тоже сочиненіе», полагаетъ, однако, что «пользованіе хотя и двумя сочиненіями Томазія не отразилось вредно на представлѣніи его ученія». Это обстоятельство, однако, несомнѣнно должно было отразиться вредно, ибо въ первомъ изъ указанныхъ сочиненій Томазій даетъ праву теологическое обоснованіе, во второмъ же выводитъ его изъ потребностей человѣческой природы [9]). Если изложеніе, данное г. Чижовымъ, игнорируя это обстоятельство, не попадаетъ въ явныя противорѣчія, то оно обязано этимъ лишь своей поверхност-

ности, при которой источникъ права по Томазію остается недостаточно выясненнымъ.

Наконецъ, г. Чижовъ жалуется, что мы, указывая его неправильные переводы цитатъ, приводили, между прочимъ, и такія, которыя уже исправлены въ изданномъ имъ черезъ полгода послѣ выхода книги «Приложеніи». Жалоба эта лишена всякаго основанія, ибо существованіе исправленій, данныхъ въ «Приложеніи» *нами же* указано въ примѣч. 5 къ рецензіи. Въ этомъ примѣч. сказано: «эта рецензія была готова, когда мы получили брошюру г. Чижова «*Приложеніе къ сочиненію «Право и его содержаніе по ученію Л. фонъ-Штейна*» (Одесса, 1890). Цѣль этой брошюры, вышедшей черезъ полгода послѣ появленія книги, исправить нѣкоторые (указанные г. Чижову) ошибочные переводы. Конечно, mieux tard que jamais, но жаль, что и послѣ этой брошюры осталось такъ много промаховъ, каковы, напримѣръ, неправильные переводы на стр. 176, 198, 199, 208, 214 и мн. др.».

Разъ, однако, г. Чижовъ опять поднимаетъ вопросъ о неправильныхъ переводахъ своихъ, то и мы со своей стороны прибавимъ къ указаннымъ нами ошибкамъ еще нѣсколько образцовъ. Такъ, напр., на стр. 181 г. Чижовъ, излагая Фихте, говоритъ: «*я* опредѣляется черезъ дѣятельность своего страданія». Что это за «дѣятельность страданія» (contradictio in adjecto)? Конечно, Фихте не говоритъ этого. И дѣйствительно у него сказано: «das Ich bestimmt durch Thätigkeit sein Leiden», т. е. *я* опредѣляетъ (ограничиваетъ) свое страданіе черезъ свою же дѣятельность.—Далѣе на той же стр. г. Чижовъ говоритъ: «только *я* дѣятельно». Но у Фихте опять не то: das Ich ist nur thätig (*я* только дѣятельно); г. Чижовъ не понялъ распорядка словъ.—На слѣдующей (182) стр. ложный переводъ ведетъ г. Чижова къ тому, что онъ не понимаетъ самаго основнаго положенія въ нравственной философіи Фихте. Для Фихте, выходившаго изъ понятія Я и признававшаго весь міръ за явленіе для моего Я, самымъ труднымъ вопросомъ было доказать, что существуютъ другіе Я, уже не явленія моего Я. Но доказать это было необходимо, ибо нравственное отношеніе возможно именно не между Я и его явленіями, а между моимъ Я и другими Я, столь же самостоятельными. Чтобы выбиться изъ этого затрудненія, Фихте прибѣгаетъ къ особой формѣ дедукціи. Общій, упрощенный смыслъ этой дедукціи таковъ: нравственность есть долгъ или обязательство; обязательство возможно только подъ условіемъ, что меня кто нибудь обязываетъ или требуетъ исполненія; а такъ какъ долгъ есть фактъ (и даже по Фихте условіе самаго Я), то есть, значитъ, существа внѣ меня, предъявляющія мнѣ эти требованія. Въ этомъ смыслѣ Фихте и говоритъ: это требованіе къ самодѣятельности непонятно, если не приписать его (т. е. требованіе) какому нибудь дѣйствительному существу, внѣ меня находящемуся. Что же сдѣлалъ изъ этого положенія г. Чижовъ? Вотъ какъ онъ его переводитъ: «означенное требованіе къ самостоятельности непонятно, если я не признаю *такого* же стремленія къ ней за сущест-

вомъ внѣ меня находящимся»! Переводить такъ, значитъ совершенно измѣнять основной смыслъ Фихтевскаго разсужденія, о значеніи котораго можно, однако, справиться въ любой исторіи философіи [10]). Такихъ искажающихъ смыслъ переводовъ мы насчитали на 6 полустраницахъ, посвященныхъ Фихте, до шести (кромѣ 13 поправокъ и исправленій данныхъ въ «Приложеніи»).

---

¹) По поводу нашего указанія на несоотвѣтствіе книги Штейна, о которой идетъ рѣчь, цѣлямъ г. Чижова, послѣдній пишетъ, что рецензенты противорѣчатъ сами себѣ. Приведя наши слова: „въ Gegenwart und Zukunft Штейна есть несомнѣнно блестяще имъ самимъ сдѣланное изложеніе своего ученія о правѣ и его содержаніи, и для г. Чижова было бы непростительно, если бы онъ имъ не воспользовался",—г. Чижовъ говоритъ: „спрашивается, какъ же это такъ вышло у рецензентовъ, что я, давая переводъ, гдѣ блестяще сдѣлано имъ самимъ изложеніе своего ученія о правѣ, представилъ ученіе о *мѣстѣ*" и т. д.? Отвѣтъ и на это есть въ рецензіи; къ вышеприведеннымъ словамъ тамъ добавлено: „но несомнѣнно также и то, что цѣлью Штейна въ этомъ сочиненіи является не прямо изложеніе своего ученія о правѣ и его содержаніи, какъ у г. Чижова, а построеніе на основаніи общаго ученія о правѣ такой системы юридическихъ наукъ" и т. д. Въ концѣ нашего отвѣта читатель увидитъ послѣдствія для г. Чижова непониманія имъ этого обстоятельства.

²) У г. Тарасова напечатано 117. Это опечатка: изложеніе г. Тарасова вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, въ подтвержденіе чего г. Чижовъ цитируетъ у себя 171.

³) „Diese Beschränkungen der individuellen Freiheit, indem sie durch *im Staate* zur Persönlichkeit erholenen Willen der Gemeinschaft gesetzt werden, *bilden das Recht* (Handb. 1³, XIV).

⁴) Г. Чижовъ упрекаетъ насъ въ неправильномъ употребленіи слова неправда: „не право, а не неправда", замѣчаетъ онъ. Но пусть г. Чижовъ посмотритъ стр. 211 своей книги.

⁵) Въ своемъ отвѣтѣ намъ, этимъ томомъ V. L. г. Чижовъ и самъ не пользуется.

⁶) Jouissent de l'eau. Oeuvres de Spinoza, trad. par. *E. Saisset,* nouv. èd., т. II, стр. 251.

⁷) Такъ, напр., у Чичерина (II, 112) говорится: „коль скоро люди соединили свои силы и образовали общество, такъ личное право каждаго уступаетъ общему праву: ибо отдѣльное лицо безсильно передъ остальными. Слѣдовательно, каждый пользуется здѣсь тѣмъ правомъ, какое дается ему обществомъ... Если же онъ не повинуется, то можно употребить противъ него принужденіе, такъ какъ право вытекаетъ изъ силы". Тоже самое у г. Чижова (стр. 199 sq.). Спиноза же говоритъ иными словами: „когда люди имѣютъ общія права и руководимы такъ сказать однимъ духомъ, тогда очевидно каждый изъ нихъ имѣетъ тѣмъ меньше правъ, чѣмъ прочіе вмѣстѣ взятые сильнѣе его, т. е. онъ на дѣлѣ не имѣетъ на природу никакихъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, что ему уступило общее право" (Tract. polit., III).

⁸) О томъ, что Спиноза училъ *неполному* подчиненію индивидуума государству, говорятъ, можно сказать, всѣ историки философіи и философіи права. См. напр.

Kuno Fischer, Gech. d. neuern Philos., т. I, ч. II, стр. 443 sq.; *Erdmann*, Grundriss d. Gesch. d. Philos. т. II, стр. 68 (3 изд.); *Windelhand*, Gesch. d. neuern Philos., т. I, стр. 218; *Vorländer*, Gesch. d. philos. Moral etc., стр. 33; *Bluntschli*, Gesch. d. neueren Staatswiss. etc., стр. 132 (3 изд.).

9) *Zeller*, Gesch. d. deutsch. Philos., стр. 210.

10) См. напр. кромѣ К. Фишера (пятый томъ Gesch. d. neuern Philos), также *Harms*, Philos. seit Kant, стр. 339; *Zeller*, Gesch. d. deutsch. Philos., стр. 615; *Erdmann*, Grundriss d. Gesch. d. Philos., II, стр. 430 sq.

В. Нечаевъ и Н. Ланге.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ПРИГОВОРЫ ВЪ РОССІИ *).

(Окончаніе).

III.

До сихъ поръ мы разсматривали отношенія оправданныхъ въ общихъ судахъ, но наши свѣдѣнія по этому вопросу были бы весьма не полны, если бы мы не коснулись результатовъ приговоровъ въ мировыхъ установленіяхъ. Въ настоящее время (декабрь 1890) мировая юстиція уже въ большей части Европейской Россіи—«дѣла минувшихъ дней», хотя еще и не «преданье старины глубокой», но въ 1875—84 гг. мировые суды благополучно дѣйствовали на территоріи въ то время большей, чѣмъ какую занимали окружные суды; о дѣятельности мировыхъ учрежденій, т. е. собственно объ осужденныхъ ими, помѣщались подробные отчеты въ статистическихъ сводахъ по той же программѣ, какъ и для окружныхъ судовъ. Данныя имѣются однако только относительно осужденныхъ за тѣ проступки, за которые по уст. о нак. полагается тюремное заключеніе; такимъ образомъ, въ своды входятъ: прошеніе милостыни (49 ст. уст. о нак.), похищеніе лѣсныхъ матеріаловъ (ст. 154), кража (ст. 169—172), торговые обманы (ст. 173), мошенничество и присвоеніе (173 — 178) и покупка завѣдомо краденаго (ст. 180). По всѣмъ прочимъ проступкамъ въ статистическихъ сводахъ мин. юст. свѣдѣній не имѣется. Изъ подсудимыхъ, которымъ по уст. о нак. грозитъ тюрьма, громадное большинство составляютъ обвиняемые въ кражѣ: за 10 лѣтъ въ среднемъ они занимаютъ $86{,}_2\%$ всѣхъ обвиняемыхъ по по ст. 49, 154 и 169—180 уст. о нак.; въ послѣднее же время ихъ отношеніе еще возрасло (слѣдствіе закона 18 мая 1882) и въ пятилѣтіе 1880 — 84 обвиняемыхъ въ кражѣ было $87{,}_6\%$. Изъ остальныхъ болѣе крупную величину представляютъ обвиняемые въ мошенничествѣ,

*) См. „Юридич. Вѣстн.“ 1881, № 3.

торговыхъ обманахъ и присвоеніи (около 8%); прочіе проступки весьма незначительны по числу подсудимыхъ. Всего судившихся за означенные проступки у мировыхъ судей за 10 лѣтъ было 627,749 человѣкъ, изъ нихъ оправдано 237,834 или 37,8%. По отдѣльнымъ годамъ было оправдано.

1875	42,2%
1876	39,2
1877	39,8
1878	38,6
1879	38,4
1880	37,7
1881	36,4
1882	37,6
1883	36,1
1884	35,6
Среднее	37, %

Такимъ образомъ, въ мировыхъ судахъ замѣчается явленіе, совершенно обратное тому, какое мы видѣли въ общихъ судахъ относительно приговоровъ присяжныхъ: тамъ отношеніе оправданныхъ до 1884 г. увеличивалось, а здѣсь наоборотъ уменьшалось и довольно значительно. При этомъ приговоры относительно обвиняемыхъ въ кражѣ, какъ и на судѣ присяжныхъ, значительно строже: за 10 лѣтъ было оправдано мировыми судьями за кражу—36,2%, а за прочіе проступки (ст. 49, 154 и 173—180) гораздо больше—48,8%. Относительно оправданій по всѣмъ вообще проступкамъ, подвѣдомственнымъ мировымъ судьямъ, мы могли бы привести данныя по московскому мировому округу за 1883—87 гг., но въ виду того, что повсюду мы ведемъ рѣчь о цѣлой или большей части Россіи, приводить для характеристики судебной дѣятельности мировыхъ судей свѣдѣнія по одному только округу, хотя бы и столичному, намъ показалось неумѣстнымъ, почему мы эти данныя опустили вовсе.

По отдѣльнымъ районамъ наименѣе оправдываютъ мировые судьи петербургскаго и московскаго судебн. округовъ—отъ 25—30%, наибольшей же мягкостью отличаются мировые судьи 9 западныхъ губерній, а также губ. Олонецкой, Оренбургской, Уфимской и Астраханской, т. е. судьи, не служащіе по выборамъ, а назначаемые отъ правительства. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1880—84 г. было оправдано мировыми учрежденіями въ 9 западн. губ.—45,6%, въ губ. Олонецкой, Оренбургской, Уфимской и Астраханской — 56,0, а въ остальныхъ губерніяхъ (внутренней части Европейской Россіи) только 32,2% подсудимыхъ. За кражу было оправдано въ 13 губ. съ назначаемыми судьями 46,0, въ губерніяхъ съ выборными судьями—30,4%; послѣдняя величина весьма близко подходитъ къ отношенію оправданныхъ за кражу присяжными (30,7%). Но гдѣ въ особенности много оправдываютъ мировыя учрежденія — это въ округѣ

Варшавской судебной палаты [1]) (бывш. Ц. Польское). Въ этомъ округѣ съ 1878 по 1884 гминными судами, мировыми судьями и ихъ съѣздами судились за проступки, влекущіе за собою тюремное заключеніе, — 179,532 лица, изъ коихъ оправдано 126,475 или 70,3%. За кражу (ст. 169—172 уст. о нак.) было оправдано въ 1880—84 гг.—68,2%. По остальнымъ проступкамъ (мошенничество и пр.) за то же время было оправдано 87,5% подсудимыхъ. Оправдываемость исключительная по своей высотѣ: ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ ни въ какой другой мѣстности. Явленіе это безъ знанія мѣстныхъ условій дѣятельности мироваго суда невозможно объяснить.

Этимъ и заканчиваются наши свѣдѣнія объ оправданныхъ въ Россіи: помимо судебныхъ мѣстъ стараго устройства и обвиняемыхъ у миров. судей по проступкамъ, не влекущимъ за собой тюремнаго заключенія (весьма обширная группа обвиняемыхъ и сильно оправдываемая)—мы не имѣемъ кромѣ того никакихъ свѣдѣній объ оправданіяхъ въ волостныхъ судахъ, которымъ подсудна несомнѣнно огромная масса мелкихъ уголовныхъ дѣлъ между крестьянами (неквалифированныя преступленія противъ имуществъ до 30 руб., оскорбленія словами и дѣйствіемъ, т. е. ссоры и драки и пр.). Въ какой мѣрѣ оправдываютъ наши волостные суды? Намъ это рѣшительно неизвѣстно, да и вообще о дѣятельности волостныхъ судовъ во всей Россіи статистическихъ свѣдѣній нигдѣ и никто не собираетъ, насколько намъ извѣстно; а прелюбопытныя могли бы данныя получиться, разработка которыхъ способна была бы пролить значительный свѣтъ на темную еще во многихъ отношеніяхъ для насъ жизнь крестьянскаго сословія.

IV.

Въ заключеніе нашей работы, мы представимъ краткій обзоръ свѣдѣній объ оправданныхъ судами въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ, уголовные отчеты которыхъ у насъ были подъ руками. Сравненіе этихъ данныхъ съ нашими представляетъ, конечно, много затрудненій при различіи въ судопроизводствѣ, самомъ матеріальномъ правѣ и, наконецъ, и при иной группировкѣ статистическаго матеріала. Впослѣдствіи мы имѣемъ намѣреніе подробно разработать результаты судебнаго разбирательства какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ, имѣя въ виду и различіе уголовныхъ кодексовъ въ сравниваемыхъ странахъ и ихъ процессуальныя особенности. Но въ настоящее время мы ограничимся только указаніемъ на отношеніе оправданныхъ преимущественно во Франціи, такъ какъ отчасти уголовная про-

---

[1]) Въ общее отношеніе оправданныхъ мировыми судами по Евр. Россіи мы не вводили данныхъ по Варшавскому округу, о которомъ статистическія свѣдѣнія печатаются отдѣльно отъ сводовъ по прочимъ судебнымъ округамъ.

цедура этой страны послужила образцомъ для нашего уголовнаго судопроизводства, а главнымъ образомъ потому, что въ статистическихъ отчетахъ французскаго министерства юстиціи данныя о судебномъ дѣлопроизводствѣ отличаются наибольшей полнотой по сравненію съ другими иностранными отчетами. При этомъ надо прежде всего имѣть въ виду, что во Франціи съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ ассизахъ разбираются только наиболѣе тяжкія преступленія (la grande criminalité), число которыхъ не велико: въ пятилѣтіе 1881—85 судилось въ ассизахъ въ среднемъ за годъ только 4,381 подсуд. (въ предыдущее пятилѣтіе почти то же число—4,374 подсуд.). Дѣлъ было разобрано въ ассизахъ еще меньше — 3,343 въ средній годъ 1881 — 85 и 3,446 въ средній годъ 1876—80. Главная же масса дѣлъ (и обвиняемыхъ) разсматривается въ исправительныхъ судахъ (tribunaux correctionnels), гдѣ судятъ одни только правительственные судьи: въ этихъ судахъ было дѣлъ въ среднемъ за годъ въ 1876—80—167,229, а въ 1881—85—180,806; обвиняемыхъ было за тѣ же періоды: 196,483 и 212,839. Кромѣ того во Франціи еще есть tribunaux de simple police, гдѣ разсматриваются такъ называемыя contraventions, нарушенія спеціальныхъ постановленій и правилъ, наприм., закона о пьянствѣ въ публичномъ мѣстѣ (1873 года), вообще нарушенія общественной тишины и порядка. Ихъ мы касаться не будемъ, такъ какъ такого рода свѣдѣній по Россіи мы не имѣемъ, и по маловажности своей они особаго интереса не представляютъ. Въ ассизахъ, кромѣ того, происходитъ и заочное разбирательство по уголовнымъ дѣламъ, виновники которыхъ скрылись (jugements par contumace); дѣла эти разбираются безъ присяжныхъ. Такъ какъ наше уголовное судопроизводство заочныхъ приговоровъ не допускаетъ, то и по Франціи мы объ этихъ приговорахъ говорить не будемъ; ихъ впрочемъ и не много: судятся заочно около 6% обвиняемыхъ.

Всего было оправдано присяжными въ ассизахъ за 1881—85 гг. — 27% (цифру эту беремъ изъ введенія къ отчету министерства юстиціи за 1885 г., гдѣ есть сводка за все пятилѣтіе; дробей при вычисленіи процентовъ во французскихъ сводахъ не выставляется). Отношеніе это нельзя сравнивать съ общимъ процентомъ оправданныхъ нашими присяжными, такъ какъ во Франціи присяжные судятъ, главнымъ образомъ, только слѣдующія преступленія: убійство (безъ лишенія жизни по неосторожности, которое разсматривается въ исправительныхъ судахъ), растлѣніе и изнасилованіе, вытравленіе плода, поддѣлку монеты, подлоги, поджоги, квалифицированную кражу (между прочимъ и грабежъ, не выдѣляемый въ особую рубрику), злостное банкротство и нѣкоторыя другія рѣдкія преступленія (какъ-то подкупъ чиновниковъ, нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій восходящимъ и проч.). Собственно убійство, преступленія противъ женской чести и квалифицированная кража занимаютъ $^3/_4$ всѣхъ дѣлъ, разбираемыхъ съ участіемъ присяжныхъ. Но во всякомъ случаѣ французскіе присяжные строже нашихъ, потому что у насъ при-

сяжные только за кражу оправдываютъ 30% (всетаки выше 27%), а по всѣмъ остальнымъ преступленіямъ отношеніе оправданныхъ у насъ гораздо выше. При этомъ еще надо замѣтить, что въ пятилѣтіе 1881—85 во Франціи процентъ оправданныхъ въ ассизахъ повысился по сравненію съ предшествовавшими пятилѣтіями: такъ въ 1876—80 гг. было оправдано только 22%, въ 1871—75 гг.—20%, въ 1866—70—22%, въ 1861—65 гг.—24%, въ 1856—60 гг.—24%, въ 1851—55—28%. До 1850-тыхъ годовъ присяжные оправдывали больше (свыше 30%); но помимо того обстоятельства, что до 1832 года смертная казнь примѣнялась во Франціи по 11 видамъ преступленій и присяжные не имѣли права въ приговорѣ давать снисхожденіе (circonstances atténuantes) подсудимому, самый приговоръ присяжныхъ до 1853 года былъ обусловленъ, въ случаѣ обвиненія, извѣстнымъ, опредѣленнымъ въ законѣ, большинствомъ: 8 и одно время даже 9 голосовъ изъ 12. Съ 1853 года приговоры постановляются простымъ большинствомъ. На пониженіе оправдательныхъ приговоровъ въ шестидесятыхъ годахъ повліяла также и такъ называемая «коррекціонализація» — передача менѣе сложныхъ дѣлъ, ранѣе подвѣдомственныхъ суду присяжныхъ, въ исправительные трибуналы.

Французскіе отчеты сожалѣютъ о повышеніи процента оправданныхъ присяжными: въ отчетѣ за 1885 г. мы встрѣчаемъ слѣдующую фразу: «уголовныя преслѣдованія всегда достойны сожалѣнія (regrettables), если они оканчиваются оправданіемъ подсудимаго, такъ какъ благодаря имъ, т. е. преслѣдованіямъ, лица, объявленныя невиновными, подвергаются довольно долговременному предварительному заключенію, а бюджетъ государства обременяется излишними расходами» (стр. XIV). Эта фраза есть и въ сводномъ отчетѣ за 1826—80 гг., и ее же мы встрѣчаемъ въ отчетѣ за 1886 г., въ которомъ министръ юстиціи (въ то время J. Ferrouillat—введенія къ сводамъ во Франціи всѣ составляются за подписью самого министра) уже «удивляется» (il est permis de s'étonner), что присяжные въ этомъ году оправдали 29% подсудимыхъ, не смотря на широкое примѣненіе смягченія наказанія [2]). Можно себѣ представить удивленіе того же министра, если бы онъ узналъ, что присяжные оправдываютъ не 29, а 40 и болѣе изъ 100 подсудимыхъ. Такое отношеніе оправданныхъ во Франціи было бы сочтено настоящимъ бѣдствіемъ и вызвало бы цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, потому что, какъ увидимъ далѣе, оправдательные приговоры правительственными судьями во Франціи (въ исправительныхъ судахъ) выносятся необычайно рѣдко по сравненію съ нами.

Разсмотримъ отношеніе оправданныхъ присяжными по отдѣльнымъ преступленіямъ за 1881—85 гг., расположивъ преступленія въ порядкѣ убыванія оправдываемости.

---

2) Стр. XII введенія къ отчету за 1886.

Названіе преступленій.	Изъ 100 подсудимыхъ въ ассизахъ оправдано.
Служебныя преступленія [3]	41,6
Злоупотребленіе довѣріемъ	40,1
Поджоги	39,6
Подлоги (Faux divers)	35,8
Преступленія противъ жизни	31,7
Растлѣніе и изнасилованіе	29,1
Квалифицированная кража	16,9
Грабежъ (vol avec violences)	13,5
Святотатство (vol dans les églises)	10,0

Что прежде всего поражаетъ въ этой таблицѣ, такъ это ея необыкновенное сходство съ распредѣленіемъ преступленій по убывающему проценту оправданныхъ присяжными у насъ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, на верху таблицы стоятъ служебныя преступленія и во Франціи и у насъ; далѣе слѣдуютъ (за исключеніемъ злоупотребленія довѣріемъ, у насъ отдѣльно не показаннаго) поджоги и подлоги въ той же послѣдовательности, какъ и у насъ. Дальше тождество по распредѣленію преступленій прерывается, но въ концѣ таблицы мы видимъ кражу, грабежъ и святотатство. Въ особенности замѣчательно то, что какъ въ православной Россіи, такъ и въ неособенно католической Франціи, святотатство оправдывается менѣе всего, и въ либеральной Франціи даже гораздо менѣе, чѣмъ въ религіозной Россіи: всего 10% оправданныхъ, а у насъ 27%. Вообще французскіе присяжные, какъ видно изъ таблицы, особенно строго относятся къ кражѣ, за которую они оправдываютъ вообще вдвое менѣе, чѣмъ за остальныя преступленія и вдвое менѣе, чѣмъ ихъ русскіе собратья (30% оправданныхъ за кражу). Но эта большая строгость французскихъ присяжныхъ зависитъ между прочимъ и оттого, что количество рецидивистовъ среди обвиняемыхъ за кражу и за всѣ вообще преступленія во Франціи гораздо выше, чѣмъ у насъ. По всѣмъ вообще преступленіямъ въ ассизахъ было рецидивистовъ въ 1881 — 1885 гг. 52% осужденныхъ, изъ обвиненныхъ же за квалифицированную кражу (включая и грабежъ и святотатство по нашей таблицѣ) рецидивистовъ было почти три четверти — 73%, изъ поджигателей — 53%; изъ обвиненныхъ за преступленія противъ личности уже значительно меньше — 38%. Это отношеніе рецидивистовъ по сравненію съ нашими данными необыкновенно высоко: у насъ за 1875—1884 гг. осужденные за повтореніе преступленій никогда не превышали 25%. Но при этомъ необходимо помнить, что данныя о рецидивѣ у насъ собираются вообще менѣе тща-

[3] Такъ мы назвали, соединивъ ихъ въ одну группу, отдѣльныя малочисленныя преступленія этого рода, разбираемыя въ ассизахъ: détournement de deniers publics, corruption de fonctionnaires, soustraction de valeurs par un employé de postes, и др. И въ суммѣ ихъ оказалось очень мало: всего 154 обвиняемыхъ за 5 лѣтъ.

тельно и по иной программѣ, чѣмъ во Франціи: въ мировыхъ установленіяхъ, напримѣръ, у насъ сообщаются въ министерство юстиціи свѣдѣнія о рецидивѣ только относительно лицъ, приговариваемыхъ къ тюремному заключенію, а по всей остальной многочисленной группѣ обвиняемыхъ этихъ свѣдѣній не сообщается. Во Франціи же въ tribunaux correctionnels отмѣчаются рецидивисты, хотя бы ранѣе приговоренные только къ денежному взысканію (à l'amende). Такимъ образомъ, отношеніе рецидивистовъ по нашимъ сводамъ несомнѣнно ниже дѣйствительнаго и не можетъ быть собственно сравниваемо съ такимъ же отношеніемъ во французской уголовной статистикѣ. Съ другой стороны, и наказанія во Франціи несравненно строже за тяжкія преступленія, чѣмъ у насъ: за 1881 — 1885 гг. во Франціи было приговорено къ смертной казни—148 лицъ, къ пожизненной каторгѣ—617, итого 765 присужденныхъ къ высшей мѣрѣ наказанія, а у насъ за тоже время къ пожизненной каторгѣ было присуждено только 121 челов., т. е. менѣе чѣмъ во Франціи приговорено къ одной только смертной казни, между тѣмъ обвиняемыхъ въ убійствѣ (не считая смертельныхъ поврежденій) у насъ въ среднемъ годичномъ до 1880—1884 гг.—2,650, а во Франціи (включая смертельныя поврежденія, но безъ неосторожнаго убійства) только 850 обвиняемыхъ въ среднемъ за 1881—1885 гг., да и съ неосторожнымъ убійствомъ только 1,371, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ у насъ. Политическія дѣла, какъ извѣстно, у насъ съ присяжными не разбираются, поэтому объ нихъ здѣсь и не можетъ быть рѣчи.

Женщинъ французскіе присяжные, какъ и наши, оправдываютъ больше, чѣмъ мужчинъ: этихъ послѣднихъ въ 1881—1885 гг. было оправдано 25%, а женщинъ 45%; подобнымъ же образомъ и въ предыдущее пятилѣтіе мужчинъ оправдано 19%, а женщинъ 35%. По возрастамъ присяжные оправдываютъ преимущественно лицъ свыше 40 лѣтъ отъ роду и чѣмъ старше вообще подсудимый, тѣмъ болѣе у него шансовъ быть оправданнымъ: изъ обвиняемыхъ до 21 года было оправдано 26%, отъ 21—40 лѣтъ—24%, отъ 40—60 лѣтъ оправдано 33%, свыше 60 лѣтъ уже 38%; аналогичное отношеніе оправданныхъ по возрастамъ и въ 1876—1880 гг., только въ меньшихъ цифрахъ. Значительная разница также въ отношеніи оправданныхъ подсудимыхъ въ связи со степенью ихъ образованія: изъ неграмотныхъ обвиняемыхъ въ 1881—1885 гг. было оправдано присяжными только 24%, изъ грамотныхъ — 28%, а изъ получившихъ образованіе уже 37%. Это распредѣленіе оправданныхъ по группамъ образованія наблюдалось (равно какъ и по возрастамъ и поламъ) за все время собиранія статистическихъ свѣдѣній о приговорахъ присяжныхъ, т. е. съ 1836 г., такъ что въ отчетѣ за 1880 г. прямо сказано, что «законъ этотъ (повышенія оправданій по мѣрѣ увеличенія возраста и образованія) неизмѣненъ»—cette loi est immuable (стр. XLIII). Однако французскіе своды не выясняютъ въ тоже время причинъ этого «закона», ограничиваясь его констатированіемъ. Но, по соображенію съ

другими уголовно-статистическими данными, можно заключить, что бо́льшая оправдываемость лицъ образованныхъ и грамотныхъ сравнительно съ неграмотными обусловливается, по всѣмъ вѣроятіямъ, прежде всего родомъ тѣхъ преступленій, въ которыхъ, главнымъ образомъ, обвиняются лица, получившія образованіе; эта группа обвиняемыхъ, какъ извѣстно, больше всего участвуетъ въ мошенничествахъ, злоупотребленіи довѣріемъ, подлогахъ, преступленіяхъ противъ женской чести—все такого рода преступленіяхъ, которыя по своей запутанности и слабой обнаруживаемости трудно доказываются на судѣ; наоборотъ, образованные очень рѣдко сравнительно обвиняются въ кражѣ, которая почти цѣликомъ достается въ удѣлъ неграмотнымъ, а за нее-то всего болѣе выпадаетъ обвинительныхъ приговоровъ. Не безъ вліянія, конечно, остается и то обстоятельство, что образованный подсудимый сравнительно съ неграмотнымъ располагаетъ несомнѣнно лучшими средствами защиты и большимъ умѣньемъ расположить въ свою пользу судъ. Тѣ же соображенія въ извѣстной мѣрѣ примѣнимы и къ повышенію процента оправданныхъ по мѣрѣ увеличенія возраста обвиняемыхъ.

Смягчающія обстоятельства (circonstances atténuantes) признаются въ приговорахъ французскихъ присяжныхъ весьма часто, именно относительно 74% осужденныхъ (что служитъ яснымъ указаніемъ на чрезмѣрную тяжесть назначенныхъ закономъ наказаній). Хотя, какъ и у насъ, присяжные, при постановленіи приговора, по закону не должны принимать въ соображеніе мѣру наказанія, опредѣленнаго за разсматриваемое ими преступленіе, но въ дѣйствительности присяжные, при признаніи смягчающихъ вину обстоятельствъ, несомнѣнно имѣютъ въ виду тяжесть наказанія, ожидающаго преступника. Такъ, для лицъ, коимъ грозитъ по закону смертная казнь (peine capitale), смягчающія обстоятельства признаны въ 91 случаѣ изъ 100 (иначе за пятилѣтіе 1881—1885 гг. во Франціи было бы не 148 смертныхъ приговоровъ, а около 1,500), для лицъ, присуждаемыхъ къ пожизненной каторгѣ, дано снисхожденіе 81%, а для обвиняемыхъ, которымъ по закону назначена срочная каторга, смягченіе вины признано только для 66%.

Въ исправительныхъ судахъ, въ которыхъ разбирается главная масса преступленій не столь тяжкаго характера (délits), оправданія несравненно рѣже, чѣмъ въ ассизахъ: было оправдано въ 1881—1885 гг. изъ обвиняемыхъ въ проступкахъ (prévenus) всего 6% (кромѣ того 2% обвиняемыхъ, не достигшихъ 16 лѣтняго возраста, были признаны дѣйствовавшими безъ разумѣнія; изъ нихъ половина была возвращена родителямъ, а около половины отправлено въ исправительные пріюты). По возстанію (rébellion—не имѣющему политическаго характера) и оскорбленіямъ должностныхъ лицъ—французскіе tribunaux correctionnels оправдываютъ самое незначительное количество подсудимыхъ: именно, за возстаніе и сопротивленіе властямъ въ 1881—1885 гг. было оправдано 1,6%. За оскорбленія чиновникамъ (outrages aux fonctionnaires) оправдано немного

болѣе—2,4%. По другимъ проступкамъ отношеніе оправданныхъ нѣсколько выше: за нанесеніе побоевъ—7,5%, за кражу (неквалифицир.)—8,9%, за мошенничество—11,0%, злоупотребленіе довѣріемъ—11,3%.

Въ какой мѣрѣ бо́льшій процентъ обвиненія слѣдуетъ отнести на счетъ лучшаго устройства слѣдственной части во Франціи, или большей опытности и дѣловитости французской магистратуры — по этому вопросу надо сдѣлать одно замѣчаніе статистическаго характера. Однимъ изъ признаковъ удовлетворительности или неудовлетворительности судебнаго дѣлопроизводства служитъ количество дѣлъ, прекращенныхъ (за недостаточностью уликъ, неосновательностью обвиненія, ненахожденіемъ виновныхъ и по другимъ поводамъ). Понятно, что чѣмъ больше такого рода прекращенныхъ, не дошедшихъ до судебнаго разбирательства дѣлъ, тѣмъ неосновательнѣе стало быть возбуждается уголовное преслѣдованіе, тѣмъ большее возникаетъ количество дѣлъ, которыя собственно и не должны бы были возникать, что̀ естественно не можетъ дать благопріятнаго представленія о дѣятельности судебной магистратуры или же должно вызвать предположеніе, что само населеніе или полиція возбуждаетъ уголовныя дѣла безъ основательнаго повода; относительно излишней склонности населенія обращаться съ обвиненіемъ къ судебнымъ органамъ у насъ врядъ ли можно говорить по до сихъ поръ еще не исчезнувшей боязни нашего простолюдина обращаться къ суду и вообще безпокоить начальство. Сравнимъ же въ этомъ отношеніи Францію и Россію, и гдѣ большее количество дѣлъ прекращается до разбора судомъ, тамъ и признаемъ менѣе удовлетворительною организацію обвинительнаго производства.

Во Франціи въ 1876—80 гг. было въ производствѣ въ среднемъ за годъ 340,708 дѣлъ [1]), изъ нихъ прекращено производствомъ по разсмотрѣніи прокурорскимъ надзоромъ и слѣдственными судьями (abandonés après examen par les parquets et les juges d'instruction) — 194,740 или 57,1% всего числа производившихся судебныхъ дѣлъ (въ ассизахъ и исправительныхъ трибуналахъ вмѣстѣ). У насъ въ Россіи изъ общаго числа оконченныхъ дѣлъ было прекращено обвинительною камерою и окружными судами послѣдовательно съ 1875 по 1879 годъ: 61, 59, 57, 63 и 60%, въ среднемъ около̀ 60%, т. е. почти столько же, сколько и во Франціи. Но составъ дѣлъ въ обѣихъ странахъ неодинаковый? Это вѣрно; возьмемъ въ такомъ случаѣ болѣе однородную группу преступленій противъ чужаго имущества. По дѣламъ этого рода было прекращено обвин. камерами и окр. судами у насъ за тѣ же годы: 70, 68, 64, 71 и 68%, въ среднемъ около 68%. Во Франціи за 1876—80 гг. по соотвѣтствующей группѣ (vols, incendies, faux, escroquerie, devastation de plants, banqueroute, abus de confiance) прекращено до судебнаго разбирательства—67,7%, т. е. то же самое отношеніе, что и у насъ. Сходство, при неодинаковости устройства судебныхъ установленій и судопроизводства,—

1) Compte général за 1880 годъ, табл. 21, стр. CLXI.

поразительное, показывающее, что дѣятельность судебныхъ органовъ, независимо отъ ихъ мѣстнаго или временнаго состава, ограничена опредѣленными нормами, управляется особыми, необходимо присущими организму суда, законами, дѣйствіемъ которыхъ парализуются единичныя, частныя отклоненія. Такимъ образомъ, не имѣя объективныхъ данныхъ для признанія слѣдовательскаго персонала и прокуратуры во Франціи непремѣнно стоящими выше нашихъ по тщательности и добросовѣстности дѣлопроизводства, бо̀льшую строгость суда во Франціи слѣдуетъ отнести къ большей репрессивной энергіи самихъ судей. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что и въ исправительныхъ трибуналахъ наказанія назначаются вовсе не маловажныя: за 1881 — 85 гг. изъ осужденныхъ 63% были приговорены къ тюремному заключенію, изъ нихъ 3%—въ тюрьму на время отъ 1 до 5 лѣтъ. Правда, что и въ исправительныхъ судахъ во Франціи весьма много рецидивистовъ (43%), но меньше всего судьи однако же оправдываютъ не за кражу (въ которой maximum повторныхъ преступниковъ), а за возстаніе и оскорбленіе должностныхъ лицъ, преслѣдуя при этомъ, очевидно, опредѣленную политическую цѣль.

Въ Германіи свѣдѣнія о результатахъ судебнаго разбирательства публикуются не по отдѣльнымъ видамъ судебныхъ мѣстъ, а по всѣмъ судамъ вообще, безъ различія ихъ категорій, и притомъ объ оправданныхъ собственно данныхъ нѣтъ, а собираются свѣдѣнія объ оправдательныхъ и обвинительныхъ приговорахъ судовъ; въ сводкѣ проставляется отношеніе обвинительныхъ, а не оправдательныхъ приговоровъ (Verhältniss der auf Verurtheilung lautenden Entscheidungen). Но такъ какъ мы вездѣ говорили объ оправданіяхъ, а не обвиненіяхъ, то и по нѣмецкимъ отчетамъ мы поступимъ также: возьмемъ отношеніе оправдательныхъ, а не обвинительныхъ приговоровъ, что и дѣлается очень просто—изъ 100 вычитается процентъ обвиненій. Между приговорами, оправдывающими подсудимыхъ, и оправданными есть однако же разница: первыхъ обыкновенно меньше чѣмъ вторыхъ; такъ въ 1882 г. было въ Германіи (объ этомъ есть замѣтка въ отчетѣ за 1882 только годъ) оправдательныхъ приговоровъ — $14,_7$%, а оправданныхъ $18,_2$%. Слѣдовательно, чтобы опредѣлить отношеніе оправданныхъ по числу оправдательныхъ приговоровъ, нужно къ отношенію этихъ послѣднихъ накинуть 3—4%.

Было за преступленія и проступки во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ Германской имперіи (Amtsgerichte, Schöffengerichte, Landgerichte, Schwurgerichte, Reichsgericht и Konsulargerichte) произнесено изъ 100 приговоровъ вообще—оправдательныхъ.

Въ 1882 году	$14,_7$
„ 1883 „	$15,_0$
„ 1884 „	$15,_4$
„ 1885 „	$15,_7$
„ 1886 „	$15,_9$
„ 1887 „	$16,_2$

За 6 лѣтъ замѣтно хотя легкое, но неуклонное повышенiе оправдательныхъ приговоровъ; оправданныхъ по нимъ слѣдуетъ считать отъ 18 до 20%. Это отношенiе выше французскаго (если соединить во Францiи оправданiя въ ассизахъ и исправительныхъ судахъ, то въ виду преобладанiя послѣднихъ, оправданныхъ окажется не болѣе 7—8%) и ниже нашего. Меньше всего оправдываются преступленiя противъ государства, общественнаго порядка и религiи (отъ 11 — 12% оправд. приговоровъ), а также преступленiя по должности (около 13%) — разительный контрастъ съ нашими порядками. Изъ преступленiй противъ имущества, какъ и вездѣ, менѣе всего оправдывается кража въ разныхъ ея видахъ: Schwerer Diebstahl отъ 8 — 9%, einfacher Diebstahl — отъ 11 до 12%. Преступленiя противъ личности оправдываются уже въ большей мѣрѣ—отъ 18 до 19% оправдат. приговоровъ. Рецидивистовъ (по германской статистикѣ—лицъ ранѣе по суду подвергавшихся лишенiю свободы) значительно меньше, чѣмъ во Францiи: отъ 23,0 до 26,6%. что, вѣроятно, и оказываетъ нѣкоторое влiянiе на большую нѣсколько оправдываемость въ Германiи.

Въ *Италiи* (Statistica giudiziaria penale per l'anno 1887) у преторовъ (pretori — судьи по маловажнымъ дѣламъ) съ 1879 по 1887 гг. было оправдано отъ 26,8% (въ 1884) до 31,6% (въ 1887), въ исправительныхъ судахъ (съ нѣсколько меньшей компетенцiей, чѣмъ во Францiи) оправдано подсудимыхъ въ 1881—87 отъ 22,2% (въ 1883) до 24,7% (въ 1886), въ ассизныхъ судахъ (corti di assize) за 1884—87 оправдано отъ 29,8% до 30,8% подсудимыхъ (по важнѣйшимъ дѣламъ). Эти отношенiя уже напоминаютъ наши, хотя всетаки ниже ихъ. Ассизные суды оправдываютъ (какъ и вездѣ) женщинъ больше мужчинъ: среди оправданныхъ за 1887 женщинъ 12,2%, а среди осужденныхъ только 5,1%. По возрасту эти суды оправдываютъ больше всего малолѣтнихъ (до 18 лѣтъ) и стариковъ (свыше 50 л.), какъ и во Францiи. По отдѣльнымъ преступленiямъ ассизы въ Италiи строже всего, однако, относятся къ убiйству неквалифицированному (omicidii semplici), а не къ кражѣ (17,2% оправданныхъ въ 1887 противъ 25,4%, подобное же отношенiе и въ 1886). Это обстоятельство, вѣроятно, зависитъ отъ сильнаго развитiя преступленiй противъ жизни въ Италiи, дѣлъ о которыхъ въ ассизахъ разбирается даже значительно больше, чѣмъ о преступленiяхъ противъ собственности (совершенно обратное отношенiе во Францiи, да и повсюду въ сѣверныхъ странахъ). Для соображенiя о причинахъ большей оправдываемости въ Италiи слѣдуетъ также принять во вниманiе, что отношенiе рецидивистовъ въ ассизахъ было отъ 32,8 до 36% осужденныхъ за 1884—87 (меньше чѣмъ во Францiи), а приговорено къ смертной казни (въ общей сложности) за 1883—87 гг.—406 лицъ, къ пожизненной каторгѣ—1,489 ч., итого къ высшей мѣрѣ наказанiя—1,895 осужденныхъ, тогда какъ во Францiи за пять лѣтъ къ смертной казни и вѣчной каторгѣ приговорено только 765 человѣкъ. Въ Россiи сосланныхъ въ безсрочныя

каторжныя работы было 121 за 5 лѣтъ; обвиняемыхъ же въ убійствѣ у насъ, при громадности нашей территоріи и населенія не меньше, чѣмъ въ Италіи: за 5 лѣтъ (1880—84) у насъ было обвиняемыхъ въ убійствѣ 2,650, а въ Италіи въ 1886 г.—2,624, въ 1887—2,996.

Относительно другихъ странъ мы не имѣемъ свѣжихъ данныхъ подъ руками; можемъ привести только нѣкоторыя цифры за прежніе года, имѣющіяся у Эттингена [5]). Въ Австріи было оправдано за 1875 — 77 всѣми судебными мѣстами—19,1%, Бельгіи—25,7%, Шотландіи (1870 —79)—21,3%, Англіи и Вельсѣ (тѣ же года, свѣдѣнія касаются преступленій, а не проступковъ)—21,2%, Ирландіи—30,0% подсудимыхъ; въ Испаніи въ 1875 г. было оправдано 30,9%. Судя по этимъ даннымъ, можно, пожалуй, придти къ заключенію (какъ это и дѣлаетъ Эттингенъ), что въ бѣдныхъ и малообразованныхъ странахъ оправданія подсудимыхъ происходятъ чаще, чѣмъ въ богатыхъ и цивилизованныхъ. Этотъ выводъ въ извѣстной мѣрѣ подтверждается и отношеніемъ оправданныхъ по отдѣльнымъ департаментамъ Франціи [6]): наибольшая оправдываемость (въ ассизахъ) въ теченіе 1876—80 наблюдалась преимущественно въ глухихъ и небогатыхъ, южныхъ и отчасти центральныхъ департаментахъ, каковы напр. Корсика, Верхнія и Восточныя Пиренеи, Жеръ, Дордонь, Н. и В. Шаранта и др. Наоборотъ, въ промышленныхъ и богатыхъ департ. сѣверной Франціи, каковы деп. Сѣвера, Па-де-Кале, Сомма, Н. Сена, Кальвадосъ и др. оправданія ниже средней; въ деп. Сены. (Парижъ) — около средней. Отчасти это обстоятельство объясняется тѣмъ, что именно на сѣверѣ Франціи преобладаетъ рецидивъ, а на югѣ и въ центрѣ — наименьшее отношеніе рецидивистовъ [7]).

Въ заключеніе мы должны упомянуть о связи между оправдываемостью и ростомъ преступленій, такъ какъ въ практическомъ отношеніи болѣе всего важенъ вопросъ: не имѣетъ ли высокое отношеніе оправданныхъ вліянія на увеличеніе преступности? Разсмотрѣвъ относящіяся сюда данныя, мы немедленно можемъ отвѣтить, что движеніе преступности въ общемъ не зависитъ отъ отношенія оправданныхъ судомъ, ибо вызывается причинами болѣе глубокими, лежащими внѣ компетенціи какого бы то ни было суда. То обстоятельство, что судъ больше или меньше оправдываетъ, преступникамъ въ ихъ массѣ—неизвѣстно: уголовной статистикой они не занимаются, шансовъ своего оправданія не знаютъ, да и въ моментъ совершенія преступленія о послѣдствіяхъ его мало думаютъ, въ особенности же у насъ, гдѣ семь десятыхъ осужденныхъ люди вовсе неграмотные—что знаютъ они о снисходительности или строгости суда? И въ другихъ, политически развитыхъ и образованныхъ странахъ уменьшеніе числаоправданій или его увеличеніе не оказываютъ замѣтнаго вліянія на движеніе преступности.

---

[5]) Moralstatistik, изд. 1881, стр. 471.

[6]) Compte général de la justice criminelle, 1880, стр. XLII введенія.

[7]) Compte général за 1880, картограмма № 7.

Возьмемъ для примѣра Францію: въ ассизахъ, какъ мы уже видѣли, отношеніе оправданныхъ съ 1860 по 1880 г. понизилось съ 24 на 21%; число подсудимыхъ за это время (раньше оно было больше вслѣдствіе иного порядка уголовнаго преслѣдованія) колебалось въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ отъ 4,125 до 5,498, нимало не сообразуясь съ отношеніемъ оправданныхъ; такъ, въ пятилѣтіе 1871—75 оправдано было наименѣе подсудимыхъ—всего 20%, однако же, какъ разъ въ это пятилѣтіе, было наибольшее число обвиняемыхъ въ ассизахъ (отъ 4,560 до 5,498). Затѣмъ, въ пятилѣтіе 1881—85 г. оправдываемость въ ассизахъ сразу поднялась съ 21 на 27%; такого высокаго процента оправданныхъ не было съ 1855 г., но тѣмъ не менѣе число обвиняемыхъ въ это пятилѣтіе осталось то же, что и въ предыдущее—4,381 противъ 4,374 въ 1876 — 80, а число дѣлъ даже нѣсколько уменьшилось (3,446 и 3,343). Далѣе, въ исправительныхъ трибуналахъ отношеніе оправданныхъ постоянно уменьшалось (въ 1841/50 было оправдано 11%, въ 1851/60—8,7% въ 1861/70—7,8%, въ 1871/80—5,8%) и въ тоже время усиливалось присужденіе къ тюремному заключенію (28,6% въ 1841/50, 55,5% въ 1871/80 и 63% въ 1881/85), и, несмотря на это, число обвиняемыхъ въ исправительныхъ трибуналахъ все время безостановочно увеличивалось. Не беря уже для сравненія болѣе отдаленные періоды, когда существовали иные нѣсколько порядки судопроизводства, мы видимъ, что въ 1871—75 гг. по общимъ проступкамъ (delils communs), за исключеніемъ спеціальныхъ и маловажныхъ нарушеній лѣсныхъ и казенныхъ уставовъ, было дѣлъ ежегодно 132,623, въ 1876—80 гг. уже 146,024, а въ 1881—85 гг. — 160,567. Такимъ образомъ, усиленіе репрессіи со стороны суда не въ состояніи было удержать напора возрастающей преступности.

У насъ въ Россіи движеніе преступности можно прослѣдить только за 10 лѣтъ, и то лишь въ части Европ. Россіи, въ той, въ которой новые суды уже дѣйствовали въ 1875 г. Въ этомъ году были открыты и дѣйствовали всего 6 суд. палатъ, въ районъ которыхъ входили 33 губ.; мировыя установленія были открыты въ 43 губерн. (тѣхъ 33, въ которыхъ дѣйствовали общія суды, въ 9 западныхъ и въ Олонецкой). Вотъ въ этомъ районѣ мы и можемъ прослѣдить движеніе числа подсудимыхъ за 10-лѣтіе, причемъ должны напомнить, что въ сводахъ м-ва юстиціи относительно подсудимыхъ у мировыхъ судей есть данныя только о судившихся за проступки, караемые тюремнымъ заключеніемъ, слѣдов. о большинствѣ подсудимыхъ въ мировыхъ установленіяхъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, и представляемая нами ниже табличка даетъ понятіе о движеніи только болѣе важныхъ подсудимыхъ. Само собою разумѣется, что мы не принимали въ разсчетъ подсудимыхъ въ судахъ, открывшихся послѣ 1875 г.

Годы.	Подсудимые въ окр. судахъ. (6 судебн. палатъ).	Подсуд. въ миров. установленіяхъ 43 губерній.	Въ окр. суд. и миров. установл. вмѣстѣ.
1875	37.480	48.207	85.687
1876	38.912	48.912	87.824
1877	40.210	49.560	89.770
1878	39.574	52.980	92.554
1879	42.530	57.527	100.057
1880	40.489	63.723	104.212
1881	42.685	64.888	107.573
1882	42.134	64.934	107.068
1883	31.350	76.649	107.999
1884	33.378	75.314	108.629

Сильное пониженіе числа подсудимыхъ въ окружныхъ судахъ въ 1883 — 84 гг. и обратно тому—повышеніе числа подсудимыхъ у мировыхъ судей объясняется дѣйствіемъ закона 18 мая 1882 г., о которомъ мы говорили уже нѣсколько разъ. До этого времени, мы видимъ въ окружныхъ судахъ, въ началѣ, легкое возрастаніе, а затѣмъ неопредѣленное колебаніе числа подсудимыхъ, безъ отношенія къ проценту оправданныхъ. Въ мировыхъ судахъ и до 1882 г. замѣчается неудержимое возрастаніе подсудимыхъ, между тѣмъ какъ раньше мы видѣли, что оправданія въ мировыхъ судахъ въ теченіе десятилѣтія замѣтно понизились (съ 42 на 36%). Такимъ образомъ, и въ Россіи не наблюдается связи отношенія оправданныхъ съ движеніемъ преступности. Между прочимъ, утѣшительное явленіе для насъ представляетъ то обстоятельство, что общее число подсудимыхъ (въ общихъ и мировыхъ судахъ), сильно возраставшее вплоть до 1881 г., затѣмъ какъ бы пріостановилось, замерло на одной величинѣ, и если и увеличилось въ 1884 г., то очень немного.

Мы могли бы привести и другіе примѣры въ доказательство того положенія, что отношеніе оправданныхъ судомъ не оказываетъ непосредственнаго вліянія на движеніе преступности, но полагаемъ, что и сказаннаго уже достаточно, и что вопросъ самъ по себѣ не такъ уже сложенъ и неясенъ, чтобы требовалось для его разрѣшенія приводить цѣлую массу утомительныхъ для читателей цифръ и вычисленій.

Е. Тарновскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Richard Zeuss. *A. Smith und der Eigennutz (А. Смитъ и эгоизмъ»). Eine Untersuchung über die philosophischen Grundlagen der alteren Nationalöconomie.* 1889.

Тема объ А. Смитѣ оказывается все еще не исчерпанною, не смотря на существованіе большаго количества статей, комментаріевъ и обширныхъ трактатовъ объ ученіяхъ отца политической экономіи, написанныхъ извѣстными экономистами Англіи, Германіи, Франціи (Dudley Stewart, Bagehot, Cliff-Lesly, Onken, Leser, Albert Delatour и др.). Въ послѣднее время появленіе новыхъ изслѣдованій объ А. Смитѣ, къ числу которыхъ относится и названное сочиненіе Цейса, находится въ тѣсной связи съ выдвинутыми въ современной литературѣ на очередь методологическими вопросами политической экономіи и общимъ пересмотромъ основныхъ принциповъ и понятій въ этой наукѣ. По поводу этихъ общихъ вопросовъ представители различныхъ школъ обращаются къ новому тщательному изученію текстовъ сочиненій классическихъ экономистовъ—одни съ цѣлію найти въ нихъ подтвержденіе своихъ теоретическихъ выводовъ, а другіе—съ тѣмъ, чтобы доказать невѣрность тѣхъ или другихъ воззрѣній этихъ экономистовъ и тѣмъ подорвать теоретическія и методологическія ученія, основанныя на положеніяхъ старыхъ школъ.

Изслѣдованіе Цейса посвящено выясненію этико-философскихъ основаній теоріи А. Смита—той стороны его экономической системы, которая раньше уже была предметомъ спеціальнаго разсмотрѣнія въ сочиненіи Онкена (A. Smith und J. Kant), съ которымъ, какъ мы увидимъ ниже, Цейсъ кореннымъ образомъ расходится въ пониманіи этіологическаго міровоззрѣнія А. Смита. Самъ Цейсъ, на первыхъ страницахъ своей книжки, отмѣчаетъ тѣсную связь своего изслѣдованія съ общимъ вопросомъ объ отношеніи этики къ экономіи, занимающимъ современныхъ экономистовъ.

Для того чтобы представить въ подлинномъ свѣтѣ характеръ этико-философскихъ воззрѣній А. Смита, Цейсъ обстоятельно изучилъ существующую литературу объ А. Смитѣ и старался сопоставить воззрѣнія,

заключающіяся въ двухъ извѣстныхъ его трактатахъ: «О богатствѣ народовъ» и «Теоріи нравственныхъ чувствъ» съ тѣми ученіями, которыя А. Смитъ, по свидѣтельству его біографа Стеарта и др., развивалъ въ Глазговскомъ университетѣ, въ качествѣ преемника Гутчисона по каѳедрѣ нравственной философіи. Цейсъ также принялъ во вниманіе и тѣ указанія относительно міровоззрѣнія А. Смита, которыя заключаются въ его переепискѣ съ Юмомъ и письмахъ послѣдняго по поводу А. Смита къ Робертсону; при этомъ авторъ прилагалъ большія старанія къ тому, чтобы розыскать въ изданіяхъ двухъ англійскихъ обществъ «Philosophical Society» и «Select Society» два доклада Смита имѣющихъ отношеніе къ его этическимъ воззрѣніямъ, но безуспѣшно, такъ какъ отсутствіе ихъ въ печатанныхъ трудахъ обоихъ обществъ заставляетъ предполагать, что эти докладды сдѣланы были А. Смитомъ изустно. Воззрѣнія Цейса на этическую основу хозяйственной теоріи А. Смита, уклоняющіяся отъ извѣстныхъ въ литературѣ воззрѣній на эту сторону системы Смита, въ существенныхъ чертахъ заключаются въ слѣдующемъ.

Цейсъ, сначала, останавливается на вопросѣ: какимъ образомъ Смитъ пришелъ къ мысли построить свою хозяйственную теорію на эгоизмѣ? Нѣкоторые писатели объясняли происхожденіе эгоистической теоріи хозяйства вліяніемъ на А. Смита матеріалистической философіи Гельвеція, Мандевиля и Рошфуко (Rochefoucauld), утверждавшихъ, что эгоизмъ есть единственный и всеобщій мотивъ всѣхъ человѣческихъ дѣяній. Но такое утвержденіе, однако, неосновательно и противорѣчитъ тому, что мы знаемъ о Смитѣ изъ его же сочиненій. Въ своей «теоріи нравственныхъ чувствъ» онъ прямо оспариваетъ матеріалистическое ученіе названныхъ писателей во всѣхъ его частяхъ. Цейсъ считаетъ также неправильнымъ весьма распространенное въ литературѣ мнѣніе, для доказательства котораго написано, между прочимъ, обширное изслѣдованіе Скаржинскаго (Scarzinsky), что А. Смитъ будто бы заимствовалъ свою этическую теорію у физіократовъ и въ частности у Тюрго. Противъ этого мнѣнія свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что этико-хозяйственное міровоззрѣніе, заключающееся въ соч. «О богатствѣ народовъ» Смитъ развивалъ еще въ 1750 году на каѳедрѣ въ качествѣ профессора Глазговскаго университета (т. е. до поѣздки во Францію и знакомства съ физіократами), какъ это доказываютъ письма Юма къ Робертсону и свѣдѣнія собранныя Стеартомъ о содержаніи лекцій Смита читанныхъ въ то же время, въ которыхъ Смитъ является прямымъ сторонникомъ и развивателемъ нравственной теоріи Гутчисона о происхожденіи нравственныхъ понятій изъ врожденныхъ чувствъ—симпатіи и т. п. Съ другой стороны, нѣкоторыми французскими писателями (Leon Say) доказано, что самъ Тюрго много обязанъ школѣ Гутчисона, сочиненій котораго онъ былъ переводчикомъ на французскій языкъ.

Цейсъ также не раздѣляетъ мнѣнія Бокля, утверждавшаго, что два извѣстные трактата Смита—« О богатствѣ народовъ» и «Теорія нравствен-

ныхъ чувствъ» построены на двухъ различныхъ этическихъ началахъ, при чемъ, будто бы, Смитъ, слѣдуя методу отвлеченія, исходилъ при объясненіи нравственныхъ явленій изъ начала симпатіи, а всѣ хозяйственныя явленія сводилъ къ одному эгоизму. Цейсъ выставляетъ на видъ, что въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» содержится полная теорія этическихъ явленій, во всемъ разнообразіи лежащихъ въ основаніи ихъ мотивовъ (альтруистическихъ и эгоистическихъ), какъ въ сферѣ общественной, такъ индивидуальной дѣятельности человѣка, а въ томъ числѣ и хозяйственной. Сопоставляя тексты обоихъ трактатовъ Смита, а также мѣста изъ его университетскихъ лекцій и переписки, онъ доказываетъ, что въ основаніи всѣхъ ученій Смита лежитъ одна и та же цѣльная теорія этики, изложенная въ его «теор. прав. чувствъ».

Сдѣлавъ, далѣе, обзоръ сочиненій выяснявшихъ собственно связь этическаго міровоззрѣнія Смита съ его экономическою теоріей, Цейсъ весьма основательно отмѣчаетъ ошибку Онкена, старавшагося сблизить этическія воззрѣнія Смита съ Кантовской теоріей нравственности. Цейсъ указываетъ на полную противоположность этическихъ воззрѣній этихъ двухъ мыслителей, выражающуюся, между прочимъ, въ томъ, что Кантъ проявленіе нравственныхъ добродѣтелей видитъ въ борьбѣ съ естественными влеченіями инстинктивной натуры человѣка, тогда какъ Смитъ, напротивъ, въ свободномъ выраженіи нѣкоторыхъ основныхъ тенденцій человѣческой натуры (въ хозяйственной сферѣ—эгоизма) усматриваетъ гарантію человѣческаго благополучія. Этическую теорію А. Смита Цейсъ изображаетъ въ слѣдующемъ видѣ.

Въ отличіе отъ Гутчисона, который по утвержденію самого Смита, не допускалъ, чтобы эгоизмъ въ какой либо мѣрѣ или въ какомъ бы то ни было направленіи приводилъ къ добродѣтельнымъ поступкамъ (a motive of virtuous actions), Смитъ считаетъ эгоизмъ вмѣстѣ съ чувствомъ симпатіи двумя основаніями всей нравственности. Изъ эгоистическихъ побужденій по Смиту вытекаютъ такія добродѣтели, какъ благоразуміе (prudence), осмотрительность (circumspection), умѣренность и постоянство (constancy). Нравственный образъ дѣйствій основывается, однако, не на одномъ эгоизмѣ, какъ и не на одной симпатіи къ ближнимъ; онъ состоитъ въ соблюденіи мѣры (mediocrity), въ развитіи обоихъ мотивовъ. Эти два фактора всѣхъ человѣческихъ влеченій—эгоизмъ и симпатію—Смитъ называетъ «естественными», прирожденными. Въ существованіи ихъ лежитъ начало цѣлесообразности природы, проявленіе заботливости Творца, вложившаго въ человѣческую душу эти чувства съ цѣлію обезпечить человѣчеству возможно большую сумму счастья. Цейсъ не безъ основанія, поэтому, называетъ этическую теорію Смита «оптимистическимъ деизмомъ».

Хозяйственныя отношенія являются той спеціальной сферой, въ которой эгоизмъ составляетъ нормальную психологическую основу человѣческой дѣятельности, гдѣ онъ приводитъ къ наибольшимъ эффектамъ.—Ученіе объ эгоизмѣ, какъ основѣ хозяйственной дѣятельности, выступаетъ въ соч.

«О богатствѣ народовъ» въ двоякомъ значеніи: въ качествѣ одной изъ посылокъ теоретическаго объясненія явленій и какъ этическая основа практическихъ требованій въ области хозяйственной политики. Кругъ явленій теоретически объясняемыхъ Смитомъ при помощи этой посылки ограничивается такими категоріями, какъ обмѣнъ, торговля, кредитъ, производство, распредѣленіе благъ между чисто хозяйственными классами; но при объясненіи явленій другаго порядка, тоже имѣющихъ отношеніе къ хозяйственной области, каковы корпораціи, союзы, государство, Смитъ исходитъ изъ другихъ началъ. Относительно сферы хозяйственнаго оборота Смитъ доказывалъ, что въ этой области эгоизмъ всегда будетъ являться факторомъ обезпечивающимъ наибольшую сумму хозяйственнаго благосостоянія, но при этомъ онъ разумѣлъ эгоизмъ «*ограниченный принципомъ справедливости*» («каждый человѣкъ совершенно свободенъ преслѣдовать свои интересы свойственными ему способами, насколько онъ при этомъ не преступаетъ законовъ справедливости»). Хозяйственное благосостояніе общества, по Смиту, можетъ быть достигнуто не эгоистическою дѣятельностью отдѣльныхъ личностей, а путемъ всесторонняго преслѣдованія своихъ интересовъ цѣлою массою лицъ, составляющихъ данное общество, въ томъ случаѣ, когда хозяйственная дѣятельность въ обществѣ принимаетъ форму конкуренціи не стѣсняемой никакими законодательными ограниченіями. Отрицая гармонію существующихъ хозяйственныхъ отношеній, Смитъ въ господствѣ всесторонней конкуренціи видѣлъ лучшее средство противъ преобладанія одного сословія или класса надъ другимъ.

Въ устройствѣ хозяйственнаго благосостоянія народа Смитъ умалялъ значеніе союзовъ, корпорацій, общинъ и государства и, прибавимъ отъ себя, разсматривалъ значеніе этихъ учрежденій со стороны тѣхъ отрицательныхъ сторонъ, которыя проявлялись въ феодальномъ режимѣ наканунѣ его паденія.

Смитъ, конечно, преувеличивалъ значеніе эгоизма и конкуренціи для обезпеченія общественнаго благосостоянія, ибо послѣдующій историческій опытъ показалъ, что именно на почвѣ «всесторонней» конкуренціи возникъ цѣлый рядъ общественно-хозяйственныхъ неустройствъ, составившихъ предметъ серьезнаго вниманія экономистовъ послѣдующихъ школъ и соціалистической въ особенности. Но корни ошибки допущенной Смитомъ заключаются въ его теоріи этики.

Въ заключеніе этой передачи содержанія книжки Цейса напрашивается одно общее соображеніе о значеніи А. Смита. Судъ современныхъ экономистовъ относительно А. Смита становится все строже, хотя критика въ общихъ чертахъ давно уже указала на ошибки и преувеличенія, допущенныя въ его трактатахъ. Но было бы несправедливо въ виду этого забывать, что въ его трактатахъ намѣчены и частью развиты основныя точки, съ которыхъ экономическая наука и теперь продолжаетъ разсматривать хозяйственныя явленія, несмотря на то, что значеніе однихъ изъ высказанныхъ Смитомъ началъ имъ было преувеличено на счетъ

другихъ. Въ этомъ отношеніи значеніе А. Смита, какъ классическаго писателя, огромно по сравненію со всѣми другими школами, критиковавшими и исправлявшими его ученія.

В. Левитскій.

A. von Miaskowski. *Das Problem der Grundbesitzverteilung in geschichtlicher Entwickelunk. 1890.*

Въ этой брошюрѣ въ сжатой формѣ изложены конечныя воззрѣнія одного изъ наиболѣе авторитетныхъ знатоковъ земельныхъ отношеній. На почвѣ историческихъ фактовъ Міасковскій старается выяснить вѣроятный характеръ измѣненій въ аграрномъ строѣ въ будущемъ. Содержаніе брошюры сводится къ слѣдующему.

Капитализмъ, мобилизируя и концентрируя всѣ предметы, обладающіе мѣновой цѣнностью, проявляетъ ту же тенденцію и по отношенію къ землѣ; онъ сремится отторгнуть землю отъ земледѣльца, сосредоточить земельную собственность въ рукахъ немногихъ крупныхъ владѣльцевъ, чуждыхъ всякаго участія въ веденіи хозяйства, и обратить крестьянина-собственника въ временнаго пользователя-фермера. Таковы были измѣненія, произведенныя капиталистической организаціею производства въ складѣ землевладѣнія въ Англіи, Италіи—странахъ съ наиболѣе раннимъ развитіемъ капитализма. Большая задолженность мелкаго и средняго землевладѣнія въ Германіи и Австріи, представляющая, очевидно, ни что иное, какъ скрытую форму потери собственности, показываетъ, что тотъ же процессъ угрожаетъ странамъ, въ которыхъ капиталистическій строй является фактомъ недавняго сравнительно происхожденія. Переходъ собственности на землю къ другому лицу, чѣмъ то, которое ее воздѣлываетъ, ведетъ къ установленію извѣстнаго вычета изъ дохода послѣдняго въ пользу собственника, въ формѣ земельной ренты. Такое положеніе могло находить оправданіе на первыхъ ступеняхъ феодально-крѣпостнаго строя, когда землевладѣлецъ былъ обязанъ безвозмездной службою государству, поглощавшей всѣ его силы. Но въ настоящее время земельный собственникъ, какъ таковой, ничѣмъ не вознаграждаетъ общества за предоставленный ему доходъ; поэтому при современныхъ условіяхъ принадлежность земли и ренты лицамъ, не ведущимъ лично сельскаго хозяйства, является зломъ, ничѣмъ не оправдываемымъ, противорѣчащимъ народному правосознанію. Отсюда слѣдуетъ, что необходимо всячески бороться противъ присущей капитализму тенденціи, что слѣдуетъ поддержать крестьянское землевладѣніе и возстановить его тамъ, гдѣ оно по тѣмъ или другимъ причинамъ уже исчезло. Въ послѣднее время правильность такого требованія начинаетъ сознаваться и правительствами. Доказательствомъ тому служатъ мѣры, принятыя къ улучшенію положенія арендаторовъ и облегченію имъ перехода въ мелкіе собственники въ Ирландіи, стремленіе дать фермерамъ большія права на арендуемую землю въ Англіи,

попытки устроенія быта безземельныхъ батраковъ въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ. Возстановленіе крестьянскаго землевладѣнія съ теоретической стороны не представляетъ трудностей: средства, ведущія къ цѣли, ясны и уже испробованы во многихъ странахъ при освобожденіи крестьянскихъ земель отъ повинностей въ пользу помѣщиковъ. Нельзя того же сказать о мѣрахъ, необходимыхъ для воспрепятствованія переходу крестьянскихъ земель въ руки капиталистовъ, вообще не сельскихъ хозяевъ. Безъ сомнѣнія, необходимы извѣстныя ограниченія свободы распоряженія землею со стороны собственника. Но въ чемъ должны состоять эти ограниченія и какъ далеко они могутъ идти? Міасковскій отвѣчаетъ только на послѣдній вопросъ. По его мнѣнію, въ чемъ бы ни выразились измѣненія въ юридической конструкціи землевладѣнія, во всякомъ случаѣ должны быть сохранены въ неприкосновенности основныя особенности частной собственности. Коллективная собственность на землю, полагаетъ Міасковскій, не можетъ найти себѣ мѣста въ будущемъ, за исключеніемъ, впрочемъ, горныхъ мѣстностей съ пастушескимъ хозяйствомъ; она не можетъ быть возстановлена на Западѣ, потому что раннее разложеніе общиннаго землевладѣнія у германскихъ и романскихъ народностей показываетъ, что коллективныя формы владѣнія землею не согласны съ требованіями культуры; она не можетъ долго удержаться и на Востокѣ, потому что, какъ утверждаетъ Міасковскій, уже теперь проявляется и въ Великороссіи стремленіе перейти отъ общиннаго пользованія землею къ подворно-участковому. Такимъ образомъ авторъ приходитъ къ заключенію, что задача будущаго въ дѣлѣ перераспредѣленія земельной собственности состоитъ въ томъ, чтобы предоставить землю тому, кто ее обработываетъ или хозяйничаетъ на ней, и предоставить ее на началахъ частной собственности, ограниченной согласно требованіямъ общественнаго блага.

Таково существенное содержаніе брошюры. Не трудно замѣтить, что основной выводъ ея подходитъ къ идеѣ Джорджа. Какъ и Джоржъ, Міасковскій признаетъ, что земля и рента не должны принадлежать лицамъ не занимающимся лично земледѣліемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ между мыслью Міасковскаго и Джорджа существуетъ крупное различіе. Джорджъ отымаетъ ренту у теперешнихъ собственниковъ, чтобы обратить ее въ достояніе государства, у Міасковскаго же рента должна перейти отъ теперешнихъ собственниковъ къ новымъ—земледѣльцамъ. Непосредственная причина этого различія—ясна; Міасковскій изслѣдуетъ интересы одного земледѣльческаго класса, въ то время какъ Джорджъ стоитъ на почвѣ потребностей всего трудоваго населенія и даже всего общества. Для земледѣльцевъ, какъ для класса, реформа можетъ представить существенную выгоду, только будучи проведена по мысли Міасковскаго, т. е. только тогда, когда рента, отошедшая отъ упраздненныхъ собственниковъ, вмѣстѣ съ землею будетъ предоставлена ими земледѣльцамъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія общенародной пользы наиболѣе простымъ и на первый

взглядъ наиболѣе цѣлесообразнымъ является обращеніе ренты въ распоряженіе государства.

Точка отправленія Джорджа безъ сомнѣнія болѣе справедлива, чѣмъ Міасковскаго. Крупная аграрная реформа не должна быть разсматриваема только въ отношеніи ея къ положенію земледѣльческаго населенія. Мало того, можно думать, что основныя измѣненія въ складѣ землевладѣнія, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ ихъ представляетъ Міасковскій, справедливы лишь тогда и постольку, поскольку они служатъ ко благу всего рабочаго населенія. Такъ какъ рента уплачивается не производителемъ, а потребителемъ земледѣльческихъ продуктовъ, то, не смотря на существованіе платы за пользованіе землею, земледѣлецъ-арендаторъ получаетъ нормальное вознагражденіе за свой трудъ и капиталъ, то вознагражденіе, которое онъ могъ бы получить въ каждой другой отрасли, ибо въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы заниматься земледѣліемъ. Земледѣлецъ поэтому участвуетъ въ уплатѣ земельной ренты лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ самъ потребляетъ производимые имъ продукты; но рядомъ съ нимъ и очень часто въ далеко большей степени несутъ эту ренту другіе потребители, главнымъ образомъ, рабочіе, занятые въ остальныхъ отрасляхъ промышленности. Едва ли можно считать справедливымъ передать ренту однимъ земледѣльцамъ, оставляя безъ измѣненій условія жизни остальной трудовой массы; кромѣ того всякая реформа, направленная къ значительному улучшенію положенія одной группы населенія безъ соотвѣтственнаго измѣненія матеріальной обстановки остальнаго рабочаго населенія ведетъ къ антагонизму и къ усиленію розни между различными классами, имѣвшими прежде общіе интересы.

Постановка вопроса у Міасковскаго не можетъ поэтому быть признана правильною. Но это еще не обусловливаетъ неправильности конечныхъ выводовъ. Возможно, что реформа, выставленная въ интересахъ одного крестьянства, въ то же время необходима для блага всего рабочаго населенія и имѣетъ всѣ шансы на осуществленіе. Слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ по существу, т. е. на сколько тотъ или другой проектъ отвѣчаетъ требованіямъ общаго блага. Идея націонализаціи земли встрѣчаетъ повсемѣстно большое сочувствіе, но въ то же время весьма немногіе раздѣляютъ воззрѣніе Джорджа на ея значеніе. Главное значеніе націонализаціи ренты лежитъ въ увеличеніи государственныхъ доходовъ или въ измѣненіи системы налоговъ. Джорджъ предлагаетъ, обративши ренту въ пользу государства, уничтожить другіе налоги. Но не значитъ ли это главнымъ образомъ доставить новыя вы годы капиталистамъ? Если рядомъ съ новымъ доходомъ оставить тѣ налоги, которые падаютъ на капиталистовъ, то государство можетъ дѣйствительно употребить новый доходъ на различнаго рода помощь трудовой массѣ и тѣмъ вернуть ренту тѣмъ, кто ее уплачиваетъ. Но рента можетъ быть употреблена государствомъ и на другія цѣли, и тогда націонализація земли рискуетъ пройти безслѣдно для рабочаго населенія. Нельзя при этомъ не обратить вни-

манія еще и на слѣдующее обстоятельство. Логически проведенная, реформа Джорджа должна распространиться и на крестьянскія земли. Тамъ, гдѣ крестьянство еще многочисленно, національзація ренты непосредственно повлекла бы за собою значительное ухудшеніе быта крестьянскаго населенія. Можно ли такъ фанатично вѣрить въ благодѣтельность реформы, чтобы рѣшиться для ея осуществленія на такую жертву?! Будетъ поэтому, можетъ быть, ближе къ истинѣ сказать, что, сочувствуя идеѣ національзаціи, многіе имѣютъ скорѣе въ виду реформу, сходственную съ мыслью Міасковскаго, именно предоставленіе земли земледѣльцу, а не обобществленіе ренты.

И. Г.

Владиміръ Чижъ. *Лекціи по судебной психопатологіи.* С.-Петербургъ, 1890 г.

Нельзя не отмѣтить, какъ весьма пріятное явленіе, выходъ въ печати лекцій по судебной психопатологіи Владиміра Чижа. Въ виду полнѣйшаго отсутствія въ русской литературѣ систематическаго руководства, имѣющаго своимъ предметомъ судебную психопатологію, книга Владиміра Чижа въ значительной степени восполняетъ этотъ пробѣлъ. Какъ первая попытка въ этомъ родѣ, лекціи по судебной психопатологіи В. Чижа должны въ особенности для юристовъ послужить важнымъ подспорьемъ при оріентированіи въ судебно-административныхъ случаяхъ, когда выдвигается вопросъ о психопатологическомъ состояніи лица. Будучи сторонникомъ того мнѣнія, что для юриста не столь важна частная патологія и терапія душевныхъ болѣзней, В. Чижъ въ своихъ лекціяхъ главное вниманіе обращаетъ на общую психопатологію, такъ какъ, по мнѣнію автора, прежде всего должно знать, «что такое душевная болѣзнь, какія явленія составляютъ душевную болѣзнь, какъ эти явленія группируются между собой и какъ ихъ различныя группировки создаютъ отдѣльныя картины болѣзни». Авторъ отлично понималъ тѣ трудности на пути, какія ему приходилось одолѣвать, осложняемыя еще тѣмъ обстоятельствомъ, что лекціи его предназначаются для юристовъ, не имѣющихъ свѣдѣній по анатоміи и физіологіи человѣка вообще и въ частности центральныхъ нервныхъ системъ. Къ этимъ затрудненіямъ на пути къ осуществленію намѣченной авторомъ цѣли слѣдуетъ еще присоединить молодость самой науки психіатріи, возникшей лишь въ нашемъ столѣтіи. Правильный взглядъ на изученіе психіатріи не проникъ еще въ образованные слои общества, и этимъ только можно себѣ объяснить существованіе опаснаго заблужденія, что всякій можетъ распознать душевную болѣзнь. Не этимъ ли въ значительной долѣ, между прочимъ, объясняется тотъ фактъ, что между арестантами душевно-больныхъ въ десять разъ болѣе, нежели между неопороченными членами общества. А распознаніе случаевъ душевной болѣзни имѣетъ громадное значеніе въ особенности въ началѣ развитія болѣзни, такъ какъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь захвачена въ самомъ началѣ,

наблюдается, главнымъ образомъ, успѣшность лѣченія психически больныхъ. Только при широкомъ распространеніи свѣдѣній по психіатріи образованные представители общества проведутъ въ жизнь и законъ правильно организованное призрѣніе душевно-больныхъ. Чтобы судить о томъ, насколько это важное дѣло у насъ въ запущеніи, достаточно привести слѣдующія, заимствованныя нами у В. Чижа, цифры: во Франціи, при населеніи въ нѣсколько болѣе за 35 милліоновъ, въ 1883 г. было 50,418 мѣстъ для душевно-больныхъ; въ Германіи, въ 1882 г. при населеніи нѣсколько болѣе 45 милл., мѣстъ для душевно-больныхъ было 52,813. Въ Россіи же въ 1887 г. всего на всего было 9,125 кроватей для душевно-больныхъ. Важность изученія психіатріи еще болѣе усугубляется въ послѣднее время, въ виду появленія новой школы уголовнаго права, такъ называемой криминальной антропологіи, перенесшей центръ тяжести съ отвлеченнаго понятія «преступленія» на самаго преступнаго человѣка и усвоившей наблюдательный методъ, доселѣ игнорируемый въ этой области науки. Но если для юриста важно изученіе психіатріи, то не менѣе необходимо и знаніе психологіи, безъ которой для него не ясны были бы причины многихъ преступленій, имѣющихъ своимъ основаніемъ аффектъ и страсти.

Во второй главѣ излагаются авторомъ общія понятія о душевной дѣятельности и болѣзняхъ. Здѣсь авторъ приводитъ опредѣленіе душевной болѣзни, данное Esquirol'емъ: «душевная болѣзнь есть болѣзнь головнаго мозга, обыкновенно хроническая, безъ лихорадки, и характеризующаяся разстройствомъ чувствъ, мысли и воли». Baillarger, Marce и Ball признаютъ главнымъ признакомъ душевной болѣзни потерю свободной воли, а съ этой потерей уничтожается нравственная свобода душевно-больнаго и онъ самъ становится неотвѣтственнымъ передъ обществомъ за свои поступки. Но для того, чтобы согласно вышеприведеннымъ опредѣленіямъ уяснить себѣ сущность душевной болѣзни, нужно предварительно ясно усвоить, что такое воля и нравственная свобода. Обыкновенно душевная болѣзнь ставится въ зависимость отъ болѣзненнаго состоянія мозга. Связь душевныхъ болѣзней отъ состоянія головнаго мозга была еще отмѣчена Herophilos'омъ (300 до Р. X.). Еще Аристотелю было извѣстно, что чѣмъ больше головной мозгъ относительно тѣла, тѣмъ животное выше въ умственномъ отношеніи. По Exner'у отношеніе вѣса мозга къ вѣсу тѣла слона=1:500, у человѣка = 1:23. Сравнительныя анатомическія данныя даютъ въ свою очередь непреложныя указанія, что органомъ психической жизни служитъ мозгъ. Клиническія наблюденія при душевныхъ болѣзняхъ также указываютъ, что болѣзнь головнаго мозга сопровождается потерей сознанія и разстройствомъ воли. А составившее эпоху открытіе Брока окончательно установило, что большія полушарія головнаго мозга—мѣсто всѣхъ психическихъ отправленій.

Но если мозгъ есть органъ психической дѣятельности, то исходя отсюда, далеко еще нельзя утверждать, что психическая жизнь есть функція мозга.

Отношеніе мозга къ психической жизни человѣка—проблемма, надъ разрѣшеніемъ которой не мало усилій было потрачено пытливыми умами наилучшихъ представителей человѣчества и составляетъ предметъ особой области знанія — философіи. Здѣсь авторъ мимоходомъ сжато характеризуетъ ученіе матеріалистовъ, спиритуалистовъ, даетъ бѣглый взглядъ монизма и дуализма. Но что собою представляетъ психическая дѣятельность, и чѣмъ она рѣзко различается отъ физіологической? Различается первая отъ второй—актомъ сознанія. Но какъ опредѣлить актъ сознанія, вѣдь оно есть самое непосредственное изъ всѣхъ нашихъ чувствъ и этимъ актомъ опредѣляются болѣе сложныя чувства, ощущенія, представленія, понятія, и т. д. Ferrier, которому физіологія головнаго мозга обязана лучшими изслѣдованіями функцій головнаго мозга, прямо признаетъ, что «никакое чисто физіологическое изслѣдованіе не можетъ намъ объяснить сознанія». Предѣломъ крайне пытливаго ума было бы узнать, какимъ образомъ моллекулярныя измѣненія въ мозговыхъ клѣткахъ совпадаютъ съ измѣненіями сознанія. Но если бы даже и удалось опредѣлить точную натуру моллекулярныхъ измѣненій въ мозговыхъ клѣткахъ, происходящихъ при ощущеніи, это все же насъ не приблизитъ, сознаются лучшіе физіологи, ни на волосъ къ разъясненію того, что такое собственно ощущеніе. Какъ сочетать объективное съ субъективнымъ, признать одно функціей другаго? Все это было бы лишь игрою словъ, но не объясненіемъ таинственнаго и, вѣроятно, никогда неразрѣшимаго силами познавательныхъ способностей человѣка, явленія! Когда говорятъ о душевной дѣятельности человѣка. имѣютъ въ виду чувство, мысль и волю. Но такое подраздѣленіе душевной дѣятельности есть лишь просто отвлеченіе, на самомъ же дѣлѣ душа нераздѣльна, едина и проявляется одновременно во всѣхъ своихъ трехъ способностяхъ. Выше уже было замѣчено, что психическія явленія отличаются отъ физіологическихъ сознаніемъ, которое почти не поддается опредѣленію, какъ простѣйшее начало въ нашей душевной дѣятельности; оно есть первое и необходимое условіе всякаго внутренняго воспріятія. И подобно тому, какъ нельзя опредѣлить голубой цвѣтъ, кислый вкусъ, мы вынуждены ограничиться указаніемъ на главныя условія для проявленія акта сознанія. Психическая болѣзнь человѣка есть «болѣзнь всей личности человѣка», и проявляется она въ измѣненіяхъ въ области чувствованія, мысли и воли, равно въ измѣненіи въ самомъ тѣлѣ, главнымъ образомъ, въ нервной системѣ. Нужно всегда помнить, что болѣзненное явленіе одной душевной способности непремѣнно влечетъ за собой такое же уклоненіе отъ нормы и другой, хотя въ конкретномъ случаѣ ярче выступаетъ ненормальное теченіе мысли, въ другомъ чувства, а въ третьемъ—воли. Декартъ высказалъ это категорически: «Vouloir, entendre, imaginer, sentir etc. ne sont que de diverses façons de penser qui appartienent toutes à l'âme».

Для громаднаго большинства людей сфера чувствованій есть наиболѣе важное проявленіе ихъ душевной дѣятельности. Чувствованіе,

по опредѣленію автора, есть реакція сознанія въ формѣ удовольствія и боли на все, что появляется въ сознаніи въ зависимости отъ того, полезно или вредно для жизни оно воздѣйствуетъ на насъ. Отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе сильное чувствованіе можетъ вызвать лишь то, что непосредственно полезно или вредно для нашей жизни. А такъ какъ для большинства современныхъ людей физическое благосостояніе составляетъ конечный результатъ ихъ вожделѣній, поэтому чувствованія по отношенію къ духовнымъ интересамъ и потребностямъ составляютъ въ общей массѣ ничтожную долю чувствованій или же совсѣмъ отсутствуютъ. Не слѣдуетъ смѣшивать ощущенія съ чувствованіями; тогда какъ первыя суть элементы познаванія, вторыя — квалификація сознаніемъ полученнаго ощущенія въ видѣ удовольствія или страданія. Надо принять во вниманіе, что человѣкъ по самой природѣ своей стремится воспринять пріятныя чувствованія и избѣгнуть непріятныхъ. Самое непріятное чувствованіе— чувствованіе голода и, наоборотъ, самое интенсивное, пріятное чувствованіе — половое чувство; вотъ почему на аренѣ жизненной драмы эти чувствованія всегда превалируютъ и часто влекутъ за собой нарушеніе правовыхъ нормъ и вызываютъ необходимую реакцію государственнаго вмѣшательства. Внутренняя самостоятельная жизнь человѣка слагается изъ многообразныхъ сочетаній, воспринятыхъ нашими органами чувствъ, ощущеній и чувствованій, въ свою очередь перерабатываемыхъ нашимъ психическимъ «я» и дающихъ въ конечномъ своемъ результатѣ всю нашу психическую личность. И даже самыя сложныя отношенія, каковы соціальныя чувствованія, имѣютъ своимъ фазисомъ то, что полезно или вредно для насъ, и съ этой точки зрѣнія окрашивается самое чувствованіе. Nie existirt das Gefühl ohne Vorstellung, нѣтъ чувствованія безъ представленія, говоритъ Вундтъ въ своей этикѣ. Нравственныя чувствованія суть уже чувствованія высшаго порядка, они указываютъ на то, что въ человѣкѣ уже выработалось состраданіе и сочувствіе къ волненіямъ, испытываемымъ его ближними. Не мало должно было пройти времени, пока въ душѣ человѣка родилось это облагораживающее его чувство, и только на долю греческой философіи выпало выработать тезисъ: лучше страдать самому, чѣмъ причинить страданія другому. Безкорыстное состраданіе къ ближнему въ его горестяхъ и радостяхъ, любовь къ истинѣ, — все это область нравственныхъ чувствованій. Къ сожалѣнію, эти высшаго порядка чувствованія слишкомъ еще слабы и заглушаются болѣе непосредственными эгоистическими. Чувствованія, можно сказать, основная сущность человѣческой души, они мотивы для поступковъ, они направляютъ нашъ умъ. Не этимъ ли обстоятельствомъ объясняется, что гораздо легче измѣнить мысли человѣка, нежели его чувства. Вѣрно мыслить еще далеко не значитъ справедливо чувствовать, вотъ почему слово такъ часто расходится съ дѣломъ. Энциклопедисты XVIII вѣка, провозгласивъ царство разума, думали насадить миръ и благополучіе въ человѣчествѣ, но позабыли, что человѣчество не всецѣло управляется разумомъ. Не столь важно

для человѣка, что онъ думаетъ, а какъ онъ чувствуетъ, такъ какъ отъ послѣдняго зависитъ направленіе его дѣйствій, ибо человѣкъ стремится достигнуть пріятнаго для него и избѣгнуть непріятнаго.

Изъ изложеннаго видно, о какихъ интересныхъ вопросахъ трактуется въ лекціяхъ В. Чижа. Обыкновенно принято думать, что психическая болѣзнь заключается въ разстройствѣ умственной дѣятельности и не можетъ характеризоваться разстройствомъ въ сферѣ чувствованій. Но разъ усвоивши, что вся душевная дѣятельность человѣка нераздѣльна и едина, мы не можемъ уже допустить, чтобы возможно было разстройство умственной дѣятельности безъ сопровождающей ее аномаліи въ самихъ чувствованіяхъ. Въ виду крайней субъективности чувствованія, трудно провести опредѣленную границу между проявленіями нормальнаго и патологическимъ чувствованіями. Интенсивность чувствованія — вотъ главный характерный признакъ этого проявленія души. Всего чаще приходится наблюдать ослабленіе интенсивности чувствованій. Полнѣйшая апатія, безразличное отношеніе къ пищѣ, близкимъ людямъ, отсутствіе проявленія любви или негодованія къ чему бы то ни было,—вотъ вѣрный признакъ начала душевной болѣзни. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что постепенное угасаніе чувствованій замѣчается въ порядкѣ отъ чувствованій высшихъ, болѣе сложныхъ, къ низшимъ, примитивнымъ, отъ угасанія эстетическихъ, нравственныхъ, кончая отсутствіемъ чувствованія простой физической боли. Такого рода явленія наблюдаются не только въ случаяхъ начальнаго развитія психическаго заболѣванія, но и въ случаяхъ выздоровленія. Обманы чувствъ и идеи бреда уже несомнѣнно свидѣтельствуютъ о душевной болѣзни человѣка; галлюцинаціи — это воспріятіе безъ предмета, а иллюзія—извращенное воспріятіе предмета.

Здѣсь авторъ подробно разъясняетъ эти болѣзненныя явленія обмановъ чувствъ и разбираетъ въ отдѣльности галлюцинаціи всѣхъ органовъ чувствъ. Но мы остановимся нѣсколько подробнѣе на главѣ VIII, трактующей о произвольной дѣятельности. Мы не только испытываемъ на себѣ измѣненіе внѣшняго міра, но сами производимъ разнообразныя измѣненія во внѣшнемъ мірѣ. Но какимъ образомъ мы въ состояніи произвести подобное измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ? Понятно только движеніемъ. Самымъ простымъ движеніемъ будутъ рефлекторныя движенія. Рефлекторное движеніе вызывается раздраженіемъ чувствительнаго нерва, проводящаго это раздраженіе на двигательный чрезъ сѣрое вещество спиннаго и головнаго мозга и вызывающее сокращеніе мышцы. Рефлексъ—явленіе чисто физіологическое, протекающій при одинаковыхъ условіяхъ во всѣхъ случаяхъ тождественно; затѣмъ второй признакъ рефлекса заключается въ томъ, что величина движенія всегда соотвѣтствуетъ величинѣ раздраженія. Всѣ дѣйствія человѣка старались объяснить одной сложной системой рефлексовъ; такая попытка была сдѣлана Lamettrie, доказывавшаго, что l'homme—machine. Авторъ не соглашается съ такимъ взглядомъ. Автоматическія движенія—это движенія безсознательныя, происходящія безъ участія нашей

воли, независимыя отъ нея. Затѣмъ ужъ слѣдуютъ волевые акты; они характеризуются неопредѣленностью времени начала движеній, они не составляютъ обязательнаго послѣдствія раздраженія; затѣмъ волевые акты всегда сознательны. Но для того, чтобы волевой актъ обнаружился во внѣ, необходимы причины, именно нужно, чтобы настоящее наше сознаніе абсолютно или, по крайней мѣрѣ, относительно казалось намъ худшимъ желаемаго нами; напримѣръ, для того, чтобы сѣсть, нужно сужденіе, что сѣсть лучше, нежели стоять. Но и одного представленія еще не достаточно,—еще нужно присоединить сюда живыя чувствованія; только эти послѣднія въ связи съ представленіями даютъ въ результатѣ волевые, произвольные акты. Понятно, что и самыя наши представленія и чувствованія находятъ себѣ объясненіе и свою причину въ цѣломъ рядѣ условій, заключаемыхъ въ нашей организаціи, образованіи и т. д., и чѣмъ развитѣе наша духовная жизнь, тѣмъ мы богаче представленіями и чувствованіями,—отсюда множественность мотивовъ для дѣйствованія. Легче обогатить человѣка новыми знаніями, нежели измѣнить его субъективныя чувствованія.

Итакъ воля, по мнѣнію автора, опредѣляется чувствованіями и представленіями и есть, стало быть, производное изъ нихъ. Авторъ самъ хорошо понимаетъ трудность удовлетворительнаго разъясненія вопроса о волѣ и оставляетъ открытымъ принципіальный вопросъ о сущности воли. Для него, какъ психіатра, важно лишь установить послѣдовательность и общую связь психическихъ явленій. Но если допустить, что относительная сила мотивовъ опредѣляетъ выборъ, то при тождественно равныхъ мотивахъ никакой выборъ не былъ бы возможенъ. Это недоумѣніе выражено въ парадоксѣ Буридана объ ослѣ, умершемъ съ голоду въ виду двухъ одинаково раскошныхъ луговъ и на одинаковомъ отъ нихъ разстояніи. Въ концѣ концовъ, по опредѣленію В. Чижа, свобода воли сводится къ выбору одного изъ двухъ противоположныхъ рѣшеній, безъ всякаго внѣшняго принужденія. Отрицаніе свободы воли повело бы за собой и уничтоженіе нравственной отвѣтственности человѣка, что прямо противорѣчитъ нравственному чувству. До сихъ поръ ни одному философу не удалось еще примирить причинность явленій съ духовной свободой; но съ насъ достаточно одной увѣренности, что мы не можемъ себя представить несвободными; не даромъ Galiani опредѣляетъ человѣка, какъ существо, считающее себя свободнымъ, а изъ убѣжденія въ нашей духовной свободѣ вытекаетъ основа и самой морали. Нужно только согласиться, по увѣренію автора, съ мнѣніемъ талантливаго психолога Dumont, утверждающаго: «здравая философія должна признавать вмѣстѣ и самую строгую физическую необходимость, и самую абсолютную метафизическую свободу». Надо согласиться, что такого рода примиреніе не совсѣмъ подходитъ для всякаго, не столь талантливаго, какъ цитированный нами Dumont.

Мы не станемъ долѣе останавливаться на другихъ отдѣлахъ книги, какъ то:

на болѣзненныхъ разстройствахъ произвольныхъ движеній, на разстройствѣ организма при душевныхъ болѣзняхъ, причинѣ и распознаніи душевныхъ болѣзней, а въ заключеніе упомянемъ лишь о заключительной главѣ, имѣющей своимъ предметомъ законодательство о душевнобольныхъ.

Не трудно понять, что разъ человѣкъ является душевнобольнымъ и въ немъ такимъ образомъ отсутствуетъ необходимая для всякаго члена общества нравственная свобода, государство должно принять на себя заботу объ охранѣ его личности, имущества и другихъ правъ. Главная обязанность государства по отношенію къ душевнобольнымъ—это ихъ правильно организованное призрѣніе. Въ Европѣ правильно организованное призрѣніе душевно-больныхъ беретъ свое начало со времени большой французской революціи, а у насъ—съ 1762 г., когда императоръ Петръ III положилъ на докладѣ сената слѣдующую резолюцію: «безумныхъ не въ монастырь опредѣлять; но построить на то нарочный домъ, какъ то обыкновенно и въ иностранныхъ государствахъ учреждены долгаузы, а въ прочемъ быть по сему». Но практическіе результаты призрѣнія душевныхъ больныхъ были крайне ничтожны, и лишь со времени царствованія императора Александра II-го, когда съ учрежденіемъ земствъ, на нихъ возложено было призрѣніе душевнобольныхъ, дѣло призрѣнія пошло къ лучшему, хотя и само земство, съ одной стороны, вслѣдствіе недостаточности средствъ, а съ другой—по неумѣнію раціанально взяться за дѣло, далеко не могло вполнѣ овладѣть этимъ сложнымъ вопросомъ. В. Чижъ приводитъ цѣликомъ извѣстный циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 1879 г. 11 ноября, гдѣ констатируется непригодность многихъ помѣщеній, предназначенныхъ для умалишенныхъ, представляющихъ, по словамъ циркуляра, «скорѣе мѣсто заключенія, чѣмъ заведенія для призрѣнія». Обязанность призрѣнія душевно-больныхъ, на основаніи примѣчанія къ ст. I и ст. 623—629 устава общественнаго призрѣнія, относится всецѣло къ предмету вѣдомства земскихъ учрежденій. Высшій надзоръ за заведеніями для душевно-больныхъ порученъ губернаторамъ (томъ II ч. I св. з. ст. 570). У насъ въ законахъ нельзя найти указаній, кто долженъ и въ какомъ размѣрѣ платить за призрѣніе душевно-больныхъ въ общественныхъ учрежденіяхъ; справедливѣе всего, по мнѣнію автора, было бы возложить эту обязанность на земства, имѣющія возможность въ свою очередь облагать налогомъ всѣхъ обывателей. Всего лучше законодательство о душевнобольныхъ во Франціи, Швеціи, Италіи и Голландіи. Законодательствомъ этихъ странъ устанавливается и режимъ внутренняго распорядка домовъ для умалишенныхъ; такъ, по § 4 голландскаго закона о помѣшанныхъ 1884 г., всякая стѣснительная мѣра должна быть отмѣчена въ реестрѣ особо установленной для сего книги, ревизуемой спеціальными инспекторами. Вездѣ частныя лѣчебницы для душевно-больныхъ находятся подъ контролемъ государства, а въ Англіи даже закономъ 1 мая 1886 г. запрещено вновь открывать частныя лѣчебницы для душевнобольныхъ. Авторъ находитъ ст. 373 X т. кн. I. разд. II, устанавли

вающую опросъ свидѣтельствуемыхъ въ губернскихъ присутствіяхъ, нежелательной и даже нерѣдко прямо вредной, такъ какъ благодаря ей многіе душевно-больные могутъ быть по отвѣтамъ ихъ не быть признаны сумасшедшими.

Вообще лекціи В. Чижа можно усиленно рекомендовать вниманію юристовъ, которые найдутъ въ нихъ много полезныхъ указаній, изложенныхъ сжато и въ общедоступной для всякаго формѣ.

И. М.

Paul Dehn. *Nationale und Internationale Fabrikgesetzgebung*. Herausgegeben von dem Verein «Concordia» in Mainz.

Въ небольшой брошюрѣ авторъ знакомитъ съ исторіей идеи международнаго фабричнаго законодательства, начиная съ 1876 года, когда президентъ Фрей впервые предложилъ швейцарскому національному совѣту вступить съ сосѣдними странами въ переговоры относительно узаконенія болѣе однородныхъ постановленій, касающихся условій фабричнаго труда, и кончая Берлинской конференціей 1890 г. Далѣе, въ брошюрѣ изложены программы какъ предполагавшейся швейцарской конференціи, такъ и берлинской конференціи, и въ сжатой формѣ приведены дѣйствующія въ различныхъ странахъ ограниченія относительно дѣтскаго труда, труда подростковъ, женщинъ, законы о воскресномъ трудѣ, о трудѣ взрослыхъ, о формѣ вознагражденія за трудъ, постановленія, касающіяся охраны здоровья рабочихъ, законоположенія объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья рабочихъ, о страхованіи рабочихъ, о фабричной инспектурѣ, и т. д. На ряду съ дѣйствующимъ законодательствомъ приведены возникшіе въ послѣдніе годы проекты дальнѣйшаго развитія фабричныхъ узаконеній, что даетъ возможность ознакомиться не только съ состояніемъ фабричнаго законодательства въ различныхъ странахъ, но и съ вѣроятнымъ его развитіемъ въ ближайшемъ будущемъ. Въ заключеніе, останавливаясь на программѣ берлинской конференціи и на ходѣ ея работъ, авторъ старается доказать, что фабричное законодательство должно быть построено на національной почвѣ. Оставляя въ сторонѣ основную мысль автора о непримѣнимости международнаго фабричнаго законодательства, мы должны признать въ авторѣ компетентнаго знатока дѣйствующихъ постановленій, а брошюру его полезной для лицъ, желающихъ въ краткихъ чертахъ ознакомиться съ законами, регулирующими трудъ рабочихъ и условія найма въ различныхъ западноевропейскихъ странахъ.

Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, съ послѣдовавшими по нимъ разъясненіями, содержащимися въ рѣшеніяхъ правительствующаго сената и въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. Изданъ **И. Л. Горемыкинымъ**, оберъ прокуроромъ 2-го департамента правительствующаго сената. Томъ I. С.-Петербургъ. 1891 г.

Настоящій сборникъ имѣетъ значительныя преимущества предъ другими аналогичными изданіями. Каждый годъ приноситъ новыя измѣненія въ дѣйствующемъ законодательствѣ, отмѣну цѣлаго ряда статей; самыя существенныя стороны положенія о крестьянахъ подвергаются измѣненію, и сборники, изданные нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теряютъ то значеніе, какое они имѣли непосредственно послѣ выхода въ свѣтъ. Новое положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и правила о волостномъ судѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ введено это положеніе, вносятъ совершенно новые элементы въ законы, касающіеся крестьянскаго управленія, а такъ какъ они изданы лишь въ 1889 году, то прежде изданные сборники теряютъ до нѣкоторой степени свое значеніе. Въ сборникѣ, изданномъ г. Горемыкинымъ, всѣ положенія о сельскомъ состояніи дополнены разъясненіями, постановленіями, распоряженіями и рѣшеніями, послѣдовавшими въ разное время, и доведены до 1890 года; слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ изданіемъ, вмѣщающимъ свѣдѣнія, до сихъ поръ не помѣщенныя ни въ одномъ сборникѣ. Точно также сборникъ имѣетъ существенное значеніе для Закавказскаго края, восточныхъ окраинъ и Сибири.

Для лицъ и учрежденій, имѣющихъ соприкосновеніе съ крестьянскимъ дѣломъ, сборникъ, въ который включены всѣ узаконенія, касающіяся различныхъ сторонъ крестьянскаго быта, тѣмъ болѣе полезенъ, чѣмъ онъ полнѣе и чѣмъ позднѣе составленъ, а такъ какъ въ сводѣ г. Горемыкина мы встрѣчаемъ узаконенія, изданныя въ самое послѣднее время, то остается только пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ втораго тома свода. Тогда мы будемъ имѣть весьма цѣнное изданіе, незамѣнимое для практическихъ дѣятелей и въ высшей степени полезное, какъ сборникъ матеріаловъ для лицъ, занятыхъ научной разработкой вопросовъ крестьянской жизни.

В. А. Косинскій. *О пріемахъ научной разработки статистическихъ данныхъ.* М. 1890.

Настоящая работа заслуживаетъ вниманія всѣхъ лицъ занимающихся статистикой. Она не только пытается опредѣлить приложеніе того или иного метода для выясненія общественныхъ явленій, допускающихъ числовую характеристику, но и стремится обосновать эти методы матема-

тически. Главная же цѣль автора заключается въ выясненіи того, въ чемъ состоитъ сущность вѣроятности. Каждому занимающемуся статистикой извѣстно, что послѣдней приходится имѣть дѣло по преимуществу съ такими явленіями, относительно которыхъ возможно рѣшеніе лишь въ предѣлахъ вѣроятности, но никакъ не достовѣрности. Отсюда понятно, какое значеніе для статистиковъ должно имѣть «ясное представленіе о вѣроятности и вѣроятныхъ явленіяхъ». Желая дать это ясное представленіе, авторъ проводитъ ту «мысль, что вѣроятность явленія не выходитъ изъ области закона связи причины со слѣдствіемъ, что основанія «вѣроятности» слѣдуетъ искать именно въ этомъ законѣ, а не въ субъективномъ мірѣ человѣка». Само собою разумѣется, такую постановку нельзя не признать вполнѣ научной; нельзя также не признать, что авторъ вполнѣ обстоятельно разсмотрѣлъ всѣ методы, которые примѣняются въ статистикѣ и выяснилъ роль и значеніе каждаго изъ нихъ. Нельзя не указать далѣе на то обстоятельное выясненіе по поводу среднихъ величинъ и ихъ значенія, которое приводится авторомъ на стр. 29—30 его труда. Очень далѣе хорошо и кстати отмѣчены авторомъ условія пользованія методомъ сравненія рядовъ (стр. 35), а также и все то, что говорится имъ передъ этимъ о редукціи. На все это весьма существенно обратить самое серьезное вниманіе каждаго занимающагося статистикой; въ особенности все изложенное очень важно для лицъ еще только приступающихъ къ такимъ занятіямъ. Нужно замѣтить еще, что авторъ имѣлъ въ виду незнакомство многихъ изъ своихъ читателей съ высшей математикой и потому старался по возможности сдѣлать для нихъ доступнымъ пользованіе его книгой и безъ этого знакомства; но врядъ ли старанія его въ этомъ отношеніи увѣнчаются особымъ успѣхомъ. Для этого многія формулы, приводимыя авторомъ, не достаточно выяснены имъ и это въ данномъ случаѣ дѣлаетъ тѣмъ болѣе затруднительнымъ пользованіе ими, что книга г. Косинскаго и вообще читается не легко: языкъ ея мѣстами очень тяжелъ и теменъ даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вещахъ очень простыхъ и удобопонятныхъ. Мы считаемъ тѣмъ обязательнѣе указать на этотъ недостатокъ, что онъ, не относясь къ существу предмета, въ то же время является такимъ, отъ котораго авторъ, конечно, въ состояніи избавиться, коль скоро обратитъ на это вниманіе, читатели же его несомнѣнно выиграютъ отъ этого. Нельзя также пройти молчаніемъ одного утвержденія автора, которое нельзя приводить въ той формѣ, какъ оно приведено у него, коль скоро этого утвержденія невозможно провѣрить въ дѣйствительности или освѣтить примѣромъ. Заканчивая главу о способахъ вывода закона соизмѣненія причины и слѣдствія въ приложеніи къ вопросамъ соціальной динамики, авторъ говоритъ: «сопоставляя измѣненія во времени различныхъ общественныхъ явленій, измѣненія въ значительной степени свободныя отъ случайности, мы можемъ указать, какія силы дѣйствуютъ въ этихъ *неслучайныхъ* измѣненіяхъ общественныхъ явленій— можемъ открыть законы прогрессивныхъ движеній общества»... Это утвер-

жденіе намъ и представляется нуждающимся въ освѣщеніи, хотя бы примѣромъ; безъ этого далеко не убѣдительной является мысль, что для открытія *закона* прогрессивныхъ движеній общества требуется въ сущности такъ мало, да еще при томъ условіи, что «наивѣроятнѣйшіе результаты рѣшеній суть рѣшенія съ приближеніемъ въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ слова».

Все указанное, однако, не измѣняетъ справедливости того, что говорится авторомъ о пріемахъ научной разработки статистическихъ данныхъ, и если мы указали на это, то лишь потому, что въ строго научной работѣ при строго математическомъ проведеніи аргументаціи автора не желательно встрѣтить такое утвержденіе, которое по существу его нуждается въ не менѣе строгой аргументаціи. Но есть два мѣста въ книгѣ г. Косинскаго, которыя намъ представляются уже совершенно немыслимыми въ такого рода произведеніи, какъ разсматриваемое. Одно на стр. 18. Авторъ въ полномъ согласіи съ своей мыслію, что «основанія вѣроятности слѣдуетъ искать не въ субъективномъ мірѣ человѣка», опровергаетъ утвержденіе Д. С. Милля, что «вѣроятность событія для одного лица не то же самое, что вѣроятность *того же* событія для другого лица или для перваго по пріобрѣтеніи имъ добавочныхъ свѣдѣній». Само собой разумѣется, что по скольку этими словами Д. С. Милль ставитъ вѣроятность наступленія того или другаго событія *лишь* отъ степени нашихъ свѣдѣній объ этомъ—онъ не правъ и г. Косинскій справедливо будетъ опровергать его, говоря, что для математиковъ это не такъ. Но вѣдь Д. С. Милль приведенными словами говоритъ не то, что приписываетъ ему авторъ: онъ говоритъ о вѣроятности событія *для даннаго лица*, и само собой разумѣется, что для даннаго лица представленіе о вѣроятности наступленія извѣстнаго событія зависитъ отъ степени его знанія объ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ наступленіе событія. Развѣ въ самомъ дѣлѣ не правъ Д. С. Милль, когда въ поясненіе своей вышеприведенной мысли говоритъ: «существующая *для меня* вѣроятность, что лицо, извѣстное мнѣ только по имени, умретъ въ теченіе года, совершенно измѣнится, если *мнѣ* вслѣдъ затѣмъ скажутъ, что оно находится въ послѣднемъ стадіумѣ чахотки». Конечно, вѣроятность смерти этого лица нисколько не измѣняется отъ того, узнаетъ Д. С. Милль о томъ, что оно въ чахоткѣ или нѣтъ, но вѣдь и не можетъ же г. Косинскій допустить, чтобы Д. С. Милль хотѣлъ сказать, чтобы вѣроятность смерти этого лица измѣнилась въ зависимости оттого, знаетъ или не знаетъ объ этомъ Д. С. Милль! А въ такомъ случаѣ, какъ понимать утвержденіе г. Косинскаго, что вѣроятность одновременно для различныхъ лицъ не можетъ быть различна? Нельзя же вѣдь это понимать такъ, что для лицъ опредѣленнаго возраста, но различныхъ тѣмъ, что одинъ страдаетъ чахоткой, а другой нѣтъ—вѣроятность смерти одинакова. Если г. Косинскій хотѣлъ сказать не это, то тогда онъ приписываетъ Д. С. Миллю мысль, что вѣроятность наступленія событія зависитъ не отъ причинъ его

производящихъ, а отъ того, знаетъ объ этомъ или не знаетъ Д. С. Милль или и кто либо другой. Нельзя же такъ понимать такого писателя какъ Д. С. Милль.

Другое мѣсто, которое нужно отмѣтить—на стр. 10. Долженъ, впрочемъ, оговориться, что напередъ допускаю, что тутъ вѣроятно есть какая либо неточность въ выраженіи, потому что трудно допустить ту нелогичность, которая выражается въ этомъ мѣстѣ, если только оно вѣрно понято мною. Говоря объ опытѣ съ различными (по цвѣту) шарами, вынимаемыми изъ урны, авторъ выясняетъ зависимость появленія того или иного шара отъ случайныхъ причинъ движенія руки и распредѣленія шаровъ въ урнѣ, при чемъ, предполагаетъ каждый разъ различное движеніе руки и различное распредѣленіе шаровъ въ урнѣ, отчего и зависитъ появленіе различныхъ шаровъ. Все это совершенно понятно. Но вотъ авторъ продолжаетъ далѣе. «При большемъ числѣ повтореній опыта будетъ случаться, что *различные* шары вынутся при *одинаковыхъ* движеніяхъ руки и *одинаковыхъ* распредѣленіяхъ шаровъ въ урнѣ». (Курсивъ у автора). Какъ это можетъ случиться!? Если движенія руки одинаковы и въ *то же время* и шары распредѣлены одинаково, то какъ могутъ вынуться различные шары?. Данный шаръ при этомъ условіи будетъ находиться на томъ же мѣстѣ, на какомъ его нашла рука при данномъ движеніи и если опять движеніе ея будетъ тоже, то она опять найдетъ тотъ же шаръ. Если же авторъ хотѣлъ сказать, что различные шары будутъ выниматься при одинаковомъ распредѣленіи шаровъ, но не совпадающимъ съ одинаковымъ движеніемъ руки или же при одинаковомъ движеніи послѣдней, но не совпадающемъ съ одинаковымъ распредѣленіемъ шаровъ, то это не то, что онъ сказалъ.

Въ заключеніе мы должны отмѣтить, что приведенныя мѣста нисколько не уничтожаютъ того общаго серьезнаго значенія труда г. Косинскаго, о которомъ мы говорили выше, и если мы указали на нихъ, то единственно въ тѣхъ видахъ, что каждому автору, серьезно относящемуся къ своему труду, существенно важно указаніе на то, что можетъ вызвать недоумѣніе или недоразумѣніе въ читателяхъ его произведенія.

Н. Каблуковъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Малолѣтній бродяжка по страсти. Директоръ одного изъ нашихъ исправительныхъ пріютовъ недавно сообщилъ мнѣ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о маленькомъ профессіональномъ бродягѣ—питомцѣ завѣдуемаго имъ пріюта. Это очень худенькій 12-ти-лѣтній мальчикъ, съ узенькими, плутоватыми и бѣгающими глазами, нѣкто Иванъ К., о родословной котораго, къ величайшему сожалѣнію, ничего неизвѣстно. К. довольно робокъ, постояно смотритъ внизъ и не питаетъ довѣрія къ окружающимъ. Онъ довольно отзывчивъ на ласку, а на строгость отвѣчаетъ упрямствомъ. «Это вѣчный бродяга вплоть до Сахалина», замѣчаетъ почтенный директоръ. Въ ясную погоду онъ становится безпокоенъ и начинаетъ тосковать до болѣзни. Его неудержимо влечетъ на волю къ чистому воздуху, къ свѣту, теплу и простору и все къ новымъ мѣстамъ. Онъ, повидимому, представляетъ собою слабую, нервную и потому крайне впечатлительную организацію, инстинктивно и упорно требующую все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, которыя могущественно стимулируютъ ее, повышаютъ ея нервный тонъ, а чрезъ то и самое настроеніе. «Думаю, что это потомокъ тѣхъ богомольцевъ—странниковъ», замѣчаетъ почтенный директоръ, «которыхъ въ свое время Россія насчитывала тысячами, и которые сами не сознавали, какая сила толкала ихъ съ мѣста на мѣсто».

Подъ вліяніемъ своего неудержимаго влеченія къ путешествіямъ, нашъ маленькій бродяга украдкою пріѣхалъ съ товарнымъ поѣздомъ изъ Москвы въ городъ N. съ страшной опасностью для жизни. Совершалъ онъ свой далекій путь слѣдующимъ образомъ. Когда поѣздъ трогался, тогда онъ незамѣтно для прислуги примащивался подъ однимъ изъ среднихъ вагоновъ и сидѣлъ тамъ до большой станціи, гдѣ товарные вагоны провѣряются и осматриваются. Подъѣзжая къ такой станціи, но еще на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, когда поѣздъ уже шелъ тихо, К. падалъ на шпалы, выжидалъ пока надъ нимъ проходилъ весь остатокъ вагоновъ, потомъ вставалъ, спокойно шелъ къ станціи и поджидалъ тамъ новаго

отхода поѣзда, съ которымъ и продолжалъ свой путь прежнимъ порядкомъ.

Изъ города N. нашъ маленькій бродяга отправился въ г. М. также съ товарнымъ поѣздомъ, но во время этого переѣзда съ нимъ случилось несчастье. На послѣдней станціи онъ неудачно упалъ на шпалы, его нога подвернулась и по пальцамъ прошло колесо. Тогда его замѣтили, подняли, задержали, вылѣчили и, какъ бродягу, представили къ суду, который и приговорилъ его къ помѣщенію въ исправительный пріютъ. Въ него онъ поступилъ въ мартѣ и пробылъ въ немъ до іюня, а потомъ, увлекаемый все тою же страстію къ передвиженіямъ и новымъ мѣстомъ, бѣжалъ и пропадалъ до начала настоящаго года. Восьмаго февраля онъ самъ вернулся и, встрѣтивъ у воротъ пріюта дядьку, бросился цѣловать его руки.—А я только что пріѣхалъ изъ N. и сейчасъ же побѣжалъ къ вамъ, говорилъ онъ.

Оказалось, что изъ М., гдѣ находится пріютъ, онъ снова отправился въ городъ N., побродилъ тамъ въ сласть, а потомъ вернулся обратно по обычаю съ товарнымъ поѣздомъ. На вопросы, что гнало его изъ пріюта, онъ отвѣчаетъ всегда: «Скука. Все хочется въ другое мѣсто». И это упорное стремленіе въ другое мѣсто какъ бы властвуетъ надъ ребенкомъ, гоняетъ его по разнымъ городамъ, заставляетъ совершать опасныя путешествія и, можетъ быть, доведетъ, при существующихъ условіяхъ такихъ путешествій, до Сахалина или до другаго подобнаго мѣста.

Какъ же спасти мальчика? спрашиваетъ почтенный директоръ—одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей. «Если бы директора были вполнѣ опекунами этихъ несчастныхъ дѣтей»—отвѣчаетъ онъ самъ на свой вопросъ—«то я сію минуту отдалъ бы этого мальчика на пароходъ и исходатайствовалъ бы для него безплатное далекое путешествіе. И тогда онъ былъ бы спасенъ. Изъ него, вѣроятно, вышелъ бы безстрашный лоцманъ, а, если есть талантъ, то, можетъ быть, и нѣчто большее. По возвращеніи изъ своего путешествія, онъ, какъ и теперь, являлся бы въ пріютъ и, зная что по веснѣ ему предстоитъ новое путешествіе, онъ превосходно уживался бы съ порядками пріюта, прилежно учился бы чему угодно, а съ наступленіемъ тепла удовлетворялъ бы свое ненасытное и принудительное стремленіе смотрѣть на новыя мѣста. Къ величайшему сожалѣнію, это только мечта—утопія».

Нельзя не признать вѣрности послѣдняго замѣчанія, но въ то же время нельзя и не прибавить, что это весьма симпатичная и психологически вѣрная утопія. Осуществленіе такихъ утопій, проникнутыхъ разумной гуманностью, не только въ этомъ, но и во множествѣ другихъ подобныхъ же случаевъ могло бы дать самые утѣшительные результаты, давая полезный исходъ естественнымъ и сильно развитымъ склонностямъ. По этому поводу мнѣ невольно приходятъ въ голову начальныя слова изъ статьи проф. M. Benedikt'a—«Il Vagobondaggio e il suo trattamento», помѣщенной въ февральскомъ нумерѣ журнала «L'anomalo».

«Символомъ правосудія была слѣпая женщина», говоритъ проф. Benedikt; «она взвѣшивала при помощи вѣсовъ, которые никогда не были инструментомъ точности, и держала въ рукахъ мечъ для истребленія преступниковъ.

Въ наши дни символомъ правосудія долженъ стать зрячій мужчина, идеи котораго одушевлены пульсаціями сердца, а чувства управляются точнымъ знаніемъ и глубокимъ анализомъ фактовъ».

Дмитрій Дриль.

По поводу 189 ст. правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земск. начальникамъ и гор. судьямъ. Въ стремленіи упростить судопроизводство и создать, по возможности, общій порядокъ, какъ по гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ, составители новыхъ правилъ упустили изъ виду нѣкоторыя неудобства, связанныя съ такимъ стремленіемъ. Эти неудобства были къ тому же усилены ссылочной редакціей статей, которая допустима только при условіи хорошей кодификаціи и, главное, при хорошей системѣ законовъ, чего у насъ и не достаетъ. Отсюда подъ-часъ происходятъ на практикѣ «печальныя недоразумѣнія», отзывающіяся прежде всего на человѣкѣ, а послѣдняго забывать нельзя, если только не забывать связи суда съ жизнью.

Статья 705 уст. уг. суд. гласитъ: «мужъ или жена подсудимаго лица, родственники его по прямой линіи, восходящей или нисходящей, а также родные его братья и сестры могутъ устранить себя отъ свидѣтельства, а если не пожелаютъ воспользоваться симъ правомъ, то допрашиваются безъ присяги».

Такъ поставленъ вопросъ о правѣ устраненія себя отъ свидѣтельства въ уголовномъ кодексѣ. Что же касается уст. гражд. судопр., то законъ, установивъ категорически обязанность свидѣтельствовать («Никто не имѣетъ права отказываться отъ свидѣтельства») въ ст. 370, въ той же статьѣ прибавляетъ: за исключеніемъ такихъ-то и такихъ-то лицъ, при чемъ расширяетъ кругъ такихъ лицъ, сравнительно съ уст. уг. суд. И это понятно...; п. 2 ст. 370 всецѣло обусловленъ особенностями гражданскаго процесса—онъ говоритъ, что исключаются изъ общаго правила, устанавливающаго обязанность свидѣтельствовать на судѣ, «имѣющіе выгоду отъ рѣшенія дѣла въ пользу той или иной стороны». Что же касается новыхъ правилъ, то тамъ оказалось, что статья, касающаяся гражданскаго процесса, имѣетъ силу и для уголовнаго процесса.

Ст. 189, говорящая о допросѣ свидѣтелей, ссылается на 36—38 ст. и 54—57 тѣхъ же правилъ. Всѣ эти статьи относятся къ гражданскому процессу. Ссылки сдѣланы безъ всякой оговорки, а между тѣмъ ст. 56 въ п. 2 повторяетъ почти буквально п. 2 ст. 370, и такимъ образомъ выходитъ, что и въ уголовномъ процессѣ дѣйствуетъ тотъ же принципъ «выгоды», какъ и въ гражданскомъ. Понятно, какъ можетъ вредно отозваться это на отправленіи уголовнаго правосудія, тѣмъ болѣе, что и

толкованіе этой статьи въ виду неясности слова «выгоды» можетъ быть широкое, что даетъ возможность многимъ подъ предлогомъ заинтересованности въ рѣшеніи дѣла уклоняться отъ свидѣтельства, — и на законномъ основаніи.

К. В. Ш.

Дополнительная замѣтка къ статьѣ: «По поводу новыхъ законовъ — объ обезпеченіи доказательствъ и о заочныхъ рѣшеніяхъ». Въ своемъ докладѣ Моск. Юрид. Обществу отъ 15 окт. 90 года, потомъ напечатанномъ въ Юр. Вѣстникѣ (№ 11), я старался, между прочимъ, доказать, что законъ объ обезпеченіи доказательствъ—законъ общій, а не мѣстный (для одного Прибалтійскаго края), и что опубликованныя въ № 79 *Собранія* узаконеній и распор. правительства за 1889 г. измѣненія статей уст. гражд. и угол. судопр., равно какъ и различныхъ томовъ свода законовъ, и дополненія къ существующимъ уже статьямъ имѣютъ общероссійское значеніе, а не обязательны только для однихъ прибалтійскихъ судовъ, хотя всѣ эти законоположенія и напечатаны въ той статьѣ *Собранія* узак., которая по заглавію своему относится исключительно къ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губ.

Въ настоящее время можно дополнить по поводу вышеизложеннаго слѣдующее: 1) циркуляръ г. министра юстиціи предсѣдательствующимъ судебныхъ мѣстъ отъ 18 октября минувшаго года истолковалъ законъ объ обезпеченіи доказательствъ въ смыслѣ общаго закона; 2) только что опубликованное сводное продолженіе 1890 года въ разныхъ своихъ частяхъ трактуетъ всѣ указанные выше измѣненія и дополненія статей, какъ постановленія общаго характера, съ неподлежащею сомнѣнію ясностью.

Сергѣй Викторскій.

Положеніе выкупной операціи къ началу 1891 года. Въ главное выкупное учрежденіе поступило сдѣлокъ на общемъ основаніи положеній 19 февраля 1861 г. и 28 декабря 1881 года по 45 губерніямъ 94,460, изъ коихъ утверждено 24,132 по добровольному выкупу и 68,692 по обязательному выкупу, всего 92,824 сдѣлки. По этимъ сдѣлкамъ выкуплено 22,726,116 десятинъ земли съ ссудой въ 702,392,789 р.; число ревизскихъ душъ, перешедшихъ на выкупъ, достигаетъ 6,621,353. Въ губерніяхъ Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской и Минской число выкупныхъ актовъ, составленныхъ на основаніи указовъ 1863 г. объ обязательномъ выкупѣ въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго, Юго-Западнаго и Бѣлорусскаго края, утвержденныхъ главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ, равняется 9,877, число ревизскихъ душъ 898,110, количество выкупленной земли 4,157,650 десятинъ, а разрѣшенная выкупная ссуда 53,284,580 рублей. Въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской утверждено 7,988 актовъ, съ 3,944,415 десятинами земли и ссудой въ

81,784,025 рублей, число ревизскихъ душъ, перешедшихъ на выкупъ, составляетъ 1,336,444. Кромѣ того, въ губерніяхъ Витебской и Могилевской, на основаніи тѣхъ же указовъ 1863 г., утверждено 5,313 актовъ съ 1,338,663 десятинъ земли и ссудой въ 27,177,209 рублей.

Если присоединить къ этимъ сдѣлкамъ и актамъ сдѣлки и акты, составленные на основаніи положеній 14 іюля 1888 г. въ Бессарабской губерніи, сдѣлки на основаніи правилъ 22 мая 1876 г. объ устройствѣ единовѣрцевъ и старообрядцевъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ, на основаніи положенія 3 іюня 1882 года о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей 2 разряда въ губерніяхъ Западнаго края, наконецъ, выкупные акты и сдѣлки, составленные на основаніи положенія 9 іюня 1886 г. о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ, то число сдѣлокъ и актовъ, поступившихъ въ главное выкупное учрежденіе, будетъ доходить до 121,270; изъ нихъ утверждено по добровольному выкупу 24,900, по обязательному 93,964, всего 118,864. По всѣмъ этимъ сдѣлкамъ и актамъ число душъ, выкупившихъ участки, равняется 9,135,301; выкуплено земли 32,820,230 десятинъ и разрѣшена выкупная ссуда въ 884,148,409 рублей.

Сверхъ того, по 13,999 сдѣлкамъ, по законамъ 15 мая 1883 г. и 20 мая 1885 года, назначено дополнительныхъ выкупныхъ суммъ на 5,950,238 рублей.

Долгъ крестьянъ за пріобрѣтенную ими въ собственность землю составляетъ къ 1 января 1891 года 844,148,529 рублей. Сумма эта распредѣляется слѣдующимъ образомъ: долгъ помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ составляетъ 315,632,123 рубля, выкупныя свидѣтельства 5% на 191,408,400 р., 5½% свидѣтельствъ на 82,607,396 рублей (конвертированныя по указу 10 февраля 1891 года въ 4% облигаціи) и 5% банковые билеты втораго выпуска на 288,530,900 рублей. Душевой участокъ (около 3½ дес.) стоитъ по 92,824 утвержденнымъ сдѣлкамъ среднимъ числомъ 106 р. 08 коп.; на немъ банковаго долга 37 р. 41 к.; къ выдачѣ причитается выкупныхъ бумагъ и денегъ 68 р. 66 коп.; стоимость десятины земли 30 руб. 91 коп. По 23,178 утвержденнымъ актамъ душевой участокъ (около 3¾ десят.) стоитъ среднимъ числомъ 64 р. 54 к.; на немъ банковаго долга 27 р. 02 коп.; причитается къ выдачѣ 37 р. 52 коп.; стоимость десятины земли 17 р. 18 коп. Свѣдѣнія эти заимствованы изъ Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли.

Вспомогательная касса присяжныхъ повѣренныхъ. Намъ доставлено извлеченіе изъ годичнаго отчета вспомогательной кассы присяжныхъ повѣренныхъ округа московской судебной палаты и ихъ помощниковъ, за 1890 годъ. Изъ этого извлеченія видно, что въ 1890 г. членами кассы состояло 44 человѣка. По вспомогательному капиталу

кассы приходъ составлялъ 9,034 р. 11 к., въ томъ числѣ, за періодъ времени 1882—1890 г., отъ членовъ кассы поступило 2,635 р. 25 к., пожертвовано было 220 руб.; расходъ по тому же капиталу составлялъ 9,034 р. 11 к.; между прочимъ, израсходовано было на выдачу пенсій 12 вдовамъ 3,037 р. 74 к. По похоронному капиталу приходъ равнялся 950 р. 50 к.; тому же равнялся и расходъ. Между статьями прихода отмѣтить слѣдуетъ поступленіе отъ членовъ кассы на похороны двухъ своихъ товарищей 435 р. По расходному капиталу какъ приходъ, такъ и расходъ равнялся 765 руб. 81 к. Приходъ по пенсіонному капиталу равнялся 30,663 р. 67 к. Всего касса имѣетъ 36,601 руб. 92 к.; въ этой суммѣ заключаются, кромѣ всего пенсіоннаго капитала, остатки по остальнымъ родамъ капитала на 5 января 1891 года, означенные въ статьяхъ расхода этихъ капиталовъ. Въ предъидущемъ году касса имѣла менѣе на 1,749 руб. 20 к. Со времени учрежденія кассы по 5 января 1891 года выдано было вдовамъ и родственникамъ присяжныхъ повѣренныхъ, вносившихъ деньги въ кассу—похоронныхъ 5,360 руб., пенсіонныхъ 24,528 р. 55 к., въ томъ числѣ двумъ членамъ кассы, а всего 29,888 руб. 55 к. Въ теченіе четырнадцати лѣтъ существованія кассы въ нее поступило 70,154 руб. 12 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ СЕДЬМАГО ТОМА

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ.

(ПЕРВАГО ЗА 1891 ГОДЪ).

Некрологъ.

Стр.

По политической экономіи и статистикѣ:

По исторіи права и учрежденій:

По полицейскому праву:

По уголовному праву и судопроизводству:

По гражданскому и торговому праву:

По общей теоріи права:

Стр.

Библіографія:

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1891 ГОДЪ

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются:

I. Въ **отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за-границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1891 ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки **8** р.	съ пересылкой въ другіе города **9** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ **8** р. **50** к.	за-границей . . . . **12** р.

отдѣльно книга журнала **2** рубля.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія: съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к. *Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.*

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ кас. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. **Гг. дѣйствительные члены Спб. Юридическаго Общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к., а съ кас. рѣш. 9 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права", С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: *Анисимова*, рядомъ съ Публичною Библіотекою, *Мартынова*, Б. Морская, 30 и *Чичинадзе*, Невскій, 57; въ Москвѣ: *Анисимова*, на Никольской улицѣ, а равно въ конторѣ редакціи. *Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.*

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889 и 1890 г.г. по 9 р. за каждый годъ, съ пересылкою, и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы по 2 р. съ пересылкою.

Редакторы: **В. М. Володиміровъ.**
(По отдѣлу гражд. права) **А. Х. Гольмстенъ.**

Содержаніе четвертой книги:

скій. Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Біографическій очеркъ; 11) Библіографическій указатель новыхъ книгъ, съ 1-го января по 15-е марта. *В. Володимірова.*—VI. Иностранная хроника. Законодательныя работы въ Германіи.—Роль свѣтописи въ уголовномъ процессѣ.—Обвиненіе въ Вѣнѣ домовладѣльца О. виновнаго, въ 1870 году, въ незаконномъ проживательствѣ въ столицѣ.—Взглядъ англійской судебной практики на неисполненіе обѣщанія о вступленіе въ бракъ.—Законодательныя работы во Франціи.—Уголовная статистика.—Процессъ Ивена, Перье, Берниха, Шарбанье.—Убійство въ Тиверралѣ. *В. Лыщинскаго.*—VII. За мѣсяцъ (юридическая хроника). VIII—Некрологъ П. Г. Рѣдкинъ.—Замѣтки.—IX Vis major въ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ. *П. Земцова.*—Приложенія.—X. Калифорнское гражданское уложеніе. *А. Кларка.* XI. Объявленія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ

ИЗДАЮЩІЙСЯ ПРИ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціей профессора Московскаго университета **Н. Я. Грота.**

ИЗДАНІЕ А. А. АБРИКОСОВА.

ГОДЪ ВТОРОЙ

(съ ноября 1890 года).

Важнѣйшее содержаніе первыхъ четырехъ книгъ журнала:

I. **Грота.** О задачахъ журнала.—**Вл. Соловьева.** Красота въ природѣ.—**А. Козлова.** Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествовѣдѣнія. — **Кн. С. Трубецкого.** О природѣ человѣческаго сознанія. — **Н. Шишкина.** Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи.— **Н. Ланге.** О дѣйствіи гашиша.—**В. Лесевича.** Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго.—**Хроника: Н. Грота.** Психологическій съѣздъ въ Парижѣ.—**С. Корсакова.** Психіатрическій съѣздъ въ Парижѣ.

II. **Э. Радлова.** Вольтеръ и Руссо.—**И. Иванцова.** Отношеніе между философіей и наукой.—**Н. Лопатина.** Положеніе этической задачи въ современной философіи.—**Н. Звѣрева.** Къ вопросу о свободѣ воли.—**Н. Грота.** Что такое метафизика.—**Н. Шишкина.** Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи.—**Д. Овсяннико-Куликовскаго.** Очерки изъ исторіи мысли.— **Хроника: А. Токарскаго.** Гипнотическій съѣздъ въ Парижѣ.—**Н. Баженова.** Второй съѣздъ по криминальной антропологіи.

III. **О. Герасимова.** Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ. — **В. Лютославскаго.** О значеніи и задачахъ исторіи философіи.—**Л. Лопатина.** Критика эмпирическихъ началъ нравственности. — **И. Иванцова.** Воспоминанія о воззрѣніяхъ С. А. Усова на искусство.—**Н. Шишкина.** Психофизическія явленія съ точки зрѣнія механической теоріи.—**Кн. С. Трубецкого.** О природѣ человѣческаго сознанія.— **Общія характеристики: В. Розанова.** Важнѣйшія теченія русской философской мысли. — **А. Козлова.** Очеркъ жизни и филолософіи Лейбница.

IV. **Кн. Е. Трубецкого.** Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи.—**Э. Радлова.** Вольтеръ и Руссо.—**Л. Лопатина.** Нравственное ученіе Канта.—**А. Токарскаго.** Гипнотизмъ въ педагогіи.— **Н. Карѣева.** Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса.— **Н. Грота.** Жизненныя задачи психологіи.—**Н. Ланге.** Элементы воли.— **Общія характеристики: В. Розанова.** О борьбѣ съ Западомъ въ связи съ дѣятельностью одного изъ славянофиловъ. — **П. Астафьева.** Нравственное ученіе Гр. Л. Толстаго,—и его критики. — **Приложенія: Я. Колубовскаго:** Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи.—Психологическое Общество.

